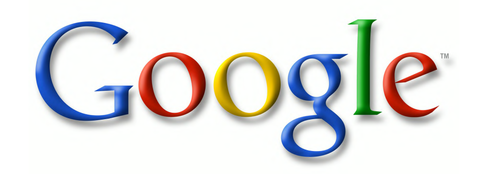
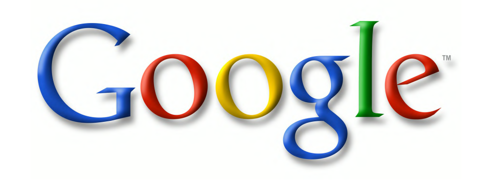
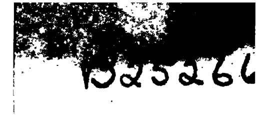
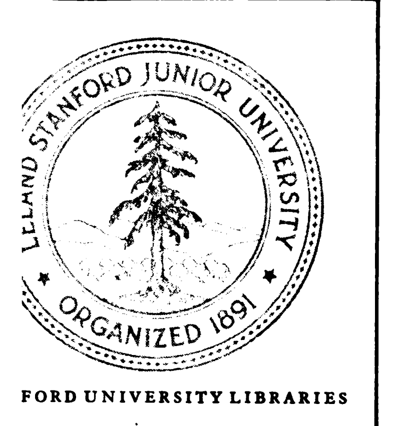




Seal of:
Barbara (Varvara)
Baroness von Plessen
née princess Gagari





Seal of:
Barbara (Varvara)
Baroness von Plessen
née princess Gagari

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Печатать позволяется,

чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
эрбургъ, 28 Октября 1849.

Цензоръ А. Крыловъ.

СОЧИНЕНІЯ

БАТЮШКОВА.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ
==
1850.

Цѣна за два тома 2 руб. сер.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Цѣна за два тома 2 руб. сер.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Цѣна за два тома 2 руб. сер.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Вотъ списокъ мой стиховъ,
Который дружеству быть можетъ драгоцѣненъ.
Я добрымъ Геніемъ увѣренъ,
Что въ семъ Дедалѣ риѳмъ и словъ
Недостаетъ искусства:
Но дружество найдетъ мои, въ замѣну, чувства,
Исторію моихъ страстей,
Ума и сердца заблужденья,
Заботы, суеты, печали прежнихъ дней,
И легкокрылы наслажденья,
Какъ въ жизни падалъ, какъ вставалъ;
Какъ вовсе умиралъ для свѣта;
Какъ снова мой челнокъ фортунѣ повѣрялъ...
И словомъ, весь журналъ
Здѣсь дружество найдетъ безпечнаго Поэта,

Найдетъ и молвитъ такъ,
«Нашъ другъ былъ часто легковѣренъ,
«Былъ вѣтренъ въ Пафосѣ, на Пиндѣ былъ
чудакъ;
«Но дружбѣ онъ за то всегда остался вѣренъ,
«Стихами никому изъ насъ не докучалъ
«(А на Парнассѣ это чудо!)
«И жилъ такъ точно, какъ писалъ. . . .
«Ни хорошо, ни худо!»

—

Въ сѣни домашнихъ гдѣ боговъ
Усердный Эскулапъ божественной наукой
Исторгъ изъ-подъ косы и дивно исцѣлилъ
Меня, борющагось уже съ смертельной мукой!...
Уже ли я тебя, красавица, забылъ,
Тебя, которую я зрѣлъ передъ собою
Какъ утѣшителя, какъ Ангела добра!
Ты, Геба юная, лилейною рукою
Сосудъ мнѣ подала: *пей здравье и любовь!*
Тогда, казалося, сама природа вновь
Со мною воскресала
И новой зеленью вѣнчала
Долины, холмы и лѣса.
Я помню утро то, какъ слабою рукою
Склонясь на костыли, поддержанный тобою,
Я въ первой разъ узрѣлъ цвѣты и древеса....
Какое щастіе съ весной воскреснуть ясной!
(Въ глазахъ любви еще прелестнѣе весна)
Я, восхищенъ природой красной,
Сказалъ Эмиліи: ты видишь, какъ она,
Расторгнувъ зимній мразъ, съ весною оживаетъ,
Съ ручьемъ шумитъ въ лугахъ и съ розой расцвѣтаетъ;
Чтобъ было безъ весны?... Подобно такъ и я
На утрѣ дней моихъ увялъ бы безъ тебя!
Тутъ грудь ея кропя горячими слезами,
Соединивъ уста съ устами,

. . .E come alpestre e rapido torrente,
Come acceso baleno
In noturno sereno,
Come aura o fumo, o come stral repente,
Volan le nostre fame: ed ogni onore
Sembra languido fiore!
Che più spera, oche s'attende omai?
Dopo trionfo e palma
Sol qui restano all'alma
Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.
Che più giova amicizia o giova amore!
Ahi lagrime! ahi dolore!

Torrismondo Trag. di T. Tasso.

УМИРАЮЩІЙ ТАССЪ.

—

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ? къ чему тимпановъ звукъ
и громъ?
Веселья онъ, или побѣды вѣстникъ?
Почто съ Хоругвіей течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою Апостоловъ Намѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима;
Кому тріумфъ? Тебѣ, божественный пѣвецъ!
Тебѣ сей даръ... пѣвецъ Ерусалима!

И шумъ веселія достигъ до кельи той,
  Гдѣ борется съ кончиною Торквато:
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
  Духъ смерти носится крылатой.
Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
  Ни почестей столь позднія награды,
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
  Незнающей къ великому пощады.
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
  Съ веселіемъ его благословляетъ,
И, лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ
  Онъ съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:

»Друзья, о! дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
  Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище.
Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
  О древнее Квиритовъ пепелище!
Земля священная Героевъ и чудесъ!
  Развалины и прахъ краснорѣчивый!
Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
  Вы тополы, вы, древнія оливы,
И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
  Засѣянный костьми гражданъ вселенной:
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
  Безвременной кончинѣ обреченной!
Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
  И не вступлю при плескахъ въ Капитолій;

И лавры славные надъ дряхлой головой
  Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли.
Отъ самой юности игралище людей,
  Младенцемъ былъ уже изгнанникъ;
Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моей
  Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
  Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
Гдѣ успокоился? гдѣ мой насущный хлѣбъ
  Слезами скорби не кропился?
Соренто! колыбель моихъ нещастныхъ дней,
  Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,
Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
  Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній:
Ты помнишь сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!
  Увы! съ тѣхъ поръ добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія.
  Фортуною изрытыя пучины
Разверзлись подо мной и громъ не умолкалъ!
  Изъ веси въ весь, изъ странъ въ страну
                                        гонимый
Я тщетно на земли пристанища искалъ:
  Повсюду перстъ ея неотразимый!
Повсюду молнія карающей пѣвца!
  Ни въ хижинѣ оратая простова,
Ни подъ защитою Алфонсова дворца,
  Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,

Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ, не спасъ главы моей
Безславіемъ и славой удрученной,
Главы изгнанника, отъ колыбельныхъ дней
Карающей богинѣ обреченной...

. . . .

Друзья! но что мою стѣсняетъ страшно грудь?
Что сердце такъ и ноетъ и трепещетъ?
Откýда я? какой прошелъ ужасный путь,
И что за мной еще во мракѣ блещетъ?
Ферàра... Фуріи... и зависти змія!...
Куда? куда, убійцы дарованья!
Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья!
Вотъ слезы ихъ, и сладки лобызанья...
И въ Капитоліи — Виргиліевъ вѣнецъ!
Такъ, я свершилъ назначенное Фебомъ.
Отъ первой юности его усердный жрецъ,
Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ,
Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,
И въ узахъ я душой не измѣнился.
Музъ сладостный восторгъ не гасъ въ душѣ моей,
И Геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сіонъ,
На берегахъ цвѣтущихъ Іордана;
Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,
Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
Предъ нимъ воскресли вы, Герои древнихъ дней,
Въ величіи и въ блескѣ грозной славы;

Онъ зрѣлъ тебя, Готфредъ, Владыко, вождь Царей
Подъ свистомъ стрѣлъ спокойный, величавый;
Тебя, младый Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ,
Въ любви, въ войнѣ щастливый побѣдитель:
Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по трупамъ вражьихъ силъ
Какъ огнь, какъ смерть, какъ ангелъ-истребитель...
И тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!
О доблести неслыханной примѣры!
О нашихъ праотцевъ давно почившихъ сномъ
Тріумфъ святой! побѣда чистой Вѣры!
Торквато васъ исторгъ изъ пропасти временъ:
Онъ пѣлъ — и вы не будете забвенны —
Онъ пѣлъ: ему вѣнецъ безсмертья обреченъ,
Рукою Музъ и славы сплетенный.
Но поздно! я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славныя надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!« —

Умолкъ. Унылый огнь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучь таланта предъ кончиной;
И умирающій, казалося, хотѣлъ
У Парки взять Тріумфа день единой.
Онъ взоромъ все искалъ Капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ еще приподнимался;

Но мукой страшною кончины изнурен,
  Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужъ къ западу текло,
  И въ заревѣ багряномъ утопало;
Часъ смерти близился... и мрачное чело
  Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ...
  И оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
  Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.
—«Смотрите, онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ,
  Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
  Гдѣ вѣчное Свѣтило засіяетъ...
Ужъ Ангелъ предо мной, вожатай оныхъ мѣстъ;
  Онъ осѣнилъ меня лазурными крилами...
Приблизьте знакъ любви, сей таинственный крестъ...
  Молитеся съ надеждой и слезами...
Земное гибнетъ все... и слава и вѣнецъ...
  Искусствъ и Музъ творенья величавы:
Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
  Податель намъ вѣнца небренной славы!
Тамъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
  Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели.
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
  Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли.

Отыдетъ съ миромъ онъ, и Вѣрой укрѣпленъ
Мучительной кончины не примѣтитъ:
Тамъ,тамъ... о щастіе!.. средь непорочныхъ женъ,
Средь Ангеловъ, Елеонора встрѣтитъ!«

И съ именемъ любви божественный погасъ;
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
День тихо догоралъ... и колокола гласъ
Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали:
Погибъ Торквато нашъ! воскликнулъ съ плачемъ Римъ,
Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!...
На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ;
И трауромъ покрылся Капитолій.

—

НАДЕЖДА.

—

Мой духъ! довѣренность къ Творцу!
Мужайся; будь въ терпѣньи камень.
Не Онъ ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти, чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови мечь врага,
И градъ свинцовый отражала?
Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды и гладъ и непогоду,
И силу, въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру, стезею потаенной,
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ Вожатай неизмѣнной?

Онъ! Онъ! Его все даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой,
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!

Все дар̀ъ его: и краше всѣхъ
Даровъ, Надежда лучшей жизни!
Когда жь узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

—

НА РАЗВАЛИНАХЪ ЗАМКА

въ Швеціи.

Уже свѣтило дня на западѣ горитъ,
  И тихо погрузилось въ волны!...
Задумчиво луна сквозь тонкій паръ глядитъ
  На хляби и брега безмолвны.
И все въ глубокомъ снѣ поморіе кругомъ.
Лишь изрѣдка рыбарь къ товарищамъ взываетъ;
Лишь эхо гласъ его протяжно повторяетъ
  Въ безмолвіи ночномъ.

Я здѣсь, на сихъ скалахъ, висящихъ надъ водой,
  Въ священномъ сумракѣ дубравы,
Задумчиво брожу, и вижу предъ собой
  Слѣды протекшихъ лѣтъ и славы:
Обломки, грозный валъ, поросшій злакомъ ровъ,
Столбы—и ветхій мостъ съ чугунными цѣпями,
Твердыни мшистыя съ гранитными зубцами
  И длинный рядъ гробовъ.

Все тихо: мертвый сонъ въ обители глухой.
  Но здѣсь живетъ воспоминанье:

И путникъ, опершись на камень гробовой,
  Вкушаетъ сладкое мечтанье.
Тамъ, тамъ, гдѣ вьется плющъ по лѣстницѣ
                                                крутой,
И вѣтръ колышетъ стебль изсохшія полыни,
Гдѣ мѣсяцъ осребрилъ угрюмыя твердыни
  Надъ спящею водой:

Тамъ воинъ нѣкогда, Одена храбрый внукъ,
  Въ бояхъ приморскихъ посѣдѣлый,
Готовилъ сына въ брань, и стрѣлъ пернатыхъ
                                                пукъ,
  Броню завѣтну, мечь тяжелый,
Онъ юношѣ вручилъ израненой рукой,
И громко восклицалъ, подъявъ дрожащи длани:
Тебѣ онъ обреченъ, о Богъ, властитель брани,
  Всегда, и всюду твой!

А ты, мой сынъ, клянись мечемъ своихъ отцовъ,
  И Гелы клятвою кровавой,
На западныхъ струяхъ быть ужасомъ враговъ,
  Иль пасть, какъ предки пали, съ славой!
И пылкій юноша мечь прадѣдовъ лобзалъ,
И къ персямъ прижималъ родительскіе длани,
И въ радости, какъ конь, при звукѣ новой
                                                брани,

Кипѣлъ и трепеталъ.
Война, война врагамъ отеческой земли! —
Суда на утро восшумѣли,
Запѣнились моря, и быстры корабли
На крыльяхъ бури полетѣли!
Въ долинахъ Нейстріи раздался браней громъ,
Туманный Альбіонъ изъ края въ край пылаетъ,
И Гела день и ночь въ Валкалу провождаетъ
Погибшихъ блѣдный сонмъ.

Ахъ, юноша! спѣши къ отеческимъ брегамъ,
Назадъ лети съ добычей бранной;
Ужь вѣетъ кроткій вѣтръ во слѣдъ твоимъ судамъ,
Герой, побѣдою избранной!
Ужь Скальды пиршество готовятъ на холмахъ,
Ужь дубы въ пламени, въ сосудахъ медъ сверкаетъ,
И вѣстникъ радости отцамъ провозглашаетъ
Побѣды на моряхъ.

Здѣсь въ мирной пристани, съ денницей золотой
Тебя невѣста ожидаетъ,
Къ тебѣ, о юноша, слезами и мольбой,
Боговъ на милость преклоняетъ...
Но вотъ въ туманѣ тамъ, какъ стая лебедей,

Бѣлѣютъ корабли, несомые волнами;
О, вѣй, попутный вѣтръ, вѣй тихими устами
   Въ вѣтрила кораблей!
Суда у береговъ, на нихъ уже герой
   Съ добычей женъ иноплеменныхъ;
Къ нему спѣшитъ отецъ съ невѣстою младой
   И лики Скальдовъ вдохновенныхъ.
Красавица стоитъ безмолвствуя, въ слезахъ,
Едва на жениха взглянуть украдкой смѣетъ,
Потупя ясный взоръ, краснѣетъ и блѣднѣетъ,
   Какъ мѣсяцъ въ небесахъ....

И тамъ, гдѣ камней рядъ, сѣдымъ одѣтый
                                        мхомъ,
   Помостъ обрушенный являетъ,
Повременно сова въ безмолвіи ночномъ
   Пустыню крикомъ оглашаетъ;
Тамъ чаши радости стучали по столамъ.
Тамъ храбрые кругомъ съ друзьями ликовали,
Тамъ Скальды пѣли брань, и персты ихъ летали
   По пламеннымъ струнамъ.

Тамъ пѣли звукъ мечей и свистъ пернатыхъ
                                        стрѣлъ.
   И трескъ щитовъ и громъ ударовъ,
Кипящу брань среди опустошенныхъ селъ,
   И грады въ заревѣ пожаровъ;

Тамъ старцы жадный слухъ склоняли къ пѣсни
сей,
Сосуды полные въ десницахъ ихъ дрожали,
И гордыя сердца съ восторгомъ вспоминали
О славѣ юныхъ дней.
Но все покрыто здѣсь угрюмой ночи мглой,
Все время въ прахъ преобратило!
Гдѣ прежде Скальдъ гремѣлъ на арфѣ золотой,
Тамъ вѣтеръ свищетъ лишь уныло!
Гдѣ храбрый ликовалъ съ дружиною своей,
Гдѣ жертвовалъ виномъ отцу и богу брани,
Тамъ дремлютъ притаясь двѣ трепетныя лани,
Иль слышенъ вой звѣрей.

Гдѣ жь вы, о сильные, вы Галловъ бичь и страхъ,
Земель полнощныхъ Исполины,
Роальда спутники, на бренныхъ челнокахъ
Протекши дальныя пучины?
Гдѣ вы, отважныя толпы богатырей,
Вы, дикіе сыны и брани и свободы,
Возникшіе въ снѣгахъ, средь ужасовъ природы,
Средь копій, средь мечей? —

Погибли сильные! — Но странникъ въ сихъ
мѣстахъ
Не тщетно камни вопрошаетъ,

И руны тайныя, останки на скалахъ
Угрюмой древности, читаетъ.
Оратай ближнихъ селъ, склонясь на посохъ свой,
Гласитъ ему: смотри, о сынъ иноплеменный,
Здѣсь тлѣютъ праотцевъ останки драгоцѣнны;
Почти ихъ гробъ святой!

—

ЭЛЕГІЯ ИЗЪ ТИБУЛЛА.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ.

—

Месалла! безъ меня ты мчишься по волнамъ
Съ орлами Римскими къ восточнымъ берегамъ;
А я, въ Феакіи оставленный друзьями,
Ихъ заклинаю всѣмъ, и дружбой и богами,
Тибулла не забыть въ далекой сторонѣ. —
Здѣсь Парка блѣдная конецъ готовитъ мнѣ,
Здѣсь жизнь мою прерветъ безжалостной рукою..
Неумолимая! Нѣтъ матери со мною!
Кто будетъ принимать мой пепелъ отъ костра?
Кто будетъ безъ тебя, о милая сестра,
За гробомъ слѣдовать въ одеждѣ погребальной,
И мvро изливать надъ урною печальной?
Нѣтъ друга моего, нѣтъ Деліи со мной. —
Она, и въ самый часъ разлуки роковой
Обряды тайные и чары совершала:
Въ священномъ ужасѣ безсмертныхъ вопрошала;
И жребій щастливый намъ отрокъ вынималъ.
Что пользы отъ того? Часъ гибельный насталъ
И снова Делія печальна и уныла,
Слезами полный взоръ невольно обратила

На дальный путь. Я самъ, лишенный скорбью
силъ,
Утѣшься, Делія сквозь слезы говорилъ;
Утѣшься! и еще съ невольнымъ трепетаньемъ
Печальную лобзалъ послѣднимъ лобызаньемъ.
Казалось, нѣкій богъ меня остановлялъ:
То воронъ мнѣ бѣду внезапно предвѣщалъ,
То въ день, отцу боговъ, Сатурну посвященный,
Я слышалъ громъ глухой за рощей отдаленной.
О вы, которые умѣете любить,
Страшитеся любовь разлукой прогнѣвить!
Но, Делія, къ чему Изидѣ приношенья,
Сіи въ ночи глухой протяжны пѣснопѣнья,
И волхвованье жрицъ и мѣди звучной стонъ?
Къ чему, о Делія, въ безбрачномъ ложѣ сонъ,
И очищенія священною водою?
Все тщетно милая, Тибулла нѣтъ съ тобою.
Богиня грозная! спаси его отъ бѣдъ,
И снова Делія мастики принесетъ,
Украситъ дивный храмъ весенними цвѣтами,
И съ распущенными по вѣтру волосами
Какъ дѣва чистая, во ткань облечена,
Возсядетъ на помостъ: и звѣзды и луна,
До восхожденія румяныя Авроры,
Услышатъ гласъ ея и Жрицъ Фарійскихъ хоры.
Отдай, богиня, мнѣ родимыя поля,
Отдай знакомый шумъ домашняго ручья,

Отдай мнѣ Делію: и вамъ дары богаты
Я въ жертву принесу, о Лары и Пенаты!
За чѣмъ мы не живемъ въ златыя времена?
Тогда безпечныя народовъ племена
Путей среди лѣсовъ и горъ не пролагали
И раломъ никогда полей не раздирали;
Тогда не мчалась ель на легкихъ парусахъ
Несома вѣтрами въ лазоревыхъ моряхъ,
И кормчій не дерзалъ по хлябямъ разъяреннымъ,
Съ Сидонскимъ багрецомъ и съ золотомъ безцѣннымъ,
На утломъ кораблѣ скитаться здѣсь и тамъ.
Дебелый волъ бродилъ свободно по лугамъ,
Топталъ душистый злакъ и спалъ въ тѣни зеленой;
Конь борзый не кропилъ узды кровавой пѣной;
Не зрѣли на поляхъ столповъ и рубежей,
И кущи сельскія стояли безъ дверей;
Медъ капалъ изъ дубовъ янтарною слезою;
Въ сосуды молоко обильною струею
Лилося изъ сосцовъ питающихъ овецъ. —
О мирны пастыри, въ невинности сердецъ
Безпечно жившіе среди пустынь безмолвныхъ!
При васъ, на пагубу друзей единокровныхъ,
На наковальнѣ млатъ не изваялъ мечей,
И ратникъ не гремѣлъ оружьемъ средь полей.
О вѣкъ Юпитеровъ! о времена нещастны!

Война, вездѣ война и гладъ и моръ ужасный,
Внезапу рѣшитъ смерть, на сушѣ. на волнахъ...
Но ты, державный громъ и молніи въ рукахъ!
Будь мирному пѣвцу Тибуллу благосклоненъ.
Ни словомъ, ни душой я не былъ вѣроломенъ:
Я съ трепетомъ боговъ отчизны обожалъ,
И если мой конецъ безвременный насталъ —
Пусть камень обо мнѣ прохожимъ возвѣщаетъ:
»Тибуллъ, Мессалы другъ, здѣсь мирно почи-
ваетъ.«
Единственный мой богъ и сердца властелинъ
Я былъ твоимъ жрецомъ, Киприды милый сынъ!
До гроба я носилъ твои оковы нѣжны,
И ты, Амуръ, меня въ жилища безмятежны,
Въ Элизій проведешь таинственной стезей,
Туда, гдѣ вѣчный Май межъ рощей и полей;
Гдѣ расцвѣтаетъ нардъ и киннамона лозы
И воздухъ наноситъ благоуханьемъ розы;
Тамъ слышно пѣнье птицъ и шумъ біющихъ водъ;
Тамъ дѣвы юныя сплетяся въ хороводъ
Мелькаютъ межъ древесъ, какъ легки привидѣнья;
И тотъ, кого постигъ, въ минуту упоенья,
Въ объятіяхъ любви, неумолимый рокъ,
Тотъ носитъ на челѣ изъ свѣжихъ миртъ вѣнокъ.
А тамъ, внутри земли, во пропастяхъ ужасныхъ,
Жилище вѣчное преступниковъ нещастныхъ;
Тамъ рѣки пламенны сверкаютъ по пескамъ,

Отдай мнѣ Делію: и вамъ дары богаты
Я въ жертву принесу, о Лары и Пенаты!
За чѣмъ мы не живемъ въ златыя времена?
Тогда безпечныя народовъ племена
Путей среди лѣсовъ и горъ не пролагали
И раломъ никогда полей не раздирали;
Тогда не мчалась ель на легкихъ парусахъ
Несома вѣтрами въ лазоревыхъ моряхъ,
И кормчій не дерзалъ по хлябямъ разъяреннымъ,
Съ Сидонскимъ багрецомъ и съ золотомъ без-
цѣннымъ,
На утломъ кораблѣ скитаться здѣсь и тамъ.
Дебелый волъ бродилъ свободно по лугамъ,
Топталъ душистый злакъ и спалъ въ тѣни зеле-
ной;
Конь борзый не кропилъ узды кровавой пѣной;
Не зрѣли на поляхъ столповъ и рубежей,
И кущи сельскія стояли безъ дверей;
Медъ капалъ изъ дубовъ янтарною слезою;
Въ сосуды молоко обильною струею
Лилося изъ сосцовъ питающихъ овецъ. —
О мирны пастыри, въ невинности сердецъ
Безпечно жившіе среди пустынь безмолвныхъ!
При васъ, на пагубу друзей единокровныхъ,
На наковальнѣ млатъ не изваялъ мечей,
И ратникъ не гремѣлъ оружьемъ средь полей.
О вѣкъ Юпитеровъ! о времена нещастны!

Война, вездѣ война и гладъ и моръ ужасный,
Повсюду рыщетъ смерть, на сушѣ, на водахъ...
Но ты, держащій громъ и молнію въ рукахъ!
Будь мирному пѣвцу Тибуллу благосклоненъ.
Ни словомъ, ни душой я не былъ вѣроломенъ;
Я съ трепетомъ боговъ отчизны обожалъ,
И если мой конецъ безвременный насталъ —
Пусть камень обо мнѣ прохожимъ возвѣщаетъ:
»Тибуллъ, Месаллы другъ, здѣсь миромъ почи-
ваетъ.«
Единственный мой богъ и сердца властелинъ
Я былъ твоимъ жрецомъ, Киприды милый сынъ!
До гроба я носилъ твои оковы нѣжны,
И ты, Амуръ, меня въ жилища безмятежны,
Въ Элизій приведешь таинственной стезей,
Туда, гдѣ вѣчный Май межъ рощей и полей;
Гдѣ расцвѣтаетъ нардъ и киннамона лозы
И воздухъ напоенъ благоуханьемъ розы;
Тамъ слышно пѣнье птицъ и шумъ біющихъ водъ;
Тамъ дѣвы юныя сплетяся въ хороводъ
Мелькаютъ межъ древесъ, какъ легки привидѣнья;
И тотъ, кого постигъ, въ минуту упоенья,
Въ объятіяхъ любви, неумолимый рокъ,
Тотъ носитъ на челѣ изъ свѣжихъ миртъ вѣнокъ.
А тамъ, внутри земли, во пропастяхъ ужасныхъ,
Жилище вѣчное преступниковъ нещастныхъ;
Тамъ рѣки пламенны сверкаютъ по пескамъ,

Мегера страшная и Тизифона тамъ:
Съ челомъ, опутаннымъ шипящими зміями,
Бѣгутъ на дикій брегъ за блѣдными тѣнями.
Гдѣ скрыться? адскій песъ лежитъ у мѣдныхъ
врать,
Рыкаетъ зѣвъ его... и рой тѣней назадъ!..
Богами вержены во пропасти бездонны,
Ужасный Энкеладъ и Тифій преогромный
Питаетъ жадныхъ птицъ утробою своей.
Тамъ хищный Иксіонъ, окованный зміей,
На быстромъ колесѣ вертится безконечно;
Тамъ въ жаждѣ пламенной Танталъ безчело-
вѣчной,
Надъ хладною рѣкой сгараетъ и дрожитъ;
Все тщетно! вспять вода коварная бѣжитъ
И черпаютъ ее напрасно Данаиды,
Всѣ жертвы вѣчныя карающей Киприды.
Пусть тамъ страдаетъ тотъ, кто рушилъ нашъ
покой
И разлучилъ меня, о Делія, съ тобой!
Но ты, мнѣ вѣрная, другъ милой и безцѣнной,
И въ мирной хижинѣ, отъ взоровъ сокровенной,
Съ наперсницей любви, съ подругою твоей,
На мигъ не покидай домашнихъ алтарей.
При шумѣ зимнихъ вьюгъ, подъ сѣнью безо-
пасной,

Подруга въ темну ночь зажжетъ свѣтильникъ
ясной
И тихо веретено кружа въ рукѣ своей
Раскажетъ повѣсти и были старыхъ дней.
А ты, склоняя слухъ на сладки небылицы,
Забудешься, мой другъ; и томныя зѣницы
Закроетъ тихій сонъ, и пряслица изъ рукъ
Падетъ... и у дверей предстанетъ твой супругъ,
Какъ небомъ посланный внезапно добрый Геній.
Бѣги на встрѣчу мнѣ, бѣги изъ мирной сѣни,
Въ прелестной наготѣ явись моимъ очамъ,
Власы развѣянны небрежно по плечамъ,
Вся грудь лилейная и ноги обнаженны...
Когда жь Аврора намъ, когда сей день блажен-
ный
На розовыхъ коняхъ, въ блистаньи принесетъ,
И Делію Тибуллъ въ восторгѣ обоймetъ?

—

Мегера страшная и Тизифона тамъ:
Съ челомъ, опутаннымъ шипящими змѣями,
Бѣгутъ на дикій брегъ за блѣдными тѣнями.
Гдѣ скрыться? адскій песъ лежитъ у мѣдныхъ
вратъ,
Рыкаетъ зѣвъ его ... и рой тѣней назадъ!..
Богами вержены во пропасти бездонны,
Ужасный Энкеладъ и Тифій преогромный
Питаетъ жадныхъ птицъ утробою своей.
Тамъ хищный Иксіонъ, окованный зміей,
На быстромъ колесѣ вертится безконечно;
Тамъ въ жаждѣ пламенной Танталъ безчело-
вѣчной,
Надъ хладною рѣкой сгараетъ и дрожитъ;
Все тщетно! вспять вода коварная бѣжитъ
И черпаютъ ее напрасно Данаиды,
Всѣ жертвы вѣчныя карающей Киприды.
Пусть тамъ страдаетъ тотъ, кто рушилъ нашъ
покой
И разлучилъ меня, о Делія, съ тобой!
Но ты, мнѣ вѣрная, другъ милой и безцѣнной,
И въ мирной хижинѣ, отъ взоровъ сокровенной,
Съ наперсницей любви, съ подругою твоей,
На мигъ не покидай домашнихъ алтарей.
При шумѣ зимнихъ вьюгъ, подъ сѣнью безо-
пасной,

Подруга въ темну ночь зажжетъ свѣтильникъ
ясной
И тихо веретено кружа въ рукѣ своей
Раскажетъ повѣсти и были старыхъ дней.
А ты, склоняя слухъ на сладки небылицы,
Забудешься, мой другъ; и томныя зѣницы
Закроетъ тихій сонъ, и пряслица изъ рукъ
Падетъ . . . и у дверей предстанетъ твой супругъ,
Какъ небомъ посланный внезапно добрый Геній.
Бѣги на встрѣчу мнѣ, бѣги изъ мирной сѣни,
Въ прелестной наготѣ явись моимъ очамъ,
Власы развѣянны небрежно по плечамъ,
Вся грудь лилейная и ноги обнаженны...
Когда жь Аврора намъ, когда сей день блажен-
ный
На розовыхъ коняхъ, въ блистаньи принесетъ,
И Делію Тибуллъ въ восторгѣ обоймется?

—

ВОСПОМИНАНІЕ.

—

Мечты! — повсюду вы меня сопровождали,
И мрачной жизни путь цвѣтами устилали!
Какъ сладко я мечталъ на Гейльсбергскихъ
поляхъ,
Когда весь станъ дремалъ въ покоѣ,
И ратникъ, опершись на копіе стальное,
Смотрѣлъ въ туманну даль! Луна на небесахъ
Во всемъ величіи блистала,
И низкій мой шалашъ сквозь вѣтьви освѣщала;
Аль свѣтлый чуть струю лѣнивую катилъ,
И въ зеркальныхъ водахъ являлъ весь станъ
и рощи;
Едва дымился огнь въ часы туманной нощи,
Близъ кущи ратника, который сномъ почилъ.
О Гейльсбергски поля! о холмы возвышенны!
Гдѣ столько разъ въ ночи, луною освѣщенный,
Я въ думу погруженъ, о родинѣ мечталъ;
О Гейльсбергски поля! въ то время я не зналъ,
Что трупы ратниковъ устелютъ ваши нивы,

Что мѣдной челюстью громъ грянетъ съ сихъ
холмовъ,
Что я, мечтатель вашъ щастливый,
На смерть летя противъ враговъ,
Рукой закрывъ тяжелу рану,
Едва ли на зарѣ сей жизни не увяну. —
И буря дней моихъ исчезла какъ мечта!..
Осталось мрачно вспоминанье...
Между протекшаго есть вѣчная черта:
Насъ сближитъ съ нимъ одно мечтанье.
Да оживлю теперь я въ памяти своей
Сію ужасную минуту,
Когда, болѣзнь вкушая люту
И видя сто смертей,
Боялся умереть не въ родинѣ моей!
Но небо, внявъ моимъ моленіямъ усерднымъ,
Взглянуло окомъ милосерднымъ:
Я, Неманъ переплывъ, узрѣлъ желанный край
И землю лобызавъ съ слезами,
Сказалъ: блаженъ стократъ, кто съ сельскими
богами,
Спокойный домосѣдъ, земной вкушаетъ рай,
И шага не ступя за хижину убогу,
Къ себѣ богиню быстроногу
Въ молитвахъ не зоветъ!
Не слѣпъ ко славѣ онъ любовью,
Не жертвуетъ своимъ спокойствіемъ и кровью!

Могилу зритъ свою, и тихо смерти ждетъ.

. . . .

Семейство мирное! уже ль тебя забуду,
И дружбѣ и любви неблагодаренъ буду?..
Ахъ! мнѣ ли позабыть гостепріимный кровъ?

—

Моленій гласъ его, рыданія и стонъ....
На краѣ гибели такъ я зову въ спасенье
Тебя, послѣдняя надежда, утѣшенье!
Тебя, послѣдній сердца другъ!
Средь бурей жизни и недугъ
Хранитель ангелъ мой, оставленный мнѣ Богомъ!..
Твой образъ я таилъ въ душѣ моей залогомъ
Всего прекраснаго... и благости Творца. —
Я съ именемъ твоимъ летѣлъ подъ знамя брани
Искать иль славы иль конца;
Въ минуты страшныя чистѣйши сердца дани
Тебѣ я приносилъ на Марсовыхъ поляхъ:
И въ мирѣ и въ войнѣ, во всѣхъ земныхъ краяхъ
Твой образъ слѣдовалъ съ любовію за мною;
Съ печальнымъ странникомъ онъ неразлученъ сталъ.
Какъ часто въ тишинѣ, весь занятый тобою,
Въ лѣсахъ, гдѣ Жувизи гордится надъ рѣкою,
И Сейна по цвѣтамъ льетъ сребренный кристалъ:
Какъ часто средь толпы и шумной и безпечной,
Въ столицѣ роскоши, среди прелестныхъ женъ,
Я пѣнье забывалъ волшебное Сиренъ
И о тебѣ одной мечталъ въ тоскѣ сердечной,

Я имя милое твердилъ
Въ прохладныхъ рощахъ Альбіона,
И Эхо называть прекрасную училъ
Въ цвѣтущихъ пажитяхъ Ричмона.
Мѣста прелестныя и въ дикости своей,
О камни Швеціи, пустыни Скандинавовъ,
Обитель древняя и доблести и нравовъ!
Ты слышала обѣтъ и гласъ любви моей,
Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальныя скалы гранитныхъ береговъ
И села пахарей и кущи рыбаковъ,
Сквозь тонки утренни туманы
На зеркальныхъ водахъ пустынной Троллетаны.

. . . .

—

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

—

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца
Склоняетъ голову и вянетъ:
Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца,
И думалъ: Парки часъ настанетъ.
Ужь очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
Ужь сердце медленнѣе билось:
Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приближилась, о жизнь души моей,
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцѣлуевъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ,
Меня изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призвали.
Ты снова жизнь даешь; она, твой даръ благой;
Тобой дышать до гроба стану.
Мнѣ сладокъ будетъ часъ и муки роковой;
Я отъ любви теперь увяну.

—

МЩЕНІЕ.

Изъ Парни.

Невѣрный другъ и вѣчно милый!
Зарю моихъ щастливыхъ дней
И слезы радости и клятвы легкокрилы,
Все время унесло съ любовію твоей!
И все погибло невозвратно,
Какъ сладкая мечта, какъ утромъ сонъ пріятной
Но все любовью здѣсь исполнено моей,
И клятвы страшныя твои напоминаетъ.
Ихъ помнятъ и лѣса, ихъ помнитъ и ручей,
И эхо томное ихъ часто повторяетъ.
Взгляни: здѣсь въ первый разъ я встрѣтился съ тобой,
Ты здѣсь, подобная лилеѣ бѣлоснѣжной,
Взлелѣянной въ садахъ Авророй и весной,
Подъ сѣнью безмятежной,
Цвѣла невинностью близъ матери твоей.
Вотъ здѣсь я въ первый разъ вкусилъ надежды сладость;
Здѣсь жертвы приносилъ у мирныхъ алтарей,
Когда твою грозила младость

Болѣзнь жестокая во цвѣтѣ погубить:
Здѣсь клялся, милый другъ, тебя не пережить!
Но съ новой прелестью ты къ жизни воскре-
сала,
И, въ первый разъ, *люблю* краснѣяся сказала.
(Тому сей дикій боръ нѣмый свидѣтель былъ).
Твоя рука въ моей, то млѣла, то пылала,
И первый поцѣлуй съ душею душу слилъ.
Тамъ взоръ потупленный назначилъ мнѣ сви-
данье,
Въ зеленомъ сумракѣ развѣсистыхъ древесъ,
Гдѣ льется въ воздухѣ сирень благоуханье
И облако цвѣтовъ скрываетъ сводъ небесъ;
Тамъ ночь ненастная спустила покрывало,
И страшно загремѣлъ надъ нами ярый громъ;
Все небо въ пламени зардѣлося кругомъ,
И въ рощѣ сумрачной сверкало.
Напрасно! ты была въ объятіяхъ моихъ,
И къ новымъ радостямъ ты воскресала въ
нихъ!
О пламенный восторгъ! о страсти упоенье!
О сладострастіе . . . себя, всего забвенье!
Съ ея любовію утрачены на вѣкъ!
Вы будете всегда измѣнницѣ упрекъ:
Воспоминанье ваше
Отъ времени еще прелестнѣе и краше
Ея преступное блаженство помрачитъ,

И сердцу за меня коварному отмститъ,
Неизлѣчимою, жестокою тоскою.
Такъ! всюду образъ мой увидишь предъ собою,
Не въ видѣ прежняго любовника въ цѣпяхъ,
Который съ нѣжностью сквозь слезы упре-
каетъ
И жребій съ трепетомъ читаетъ
Въ твоихъ потупленныхъ очахъ.
Нѣтъ, въ лютой ревности карая преступленье,
Явлюсь, какъ блѣдное въ полуночь привидѣнье,
И всюду слѣдовать я буду за тобой:
Въ безмолвіи лѣсовъ, въ поляхъ уединенныхъ,
Въ веселыхъ пиршествахъ, тобой одушевлен-
ныхъ,
Гдѣ юность пылкая и взоръ щитаетъ твой.
Въ глазахъ соперника, на ложѣ Гименея —
Ты будешь съ ужасомъ о клятвахъ вспоми-
нать,
При имени моемъ блѣднѣя
Невольно трепетать.
Когда жь безвременно съ полей кровавой битвы,
Къ Коциту позоветъ меня судьбины гласъ,
Скажу: будь щастлива, въ послѣдній жизни
часъ;
И тщетны будутъ всѣ любовника молитвы!

—

ПРИВИДѢНІЕ.

Изъ Парни.

—

Посмотрите! въ двадцать лѣтъ
Блѣдность щеки покрываетъ;
Съ утромъ вянетъ жизни цвѣтъ;
Парка дни мои щитаетъ,
И отсрочки не даетъ.
Что же медлить! вѣдь Зевеса
Плачь и стонъ не укротитъ.
Смерти мрачной занавѣса
Упадетъ — и я забытъ! —
Я забытъ . . . но изъ могилы,
Если можно воскресать,
Я не стану, другъ мой милый,
Какъ мертвецъ, тебя пугать;
Въ часъ полуночныхъ явленій
Я не стану въ видѣ тѣни
То внезапу, то тишкомъ,
Съ воплемъ въ твой являться домъ.
Нѣтъ, по смерти, невидимкой
Буду вкругъ тебя летать;
На груди твоей подъ дымкой
Тайны прелести лобзать;

Стану всюду развѣвать
Легкимъ устъ прикосновеньемъ,
Какъ зефира дуновеньемъ,
Отъ каштановыхъ волосъ
Тонкій запахъ свѣжихъ розъ.
Если лилія листами
Ко груди твоей прильнетъ;
Если яркими лучами
Въ камелькѣ огонь блеснетъ;
Если пламень потаённой
По ланитамъ пробѣжалъ;
Если поясъ сокровенной
Развязался и упалъ —
Улыбнися, другъ безцѣнной,
Это я! — Когда же ты,
Сномъ закрывъ прелестны очи,
Обнажишь во мракѣ ночи
Розъ и лилій красоты,
Я вздохну . . . и гласъ мой томной,
Арфы голосу подобной,
Тихо въ воздухѣ умретъ.
Если жь легкими крилами
Сонъ глаза твои сомкнетъ,
Я невидимо съ мечтами
Стану плавать надъ тобой.
Сонъ твой, Хлоя, будетъ дологъ. . .
Но когда блеснетъ сквозь пологъ

Лучь денницы золотой,
Ты проснешься . . . о блаженство!
Я увижу совершенство . . .
Тайны прелести красотъ,
Гдѣ самъ пламенный Эротъ,
Оттѣнилъ рукой своею
Розой дѣвственну лилею,
Все опять въ моихъ глазахъ
Всѣ покровы исчезаютъ;
Часъ блаженнѣйшій! . . . . . Но, ахъ!
Мертвые не воскресаютъ.

—

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГІЯ III.

Изъ III книги.

Напрасно осыпалъ я жертвенникъ цвѣтами,
Напрасно ѳиміамъ курилъ предъ алтарями;
Напрасно: — Деліи еще съ Тибулломъ нѣтъ.
Безсмертны! слышали вы скромный мой обѣтъ!
Молилъ ли васъ когда о почестяхъ и златѣ?
Желалъ ли обитать во мраморной палатѣ?
Къ чему мнѣ пажитей обширная земля,
Златыми класами вѣнчанныя поля,
И стадо кобылицъ, рабами охраненно?
О бѣдности молилъ, съ тобою раздѣленной!
Молилъ, чтобъ смерть меня застала, при тебѣ,
Хоть нища, но съ тобой!... Къ чему желать себѣ
Богатства Азіи, или воловъ дебелыхъ?
Уже ли болѣе мы дней сочтемъ веселыхъ
Въ садахъ и въ храминахъ, гдѣ дивный рядъ столбовъ
Изсѣченъ хитростью наемныхъ пришлецовъ;
Гдѣ все одинъ Порѳиръ, Тенера и Кариста,
Помосты мраморны и урны злата чиста;

Луга пространные, гдѣ силою трудовъ,
Легла священна тѣнь отъ кедровыхъ лѣсовъ?
Къ чему Эритрскія жемчужины безцѣнны
И волны Тирскія, багрянцемъ напоенны?
Въ богатствѣ ль щастіе? Въ немъ призракъ,
тщетный видъ!
Мудрецъ отъ Ларъ своихъ за златомъ не бѣ-
житъ;
Колѣнъ предъ случаемъ во вѣкъ не преклю-
няетъ,
И въ хижинѣ своей съ фортуной обитаетъ!
И бѣдность, Делія, мнѣ дорога съ тобой!
Тотъ кровъ соломенной чту крышей золотой,
Подъ коимъ сопряженъ любовію съ тобою,
Сто кратъ благословенъ!.... Но если предо
мною
Безсмертные вѣсовъ судьбы не преклонятъ:
Утѣшитъ ли тогда Тибулла пышный градъ?
Ахъ! нѣтъ! — и золото блестящаго Пак-
тола,
И громкой славы шумъ, и самый блескъ пре-
стола
Безъ Деліи ничто—а съ ней, и куща—храмъ,
Безвѣстность, нищета завидны небесамъ!
О дочь Сатурнова! услышь мое моленье!
И ты, любови мать! Когда же Паркъ суж-
денье,

Когда суровыхъ сестръ противно веретено,
И Делiей владѣть Тибуллу не дано:
Пускай теперь сойду во области Плутона,
Гдѣ блата топкiя и воды Ахерона
Широкой цѣпiю вкругъ ада облежатъ,
Гдѣ безпробуднымъ сномъ печальны тѣни
спятъ.

—

МОЙ ГЕНІЙ.

—

О память сердца! ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня въ странѣ плѣняешь дальной.
Я помню голосъ милыхъ словъ,
Я помню очи голубыя,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власовъ.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь нарядъ простой,
И образъ милой, незабвенной,
Повсюду странствуетъ со мной.
Хранитель Геній мой — любовью
Въ утѣху данъ разлукѣ онъ:
Засну ль? приникнетъ къ изголовью
И усладитъ печальной сонъ.

—

ДРУЖЕСТВО.

—

Блаженъ, кто друга здѣсь по сердцу обрѣтаетъ,
Кто любитъ и любимъ чувствительной душой.
Тезей на берегахъ Коцита не страдаетъ:
Съ нимъ другъ его души, съ нимъ вѣрный Пириѳой.
Атридовъ сынъ въ цѣпяхъ, но зависти достоинъ!
Съ нимъ другъ его, Пиладъ... подъ лезвеемъ мечей.
А ты, младый Ахиллъ, великодушный воинъ,
Безсмертный образецъ героевъ и друзей!
Ты дружбою великъ, ты ей дышалъ одною!
И друга смерть отмстивъ безтрепетной рукою
Щастливъ! ты мертвъ упалъ на гибельный трофей!

—

ТѢНЬ ДРУГА.

Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos.
Propert.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона:
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ.
За кораблемъ вилася Гальціона,
И тихій гласъ ея пловцевъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ дремлющей подъ говоромъ валовъ;
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ,
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила Сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ,
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли.
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели.
Мечты смѣнялися мечтами,
И вдругъ ... то былъ ли сонъ? ... предсталъ товарищъ мнѣ,

Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейсскими струями.
Но видъ не страшенъ былъ: чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро Майское веселіемъ цвѣло,
И все небесное душѣ напоминало.
«Ты ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ
дней!
Ты ль это? я вскричалъ, о воинъ вѣчно милой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ,
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ!
Или протекшее все было сонъ, мечтанье,
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
О! молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный слухъ ласкаетъ;
Пускай рука моя, о незабвенный другъ!
Твою, съ любовію сжимаетъ ...«
И я летѣлъ къ нему ... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полу-
ночи,

Исчезъ, — и сонъ покинулъ очи. —
Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины;
Стихіи грозныя казалися безмолвны.
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла:
Тебя, о милый братъ! о лучшій изъ друзей!

—

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГІЯ

XI, изъ I-й книги.

вольный переводъ.

—

Кто первый изострилъ желѣзный мечь и стрѣлы?
Жестокій! онъ изгналъ въ безвѣстные предѣлы
Миръ сладостный, и въ адъ открылъ обширный путь!
Но онъ виновенъ ли, что мы на ближнихъ грудь
За золото, за прахъ, желѣзо устремляемъ,
А не чудовищей имъ дикихъ поражаемъ?—
Когда на пиршествахъ стоялъ сосудъ святой
Изъ буковой коры межь утвари простой,
И столъ былъ отягченъ избыткомъ сельскихъ брашенъ:
Тогда не знали мы щитовъ и твердыхъ башенъ,
И пастырь близъ овецъ спокойно засыпалъ;
Тогда бы дни мои я радостьми считалъ;
Тогда бъ не чувствовалъ невольно трепетанье
При гласѣ бранныхъ трубъ! О тщетное мечтанье!

Я съ Марсомъ на войнѣ: быть можетъ лукъ тугой
Натянутъ на меня пернатою стрѣлой....

О боги! сей ударъ вы мимо пронесите,
Вы, Лары отчески, отъ гибели спасите!
О вы, хранившіе меня въ тѣни своей,
Въ безпечности златой отъ колыбельныхъ дней;
Не постыдитеся, что ликъ боговъ священный,
Изсѣченный изъ пня и пылью покровенный,
Въ жилищѣ праотцевъ уединенъ стоитъ!
Не знали смертные ни злобы, ни обидъ,
Ни клятвъ нарушенныхъ, ни почестей, ни злата,
Когда священный ликъ домашняго Пената,
Еще скудельный былъ на пепелищѣ ихъ!
Онъ благодатенъ намъ, когда изъ чашъ простыхъ
Мы учинимъ предъ нимъ обильны возліянья,
Иль на чело его, въ знакъ мирнаго вѣнчанья,
Возложимъ мы вѣнки изъ миртовъ и лилей;
Онъ благодатенъ намъ, сей мирный богъ полей,
Когда на праздпествахъ, въ дни Майскіе веселы,
Съ толпою чадъ своихъ, оратай престарѣлый,
Опрѣсноки ему священны принесетъ,
А дѣвы красныя изъ улья чистый медъ.
Спасите жь вы меня отеческіе боги
Отъ копій, отъ мечей! Вамъ даръ несу убогій:
Кошницу полную Цереринныхъ даровъ,

А въ жертву — сей овенъ, краса моихъ луговъ.
Я самъ, увѣнчанный и въ ризы облеченный,
Явлюсь на утріе предъ вашъ олтарь священный.
Пускай, скажу, въ поляхъ неистовый герой,
Обрызганъ кровію, выигрываетъ бой;
А мнѣ — пусть благости сей буду я достоинъ —
О подвигахъ своихъ раскажетъ древній воинъ,
Товарищъ юности, и, сидя за столомъ
Мнѣ лагерь начертитъ веселыхъ чашъ виномъ.
Почто же вызывать намъ смерть изъ царства
тѣни,
Когда въ подземный домъ вездѣ равны ступени?
Она, какъ тать въ ночи, невидимой стопой,
Но быстро гонится, и всюду за тобой!
И низведетъ тебя въ тѣ мрачные вертепы,
Гдѣ лаетъ адскій песъ, гдѣ Фуріи свирѣпы,
И кормчій въ челнокѣ на Стиксовыхъ водахъ.
Тамъ тѣней блѣдный полкъ толпится на бре-
гахъ,
Власы обозжены, и впалы ихъ ланиты!...
Хвала, хвала тебѣ, оратай домовитый!
Твой вечерѣетъ вѣкъ средь щастливой семьи;
Ты самъ, въ тѣни дубравъ, пасешь стада свои;
Супруга между тѣмъ трапезу учреждаетъ,
Для омовенья ногъ сосуды нагрѣваетъ
Съ кристальною водой. О боги! еслибъ я
Узрѣлъ еще мои родительски поля!

У свѣтлаго огня, съ подругою младою,
Я бъ юность вспомянулъ за чашей круговою
И были и дѣла давно протекшихъ дней!

Сынъ неба! свѣтлый Миръ! ты самъ среди полей
Вола дебелаго ярмомъ отягощаешь!
Ты благодать свою на нивы проливаешь,
И въ отческій сосудъ, наслѣдіе сыновъ,
Ліешь багряный сокъ изъ Вакховыхъ даровъ.
Въ дни мира острый плугъ и заступъ намъ свя-
щенны;
А мечь, кровавый мечь, и шлемы оперенны,
Снѣдаетъ ржавчина безмолвно на стѣнахъ.
Оратай изъ лѣсу тамъ ѣдетъ на волахъ
Съ женою и съ дѣтьми, виномъ развеселенный!
Дни мира, вы любви игривой драгоцѣнны!
Подъ знаменемъ ея воюемъ съ красотой.
Ты плачешь, Ливія? но побѣдитель твой —
Смотри! — у ногъ твоихъ, колѣна преклоняетъ,
Любовь коварная украдкой подступаетъ,
И вотъ ужь среди васъ размолвившихъ сидитъ!
Пусть молнія боговъ безщадно поразитъ
Того, кто красоту обидѣлъ на сраженьи!
Но щастливъ, если могъ въ минутномъ изступ-
леньи
Вѣнокъ на волосахъ каштановыхъ измять,
И поясъ невзначай у дѣвы развязать!

Щастливъ, три кратъ щастливъ, когда твои угрозы
Исторгли изъ очей любви безцѣнны слезы!
А ты, взлелеянный межь копій и мечей,
Бѣги, кровавый Марсъ, отъ нашихъ олтарей!

—

ВЕСЕЛЫЙ ЧАСЪ.

—

Вы, други, вы опять со мною,
Подъ тѣнью тополей густою,
Съ златыми чашами въ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ!

Други! сядьте и внемлите
Музы ласковой совѣтъ.
Вы щастливо жить хотите
На зарѣ весеннихъ лѣтъ?
Отгоните призракъ славы!
Для веселья и забавы
Сѣйте розы на пути;
Скажемъ юности: лети!
Жизнью дай лишь насладиться;
Полной чашей радость пить:
Ахъ! не долго веселиться
И не вѣки въ щастьи жить!

Но вы, о други, вы со мною,
Подъ тѣнью тополей густою,
Съ златыми чашами въ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ.

Станемъ други наслаждаться,
Станемъ розами вѣнчаться;
Лиза! сладко пить съ тобой,
Съ нимфой рѣзвой и живой!
Ахъ! обнимемся руками,
Съединимъ уста съ устами,
Души въ пламени сольемъ;
То воскреснемъ, то умремъ!...

Вы ль, други милые, со мною,
Подъ тѣнью тополей густою,
Съ златыми чашами въ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ?

Я, любовью, упоенной,
Васъ забылъ, мои друзья!
Какъ сквозь облакъ вижу темной
Чаши золотой края!...
Лиза розою пылаетъ;
Грудь любовію полна;
Улыбаясь наливаетъ
Чашу свѣтлаго вина.
Мы потопимъ горесть нашу
Други! въ эту полну чашу;
Выпьемъ разомъ и до дна
Море свѣтлаго вина!

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ N.

—

О ты, которая была
Утѣхъ и радостей душою!
Какъ роза нѣкогда цвѣла
Небесной красотою;
Теперь оставлена, печальна и одна,
Сидя смиренно у окна,
Безъ пѣсней, безъ похвалъ встрѣчаешь день рожденья;
Прими отъ дружества сердечны сожалѣнья,
Прими и сердце успокой.
Что потеряла ты? Льстецовъ бездушныхъ рой,
Пугалищей ума, достоинства и нравовъ;
Судей безжалостныхъ, докучливыхъ нахаловъ.
Одинъ былъ нѣжный другъ.., и онъ еще съ тобой!

—

ПРОБУЖДЕНІЕ.

—

Зефиръ послѣдній свѣялъ сонъ
Съ рѣсницъ, окованныхъ мечтами:
Но я — не къ щастью пробужденъ
Зефира тихими крилами.
Ни сладость розовыхъ лучей
Предтечи утренняго Феба,
Ни кроткій блескъ лазури неба,
Ни запахъ вѣющій съ полей,
Ни быстрый летъ коня ретива
По скату бархатныхъ луговъ,
И гончихъ лай, и звонъ роговъ
Вокругъ пустыннаго залива:
Ничто души не веселитъ,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый умъ не побѣдитъ
Любви, холодными словами.

—

РАЗЛУКА.

—

Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ,
Друзей души, блестящія искусства;
И въ шумѣ грозныхъ битвъ, подъ тѣнію шатровъ,
Старался усыпить встревоженныя чувства.
Ахъ! небо чуждое не лечитъ сердца ранъ!
  Напрасно я скитался
Изъ края въ край, и грозный океанъ
  Кругомъ меня роптавъ и волновался;
Напрасно отъ бреговъ плѣнительныхъ Невы
  Отторженный судьбою,
Я снова посѣщалъ развалины Москвы,
Москвы, гдѣ я дышалъ свободою прямою!
Напрасно я спѣшилъ отъ сѣверныхъ степей,
  Холоднымъ солнцемъ освѣщенныхъ,
Въ страну, гдѣ Тирасъ бьетъ излучистой струей,
Сверкая между горъ, Церерой позлащенныхъ,
И древнія поитъ народовъ племена.
Напрасно: всюду мысль преслѣдуетъ одна
  О милой, сердцу незабвенной,
  Которой имя мнѣ священно,

Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей
Всѣ — неба на землѣ блаженства отверзаетъ,
И слово, звукъ одинъ, прелестный звукъ рѣчей
Меня мертвитъ и оживляетъ.

—

ТАВРИДА.

Другъ милый, ангелъ мой! сокроемся туда,
Гдѣ волны кроткія Тавриду омываютъ,
И Фебовы лучи съ любовью озаряютъ
Имъ древней Греціи священныя мѣста.
  Мы тамъ, отверженные рокомъ,
Равны нещастіемъ, любовію равны,
Подъ небомъ сладостнымъ полуденной страны
Забудемъ слезы лить о жребіи жестокомъ;
Забудемъ имена Фортуны и честей.
Въ прохладѣ ясеней, шумящихъ надъ лугами,
Гдѣ кони дикіе стремятся табунами
На шумъ студеныхъ струй, кипящихъ подъ землей,
Гдѣ путникъ съ радостью отъ зноя отдыхаетъ,
Подъ говоромъ древесъ, пустынныхъ птицъ и водъ:
Тамъ, тамъ насъ хижина простая ожидаетъ,
Домашній ключь, цвѣты и сельскій огородъ.
Послѣдніе дары Фортуны благосклонной,
Васъ пламенны сердца привѣтствуютъ стократъ!
Вы краше для любви и мраморныхъ палатъ
  Пальмиры Сѣвера огромной!
Весна ли красная блистаетъ средь полей,

Иль лѣто знойное палитъ изсохши злаки,
Иль урну хладную вращая водолей,
Валитъ шумящій дождь, сѣдый туманъ и мраки:
О радость! ты со мной встрѣчаешь солнца свѣтъ,
И ложе щастія съ денницей покидая,
Румяна и свѣжа, какъ роза полевая,
Со мною дѣлишь трудъ, заботы и обѣдъ.
Со мной въ часъ вечера, подъ кровомъ тихой ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи
Я вижу, голосъ твой я слышу, и рука
Въ твоей покоится всечасно.
Я съ жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяныхъ устъ, и если хоть слегка
Летающій Зефиръ власы твои развѣетъ
И взору обнажитъ снѣгамъ подобну грудь,
Твой другъ — не смѣетъ и вздохнуть:
Потупя взоръ стоитъ, дивится и нѣмѣетъ.

—

СУДЬБА ОДИССЕЯ.

Средь ужасовъ земли и ужасовъ морей
Блуждая, бѣдствуя, искалъ своей Итаки
Богобоязненный страдалецъ Одиссей;
Стопой безтрепетной сходилъ Аида въ мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стонъ
Не потрясли души высокой.
Казалось, побѣдилъ терпѣньемъ рокъ жестокой
И чашу горести до капли выпилъ онъ:
Казалось, небеса карать его устали,
И тихо соннаго домчали
До милыхъ родины давножеланныхъ скалъ.
Проснулся онъ: и чтожъ? отчизны не позналъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ВЕСНА.

Въ поляхъ блистаетъ Май веселый!
Ручей свободно зажурчалъ,
И яркой голосъ Филомелы
Угрюмый боръ очаровалъ;
Все новой жизни пьетъ дыханье!
Пѣвецъ любви, лишь ты унылъ!
Ты смерти вѣрной предвѣщанье
Въ печальномъ сердцѣ заключилъ;
Ты бродишь слабыми стопами
Въ послѣдній разъ среди полей,
Прощаясь съ ними и съ лѣсами
Пустынной родины твоей.
»Простите рощи и долины
»Родныя рѣки и поля!
»Весна пришла, и часъ кончины
»Неотразимой вижу я!
»Такъ! Эпидавра прорицанье
»Вѣщало мнѣ: въ послѣдній разъ
»Услышишь горлицъ воркованье
»И Гальціоны тихій гласъ;
»Зазеленѣютъ гибки лозы,
»Поля одѣнутся въ цвѣты,

»Тамъ первыя увидишь розы
»И съ ними вдругъ увянешь ты.
»Ужь близокъ часъ. . . Цвѣточки милы,
»Къ чему такъ рано увядать?
»Закройте памятникъ унылый,
»Гдѣ прахъ мой будетъ истлѣвать;
»Закройте путь къ нему собою
»Отъ взоровъ дружбы навсегда.
»Но если Делія съ тоскою
»Къ нему приближится: тогда
»Исполните благоуханьемъ
»Вокругъ пустынный небосклонъ
»И томнымъ листьевъ трепетаньемъ
»Мой сладко очаруйте сонъ!«
Въ поляхъ цвѣты не увядали,
И Гальціоны въ тихой часъ
Стенанья рощи повторяли;
А бѣдный юноша . . . погасъ!
И дружба слезъ не уронила
На прахъ любимца своего;
И Делія не посѣтила
Пустынный памятникъ его:
Лишь пастырь, въ тихій часъ денницы,
Какъ въ поле стадо выгонялъ,
Унылой пѣснью возмущалъ
Молчанье мертвое гробницы.

—

Къ Г***чу.

—

Только дружба обѣщаетъ
Мнѣ безсмертія вѣнокъ;
Онъ примѣтно увядаетъ,
Какъ отъ зноя василекъ.
Мнѣ оставить ли для славы
Скромную стезю забавы? —
Путь къ забавамъ проложенъ;
Къ славѣ тѣсенъ и мудренъ!
Мнѣ ль за призракомъ гоняться,
Лавры съ скукой собирать?
Я умѣю наслаждаться,
Какъ ребенокъ всѣмъ играть;
И щастливъ!..Досель цвѣтами
Путь ко щастью устилалъ;
Пѣлъ, мечталъ, подъ часъ стихами
Горесть сердца услаждалъ;
Пѣлъ отъ лѣни и досуга;
Муза — мнѣ была подруга;
Не былъ ей порабощенъ.
А теперь, весна какъ сонъ
Легкокрылый исчезаетъ,

И съ собою увлекаетъ
Прелесть пѣсней и мечты!
Нѣжны мирты и цвѣты,
Чѣмъ прелестницы вѣнчали
Юнаго пѣвца, — завяли!
Ахъ! уже ли наградитъ
Слава щастія утрату,
И ко дней моихъ закату
Какъ нарочно прилетитъ?

—

Къ Д***ву.

Мой другъ! я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары;
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ — гдѣ зданья величавы
И башни древнія Царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;

И тамъ — гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали
Святыни не касаясь ихъ; —
И тамъ, — гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады; —
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!..
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, щастье и покой
И шумную за чашей младость;
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ.
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтренныхъ Цирцей
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!...
Нѣтъ, нѣтъ! талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,

Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь и къ роднинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ —
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды Музы и Хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

ИСТОЧНИКЪ.

—

Буря умолкла, и въ ясной лазури
Солнце явилось на западѣ намъ:
Мутный источникъ, слѣдъ яростной бури,
Съ ревомъ и съ шумомъ бѣжитъ по полямъ!
Зафна! приближься: для дѣвы невинной
Пальмы подъ тѣнью здѣсь роза цвѣтетъ;
Падая съ камня источникъ пустынной
Съ ревомъ и съ пѣной сквозь дебри течетъ!

Дебри ты, Зафна, собой озарила!
Сладко съ тобою въ пустынныхъ краяхъ!
Пѣсни любови ты мнѣ повторила;
Вѣтеръ унесъ ихъ на тихихъ крылахъ!
Голосъ твой, Зафна, какъ утра дыханье,
Сладостно шепчетъ, несясь по цвѣтамъ:
Тише, источникъ! прерви волнованье,
Съ ревомъ и съ пѣной стремясь по полямъ!

Голосъ твой, Зафна, въ душѣ отозвался;
Вижу улыбку и радость въ очахъ!...
Дѣва любви! — я къ тебѣ прикасался,
Съ медомъ пилъ розы на влажныхъ устахъ!

Зафна краснѣетъ?... О другъ мой невинной!
Тихо прижмися устами къ устамъ!..
Будь же ты скроменъ, источникъ пустынной,
Съ ревомъ и съ шумомъ стремясь по полямъ!

Чувствую персей твоихъ волнованье,
Сердца біенье и слезы въ очахъ;
Сладостно дѣвы стыдливой роптанье!
Зафна! о Зафна!..смотри... тамъ въ водахъ
Быстро несется цвѣтокъ розмаринный;
Воды умчались, — цвѣточка ужъ нѣтъ!
Время быстрѣе, чѣмъ токъ сей пустынный,
Съ ревомъ который сквозь дебри течетъ.

Время погубитъ и прелесть и младость!..
Ты улыбнулась, о дѣва любви!
Чувствуешь въ сердце томленье и сладость,
Сильны восторги и пламень въ крови!...
Зафна! о Зафна! — тамъ голубь невинной
Съ страстной подругой завидуютъ намъ...
Вздохи любови — источникъ пустынной
Съ ревомъ и съ шумомъ умчитъ по полямъ!

НА СМЕРТЬ СУПРУГИ
Ѳ. Ѳ. К—на.

Nell' età più bella, e più fiorita...
... E viva, e bella al ciel salita
Pétrarca.

Нѣтъ подруги нѣжной, нѣтъ прелестной Лилы!
Все осиротѣло!
Плачь любовь и дружба, плачь Гименъ унылый!
Щастье улетѣло!

Дружба! ты всечасно радости цвѣтами
Жизнь ея дарила;
Ты свою богиню, съ воплемъ и слезами,
Въ землю положила.

Ты печальны тисы, кипарисны лозы,
Насади вкругъ урны!
Пусть приноситъ юность въ даръ чистѣйшій слезы
И цвѣты лазурны!

Все вокругъ уныло! Чуть Зефиръ весенній
Памятникъ лобзаетъ;
Здѣсь, въ жилищѣ плача, тихій смерти Геній
Розу обрываетъ.

Здѣсь Гименъ прикованъ, блѣдный и безгласный,
Вѣчною тоскою,
Гаситъ у гробницы свой свѣтильникъ ясный
Трепетной рукою!

—

НА СМЕРТЬ СУПРУГИ
Ѳ. Ѳ. К—на.

Nell' età più bella, e più fiorita...
... E viva, e bella al ciel salita

Petrarca.

Нѣтъ подруги нѣжной, нѣтъ прелестной Лилы!
Все осиротѣло!
Плачь любовь и дружба, плачь Гименъ унылый!
Щастье улетѣло!

Дружба! ты всечасно радости цвѣтами
Жизнь ея дарила;
Ты свою богиню, съ воплемъ и слезами,
Въ землю положила.

Ты печальны тисы, кипарисны лозы,
Насади вкругъ урны!
Пусть приноситъ юность въ даръ чистѣйшіи слезы
И цвѣты лазурны!

Все вокругъ уныло! Чуть Зефиръ весенній
Памятникъ лобзаетъ;
Здѣсь, въ жилищѣ плача, тихій смерти Геній
Розу обрываетъ.

Здѣсь Гименъ прикованъ, блѣдный и безгласный,
Вѣчною тоскою,
Гаситъ у гробницы свой свѣтильникъ ясный
Трепетной рукою!

—

ПЛѢННЫЙ.

—

Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ
По бархатнымъ лугамъ;
Гдѣ миртъ душистый расцвѣтаетъ,
Склонясь къ ея водамъ;
Гдѣ на горахъ роскошно зрѣетъ
Янтарный виноградъ,
Златый лимонъ на солнцѣ рдѣетъ,
И яворы шумятъ:

Въ часы вечерніія прохлады
Любуяся рѣкой,
Стоялъ, склоня на Рону взгляды
Съ глубокою тоской,
Добыча брани, Русской плѣнный,
Придонскихъ честь сыновъ,
Съ полей побѣды похищенный
Одинъ, толпой враговъ.

»Шуми« — онъ пѣлъ — »волнами, Рона,
И жатвы орошай,
Но, плескомъ волнъ, роднаго Дона
Мнѣ шумъ напоминай!

Я въ праздности теряю время,
Душою въ людствѣ сиръ;
Мнѣ жизнь не жизнь, безъ славы — бремя,
И пустъ прекрасный міръ!

»Весна вокругъ живитъ природу,
Яснѣетъ солнца свѣтъ;
Все славитъ щастье и свободу,
Но мнѣ свободы нѣтъ!
Шуми, шуми волнами, Рона,
И мнѣ воспоминай
На берегахъ роднаго Дона
Отчизны милый край!

»Здѣсь прелесть — сельскія дѣвицы!
Ихъ взоръ огнемъ горитъ,
И сквозь потупленны рѣсницы
Мнѣ радости сулитъ.
Какія радости въ чужбинѣ?
Онѣ въ родныхъ краяхъ;
Онѣ цвѣтутъ въ моей пустынѣ
И въ дебряхъ и въ снѣгахъ.

»Отдайте жь мнѣ мою свободу!
Отдайте край отцовъ,
Отчизны вьюги, непогоду,
На родинѣ мой кровъ,

Покрытый въ зиму яркимъ снѣгомъ!
 Ахъ! дайте мнѣ коня;
Туда помчитъ онъ быстрымъ бѣгомъ
 И день и ночь меня:

«На родину, въ сей теремъ древній,
 Гдѣ ждетъ меня краса,
И подъ окномъ, въ часы вечерни,
 Глядитъ на небеса;
О другѣ тайно помышляетъ...
 Иль робкою рукой
Коня ретиваго ласкаетъ,
 Тебя, соратникъ мой!

»Шуми, шуми волнами, Рона,
 И жатвы орошай;
Но, плескомъ волнъ, роднаго Дона
 Мнѣ шумъ напоминай!
О вѣтры, съ полночи летите
 Отъ родины моей;
Вы, звѣзды сѣвера, горите
 Изгнаннику свѣтлѣй!« —

Такъ пѣлъ нашъ плѣнникъ одинокой
 Въ виду Ліонскихъ стѣнъ,
Гдѣ юношѣ судьбой жестокой
 Назначенъ долгій плѣнъ.

Онъ пѣлъ — у ногъ сверкала Рона,
Въ ней мѣсяцъ трепеталъ,
И на златыхъ верхахъ Ліона
Лучь солнца догоралъ.

—

ВЕЧЕРЪ.

(Подражаніе Петраркѣ, Canzone IX.)

—

Въ тотъ часъ, какъ солнца лучь потухнетъ за
горою,
Склонясь на посохъ свой дрожащею рукою,
Пастушка, дряхлая отъ бремени годовъ,
Спѣшитъ, спѣшитъ съ полей подъ отдаленный кровъ,
И тамъ, пришедъ къ огню, среди лачуги дымной
Вкушаетъ трапезу съ семьей гостепріимной,
Вкушаетъ сладкій сонъ, замѣну горькихъ слезъ!
А я, какъ солнца лучь потухнетъ средь небесъ,
Одинъ въ изгнаніи, одинъ съ моей тоскою,
Бесѣдую въ ночи съ задумчивой луною!

Когда вечерній лучь потухнетъ средь морей,
И ночь, угрюмая владычица тѣней,
Сойдетъ съ высокихъ горъ, съ отрадной тишиною;
Оратай острый плугъ увозитъ за собою,
И медленной стопой идя подъ отчій кровъ,
Поетъ простую пѣснь — въ забвенье всѣхъ
трудовъ! —
Въ тѣни домашнихъ Ларъ, и всюду сынъ послушный,
Съ отцомъ и матерью вкушаетъ пиръ радушный:

Онъ счастливъ; я одинъ тоской усыновленъ,
Грущу и день и ночь среди безмолвныхъ стѣнъ!—

Лишь мѣсяцъ сквозь туманъ багряный ликъ
уставитъ
Въ недвижныя моря; пастухъ поля оставитъ,
Простится съ нивами, съ дубравой и ручьемъ,
И гибкою лозой стада погонитъ въ домъ. —
Игралище вѣтровъ среди пучины пѣнной
И ты, рыбарь, спѣшишь на брегъ уединенной!
Тамъ сѣти преклонивъ ко утлой ладіѣ,
(Вотъ все отъ грозныхъ бурь убѣжище твое!)
При бескѣ молніи, при шумѣ непогоды
Заснулъ..и счастливъ ты, угрюмый сынъ природы!

Но се блѣднѣетъ тамъ багряный небосклонъ
И медленной стопой идутъ волы въ загонъ
Съ холмовъ и пажитей, туманомъ орошенныхъ.
О пѣснопѣній мать! въ вертепахъ отдаленныхъ,
Въ изгнаньи горестномъ утѣха дней моихъ...
О лира! — возбуди бряцаньемъ струнъ златыхъ
И холмы спящіе и кипарисны рощи,
Гдѣ я, печали сынъ, среди глубокой нощи,
Объятый трепетомъ, склонился на гранитъ:
И надо мною тѣнь Лауры пролетитъ! —

—

ЭЛЕГІЯ.

—

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю — но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ;
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить, душа не знаетъ стройныхъ словъ,
И какъ молчать объ нихъ, не знаю.

—

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЭЛЕГІИ (*)

—

. . . .

О! пока безцѣнна младость
Не умчалася стрѣлой,
Пей изъ чаши полной радость,
И сливая голосъ свой
Въ часъ вечерній съ тихой лютней,
Славь безпечность и любовь!
А когда въ сѣни пріютной
Мы услышимъ смерти зовъ,
То какъ лозы винограда
Обвиваютъ тонкій вязъ,
Такъ меня, моя отрада,
Обними въ послѣдній часъ!
Такъ лилейными руками
Цѣпью нѣжною обвей,
Съедини уста съ устами,
Душу въ пламени излей!
И тогда тропой безвѣстной,
Долу, къ тихимъ берегамъ,
Самъ онъ, богъ любви прелестной,
Проведетъ насъ по цвѣтамъ —

(*) Начало сей піэсы не отыскано.

Въ тотъ Элизей, гдѣ все таетъ
Чувствомъ нѣги и любви;
Гдѣ любовникъ воскресаетъ
Съ новымъ пламенемъ въ крови;
Гдѣ, любуясь пляской Грацій,
Нимфъ сплетенныхъ въ хороводъ,
Съ Деліей своей Горацій
Гимны радости поетъ.
Тамъ, подъ тѣнью миртовъ зыбкой,
Намъ любовь сплететъ вѣнцы,
И привѣтливой улыбкой
Встрѣтятъ нѣжные пѣвцы.

—

ГЕЗІОДЪ и ОМИРЪ,

СОПЕРНИКИ.

Посвящено

А. П. Ф.

любителю древности.

Народы, какъ волны, въ Халкиду текли,
Народы щастливой Еллады!
Тамъ сильный Владыка, надъ прахомъ отца
Окончa печальны обряды,
Ристалище славы бойцамъ отверзалъ.
Три раза съ румяной денницей
Бойцы выступали съ бойцами на бой;
Три раза стремили возницы
Коней легконогихъ по звонкимъ полямъ;
И трижды владѣтель Халкиды
Достойнымъ оливны вѣнки раздавалъ.
Но солнце на лоно Ѳетиды
Склонялось, и новый готовился бой. —
Очистите поле, возницы!
Спѣшите! Залейте студеной струей
Пылающи оси и спицы;
Коней отрѣшите отъ тягостныхъ узъ
И въ стойлы прохладны ведите!
Вы, пылью и потомъ покрыты бойцы,
При пламени свѣтломъ вздохните!
Внемлите народы, Еллады сыны,
Высокія пѣсни внемлите!

Пройдя изъ края въ край гостепріимный міръ,
Лѣтами древними и рокомъ удрученный
Здѣсь пѣсней Царь, Омиръ,
И юный Гезіодъ, Каменамъ драгоцѣнный,
Вступаютъ въ славный бой.
Колебля маслину священную рукой,
Пѣвецъ Аскреи гимнъ высокой начинаетъ:
(Онъ съ лирой никогда свой гласъ не соче-
таетъ.)

Гезіодъ.

Безвѣстный юноша съ стадами я бродилъ
Подъ тѣнью пальмовой близъ чистой Ипокрены;
Тамъ пастыря нашли прелестныя Камены,
И я въ обитель ихъ священную вступилъ.

Омиръ.

Мнѣ снилось въ юности: Орелъ громометатель
Отъ Мелеса меня играючи унесъ
На край земли, на край небесъ,
Вѣщая: ты земли и неба обладатель.

Гезіодъ.

Тамъ лавры хижину простую осѣнятъ,
Въ пустыняхъ процвѣтутъ Темпейскія долины,
Куда вы бросите свой благотворный взглядъ,
О нѣжны дочери суровой Мнемозины!

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] . . .

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] . .

Омиръ

Не [illegible] смерти онъ: [illegible]
Не [illegible] [illegible]
[illegible]:
И [illegible] со [illegible]
Предъ ней не будутъ [illegible] до [illegible]
[illegible]

Гезіодъ

А мы всѣ смертные, всѣ Паркамъ обреченны,
Увидимъ области подземнаго Царя,
И рѣки скорбія, Тенаровъ заключенны,
Не льющи дань свою въ бездонныя моря.

Омиръ.

Я приближаюся къ метѣ сей неизбѣжной.
Внемли, о юноша! ты пѣлъ Труды и Дни...
Для старца ветхаго ужь кончились они!

Гезіодъ.

Сынъ дивный Мелеса! И лебедь бѣлоснѣжной
На синемъ Стримонѣ, провидя страшный часъ,
Не слаще твоего поетъ въ послѣдній разъ!
Твой геній проницалъ въ Олимпъ: и вѣчны
боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги.
И чтожь? Въ юдоли сей страдалецъ искони,
Ты рокомъ обреченъ въ печаляхъ кончить дни.
Пѣвецъ божественный, скитаяся какъ нищій,
Въ печальномъ рубищѣ, безъ крова и безъ
пищи,
Слѣпецъ всевидящій! ты будешь проклинать
И день, когда на свѣтъ тебя родила мать!

Омиръ.

Твой гласъ подобится амврозіи небесной
Что Геба юная сапфирной чашей льетъ.
Пѣвецъ! въ устахъ твоихъ Поэзіи прелестной
Сладчайшій Ольміа благоухаетъ медъ.
Но... Музъ любимый жрецъ!... страшись руки
злодѣйской,

Страшись любви, страшись Эвбеи береговъ;
Твой близокъ часъ: увы! тебя Зевесъ Немейской,
Какъ жертву славную, готовитъ для враговъ.

Умолкли. Облако печали
Покрыло очи ихъ... народъ рукоплескалъ.
Но снова сладкій бой Поэты начинали
При шумѣ радостныхъ похвалъ.
Омиръ, возвыся гласъ, воспѣлъ народовъ брани,
Народовъ гибнущихъ по прихоти Царей;
Пріама древняго съ мольбой несуща дани
Убійцѣ грозному и кровныхъ и дѣтей;
Мольбу смиренную и быструю Обиду,
Харитъ и легкихъ Оръ и страшную Эгиду,
Нептуна области, Олимпъ и дикій Адъ.
А юный Гезіодъ, взлелеянный Парнасомъ,
Съ чудесной прелестью воспѣлъ веселымъ гласомъ
Весну, роскошную сопутницу Гіадъ:
Какъ Фебъ торжественно вселенну обтекаетъ,
Какъ дни и мѣсяцы родятся въ небесахъ;
Какъ нивой золотой Церера награждаетъ
Труды годичные оратая въ поляхъ.
Заботы сладкія при сборѣ винограда,
Тебя, желанный Миръ, лелеятель долинъ,
Благословенныхъ селъ, и пастырей и стада
Онъ пѣлъ. И слабый Царь, Халкиды властелинъ,
Отъ самой юности воспитанный средь мира,

Презрѣлъ высокій гимнъ безсмертнаго Омира,
И пальму первенства сопернику вручилъ.
Щастливый Гезіодъ въ награду получилъ
За пѣсни, мирною Каменой вдохновенны,
Сосуды сребряны, треножникъ позлащенный
И чернаго овна, красу веселыхъ стадъ.
За нимъ, предъ нимъ, сыны Ахейскіе, какъ волны.
На край ристалища обширнаго спѣшатъ,
Гдѣ побѣдитель самъ, благоговѣнья полный,
При возліяніяхъ, овна младую кровь
Довременно богамъ подземнымъ посвящаетъ,
И Музамъ свѣтлые сосуды предлагаетъ,
Какъ даръ, усердный даръ пѣвца, за ихъ любовь.
До самой старости преслѣдуемый рокомъ;
Но духомъ царь, не рабъ разгнѣванной судьбы,
Омиръ скрывается отъ суетной толпы,
Снѣдая грусть свою въ молчаніи глубокомъ:
Рожденный въ Самосѣ убогій сирота
Слѣпца изъ края въ край, какъ сынъ усердный, водитъ;
Онъ съ нимъ пристанища въ Елладѣ не находитъ;
И гдѣ найдутъ его талантъ и нищета?

—

КЪ ДРУГУ.

—

Скажи, мудрецъ младой, что прочно на земли?
Гдѣ постоянно жизни щастье?
Мы область призраковъ обманчивыхъ прошли;
Мы пили чашу сладострастья;

Но гдѣ минутный шумъ веселья и пировъ?
Въ винѣ потопленныя чаши?
Гдѣ мудрость свѣтская сіяющихъ умовъ?
Гдѣ твой Фалернъ и розы наши?

Гдѣ домъ твой, щастья домъ?... Онъ въ бу-
рѣ бѣдъ исчезъ,
И мѣсто поросло крапивой.
Но я узналъ его: я сердца данъ принесъ
На прахъ его краснорѣчивой.

На немъ, когда окрестъ замолкнетъ шумъ
градской
И яркій Весперъ засіяетъ
На темномъ Сѣверѣ: твой другъ, въ тиши
ночной,
Въ душѣ задумчивость питаетъ.

От самой юности служитель олтарей
Богини нѣги и прохлады,
От пресыщенія, от пламенных страстей
Я сердцу в ней ищу отрады.

Повѣришь ли? я здѣсь, на пеплѣ храмин сих,
Вѣнок веселія слагаю,
И часто в горести, в волненьи чувств моих
Потупя взоры, восклицаю:

Минутны странники мы ходим по гробам;
Всѣ дни утратами щитаем;
На крыльях радости летим к своим друзьям,
И что жь? их урны обнимаем.

Скажи, давно ли здѣсь, в кругу твоих друзей,
Сіяла Лила красотою?
Благія небеса, казалось, дали ей
Все щастье смертной под луною:

Нрав тихій Ангела, дар слова, тонкій вкус,
Любви и очи и ланиты,

Чело открытое одной изъ важныхъ Музъ
И прелесть — дѣвственной Хариты.

Ты самъ, забывъ и свѣтъ и тщетный шумъ
пировъ,
Ея бесѣдой наслаждался,
И въ тихой радости, какъ путникъ средь песковъ,
Прелестнымъ цвѣтомъ любовался.

Цвѣтокъ (увы!) исчезъ, какъ сладкая мечта!
Она, въ страданіяхъ почила,
И съ міромъ, въ страшный часъ, прощаясь
навсегда. . .
На другѣ взоръ остановила.

Но дружба, можетъ быть, ее забыла ты!..
Веселье слезы осушило;
И тѣнь чистѣйшую дыханье клеветы
На лонѣ мира возмутило.

Такъ все здѣсь суетно въ обители суетъ!
Пріязнь и дружество непрочно! —
Но гдѣ, скажи, мой другъ, прямой сіяетъ
свѣтъ?
Что вѣчно чисто, непорочно?

Напрасно вопрошалъ я опытность вѣковъ
И Кліи мрачныя скрижали;
Напрасно вопрошалъ всѣхъ міра мудрецовъ:
Они безмолвны пребывали.

Какъ въ воздухѣ перо кружится здѣсь и тамъ,
Какъ въ вихрѣ тонкій прахъ летаетъ,
Какъ судно безъ руля стремится по волнамъ
И вѣчно пристани не знаетъ:

Такъ умъ мой посреди сомнѣній погибалъ.
Всѣ жизни прелести затмились;
Мой Геній въ горести свѣтильникъ погашалъ
И Музы свѣтлыя сокрылись.

Я съ страхомъ вопросилъ гласъ совѣсти моей...
И мракъ исчезъ, прозрѣли вѣжды:
И Вѣра пролила спасительный елей
Въ лампаду чистую Надежды.

Ко гробу путь мой весь, какъ солнцемъ, оза-
ренъ:
Ногой надежною ступаю,
И съ ризы странника свергая прахъ и тлѣнъ,
Въ міръ лучшій духомъ возлетаю.

—

МЕЧТА.

Подруга нѣжныхъ Музъ, посланница небесъ,
Источникъ сладкихъ думъ и сердцу милыхъ слезъ,
Гдѣ ты скрываешься, Мечта, моя богиня?
Гдѣ тотъ щастливой край, та мирная пустыня,
Къ которымъ ты стремишь таинственный полетъ?
Иль дебри любишь ты, сихъ грозныхъ скалѣ хребетъ,
Гдѣ вѣтръ порывистый и бури шумъ внимаешь?
Иль въ Муромскихъ лѣсахъ задумчиво блуждаешь,
Когда на западѣ зари мерцаетъ лучь
И хладная луна выходитъ изъ-за тучь?
Или, влекомая чудеснымъ обаяньемъ
Въ мѣста, гдѣ дышетъ все любви очарованьемъ,
Подъ тѣнью яворовъ ты бродишь по холмамъ,
Студеной пѣною Воклюза орошеннымъ?
Явись, богиня, мнѣ, и съ трепетомъ священнымъ
Коснуся я струнамъ,
Тобой одушевленнымъ!
Явися! ждетъ тебя задумчивый Піитъ,
Въ безмолвіи ночномъ сѣдящій у лампады;

Явись, и дай вкусить сердечныя отрады!
Любимца твоего, любимца Аонидъ,
И горесть сладостна бываетъ:
Онъ въ горести — *мечтаетъ*.
То вдругъ онъ пренесенъ во Сельмскіе лѣса,
Гдѣ вѣтръ шумитъ, реветъ гроза,
Гдѣ тѣнь Оскарова, одѣтая туманомъ,
По небу стелется надъ пѣннымъ океаномъ;
То, съ чашей радости въ рукахъ,
Онъ съ Бардами поетъ: и мѣсяцъ въ облакахъ
И Кромлы шумный лѣсъ безмолвно имъ внимаетъ,
И эхо по горамъ пѣснь звучну повторяетъ.

Или въ полночный часъ
Онъ слышитъ Скальдовъ гласъ
Прерывистый и томный.
Зритъ: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоятъ кругомъ костровъ,
Зажженныхъ въ полѣ брани,
И древній Царь пѣвцовъ
Простеръ на арфу длани.
Могилу указавъ, гдѣ вождь героевъ спитъ:
»Чья тѣнь, чья тѣнь,« — гласитъ
Въ священномъ изступленьи, —
»Тамъ съ дѣвами плыветъ въ туманныхъ облакахъ?
Се ты, младый Исвель, иноплеменныхъ страхъ,

Днесь падшій на сраженьи!
Миръ, миръ тебѣ, герой!
Твоей сѣкирою стальной
Пришельцы гордые разбиты!
Но самъ ты палъ на грудахъ тѣлъ,
Палъ, витязь знаменитый,
Подъ тучей вражьихъ стрѣлъ!..
Ты палъ! И надъ тобой посланницы небесны,
Валкиріи прелестны,
На бѣлыхъ, какъ снѣга Біарміи, коняхъ,
Съ златыми копьями въ рукахъ,
Въ безмолвіи спустились,
Коснулись до зѣницъ копьемъ своимъ, и вновь
Глаза твои открылись:
Течетъ по жиламъ кровь
Чистѣйшаго эѳира,
И ты, безплотный духъ,
Въ страны безвѣстны міра
Летишь стрѣлой .... и вдругъ —
Открылись предъ тобой тѣ радужны чертоги,
Гдѣ уготовали для сонма храбрыхъ боги
Любовь и вѣчный пиръ. —
При шумѣ горнихъ водъ и тихострунныхъ лиръ,
Среди полянъ и свѣжихъ сѣней,
Ты будешь поражать тамъ скачущихъ еленей

И златорогихъ сернъ. —
Склонясь на злачный дернъ
Съ дружиною младою
Тамъ снова съ арфой золотою
Въ восторгѣ Скальдъ поетъ
О славѣ древнихъ лѣтъ,
Поетъ, и храбрыхъ очи,
Какъ звѣзды тихой ночи,
Утѣхою блестятъ.«
Но вечеръ притекаетъ,
Часъ нѣги и прохладъ;
Гласъ Скальда замолкаетъ;
Замолкъ — и храбрыхъ сонмъ
Идетъ въ Оденовъ домъ,
Гдѣ дочери Веристы
Власы свои душисты
Раскинувъ по плечамъ,
Прелестницы младыя,
Всегда полунагія,
На пиршества гостямъ
Обильны яствы носятъ
И пить умильно просятъ
Изъ чаши сладкій медъ. —
Такъ древній Скальдъ поетъ,
Лѣсовъ и дебрей сынъ угрюмый:
Онъ щастливъ, погрузясь о щастьи въ сладки
думы!

О сладкая Мечта! о неба даръ благой!
Средь дебрей каменныхъ, средь ужасовъ при-
роды,
Гдѣ плещутъ о скалы Ботническія воды,
Въ краяхъ изгнанниковъ .... я щастливъ былъ
тобой;
Я щастливъ былъ, когда въ моемъ уединеньи,
Надъ кущей рыбаря, въ часъ полночи нѣмой,
Раздастся вѣтровъ свистъ и вой
И въ кровлю застучитъ и градъ и дождь осенній.
Тогда на крыліяхъ Мечты
Леталъ я въ поднебесной,
Или, забывшися на лонѣ красоты,
Я сонъ вкушалъ прелестной,
И щастливъ наяву, былъ щастливъ и въ мечтахъ!

Волшебница моя! дары твои безцѣнны
И старцу въ лѣта охлажденны,
Съ котомкой нищему и узнику въ цѣпяхъ.
Заклепы страшные съ замками на дверяхъ,
Соломы жесткій пукъ, свѣтъ блѣдный пепелища,
Изглоданный сухарь, мышей тюремныхъ пища,
Сосуды глиняны съ водой,
Все, все украшено тобой!...
Кто сердцемъ правъ, того ты ввѣкъ не покидаешь.
За нимъ во всѣ страны летаешь,
И щастіемъ даришь любимца своего.

Пусть міромъ позабытъ! что нужды для него?
Но съ нимъ задумчивость, въ день пасмурный,
осенній,
На мирномъ ложѣ сна,
Въ уединенной сѣни,
Беседуетъ одна.
О, тайныхъ слезъ неизъяснима сладость!
Что предъ тобой сердецъ холодныхъ радость,
Веселій шумъ и блескъ честей
Тому, кто ничего не ищетъ подъ луною:
Тому, кто сопряженъ душою
Съ могилою давно утраченныхъ друзей!

Кто въ жизни не любилъ?
Кто разъ не забывался,
Любя мечтамъ не предавался,
И щастья въ нихъ не находилъ?
Кто въ часъ глубокой ночи,
Когда невольно сонъ смыкаетъ томны очи,
Всю сладость не вкусилъ обманчивой Мечты?
Теперь, любовникъ, ты
На ложѣ роскоши съ подругой боязливой,
Ей шепчешь о любви и пламенной рукой
Снимаешь со груди ея покровъ стыдливой;
Теперь блаженствуешь, и щастливъ ты—Мечтой!
Ночь сладострастія тебѣ даетъ призраки,
И нектаромъ любви кропитъ лѣнивы маки:

Мечтаніе — душа Поэтовъ и стиховъ.
И ѣдкость сильная вѣковъ
Не можетъ прелестей лишить Анакреона;
Любовь еще горитъ во пламенныхъ мечтахъ
Любовницы Фаона;
А ты, лежащій на цвѣтахъ
Межь Нимфъ и сельскихъ Грацій,
Пѣвецъ веселія, Горацій!
Ты сладостно мечталъ,
Мечталъ среди пировъ и шумныхъ и веселыхъ,
И смерть угрюмую цвѣтами увѣнчалъ!
Какъ часто въ Тибурѣ, въ сихъ рощахъ уста-
рѣлыхъ,
На скатѣ бархатныхъ луговъ,
Въ щастливомъ Тибурѣ, въ твоемъ уединеньи,
Ты ждалъ Глицерію, и въ сладостномъ забвеньи,
Томимый нѣгою на ложѣ изъ цвѣтовъ,
При воскуреніи мастикъ благоуханныхъ,
При пляскѣ Нимфъ вѣнчанныхъ,
Сплетенныхъ въ хороводъ,
При отдаленномъ шумѣ
Въ лугахъ журчащихъ водъ,
Безмолвенъ въ сладкой думѣ
Мечталъ... и вдругъ, Мечтой
Восторженъ сладострастной,
У ногъ Глицеріи стыдливой и прекрасной
Побѣду пѣлъ любви

Надъ юностью безпечной,
И первый жаръ въ крови
И первый вздохъ сердечной,
Щастливецъ! воспѣвалъ
Цитерскія забавы,
И всѣ заботы славы
Ты вѣтрамъ отдавалъ!
Ужели въ истинахъ печальныхъ
Угрюмыхъ Стоиковъ и скучныхъ мудрецовъ,
Сидящихъ въ платьяхъ погребальныхъ
Между обломковъ и гробовъ,
Найдемъ мы жизни нашей сладость? —
Отъ нихъ, я вижу, радость
Летитъ, какъ бабочка отъ терновыхъ кустовъ;
Для нихъ нѣтъ прелести и въ прелестяхъ природы;
Имъ дѣвы не поютъ, сплетяся въ хороводы,
Для нихъ, какъ для слѣпцовъ,
Весна безъ радости и лѣто безъ цвѣтовъ...
Увы! но съ юностью исчезнутъ и мечтанья,
Исчезнутъ Грацій лобызанья,
Надежда измѣнитъ, и рой крылатыхъ сновъ.
Увы! тамъ нѣтъ уже цвѣтовъ,
Гдѣ тусклый опытность свѣтильникъ зажигаетъ,
И время старости могилу открываетъ.

Но ты — пребудь вѣрна, живи еще со мной!
Ни свѣтъ, ни славы блескъ пустой,

Ничто даровъ твоихъ для сердца не замѣнитъ!
Пусть дорого глупецъ суетъ блистанье цѣнитъ,
Лобзая прахъ златый у мраморныхъ палатъ;—
Но я и щастливъ и богатъ,
Когда снискалъ себѣ свободу и спокойство,
А отъ суетъ ушелъ забвенія тропой!
Пусть будетъ навсегда со мной
Завидное Поэтовъ свойство:
Блаженство находить въ убожествѣ, Мечтой!
Ихъ сердцу малость драгоцѣнна,
Какъ пчелка, медомъ отягченна,
Летаетъ съ травки на цвѣтокъ,
Щитая моремъ — ручеекъ;
Такъ хижину свою Поэтъ дворцомъ щитаетъ,
И щастливъ — *онъ мечтаетъ!*

—

КЪ ТАССУ.

—

Позволь, священна тѣнь! безвѣстному пѣвцу
Коснуться къ твоему безсмертному вѣнцу,
И сладость пѣнія твоей Авзонской Музы,
Достойной береговъ прозрачной Аретузы,
Рукою слабою на лирѣ повторить
И новымъ языкомъ съ тобою говорить.
Среди Элизія, близъ древняго Омира,
Почіетъ тѣнь твоя, и Аполлона лира
Еще согласьемъ духъ Поэта веселитъ!
Рѣка забвенія и пламенный Коцитъ
Тебя съ любовницей, о Тассъ, не разлучили!
Въ Элизіи теперь васъ Музы съединили:
Печалей нѣтъ для васъ, и скорбь протекшихъ дней,
Какъ сладостну мечту, объемлете душей...

Торквато! Кто испилъ всѣ горькія отравы
Печалей и любви, и въ храмъ безсмертной славы,
Ведомый Музами, въ дни юности проникъ,
Тотъ преждевременно несчастливъ и великъ.
Ты пѣлъ — и весь Парнассъ въ восторгѣ пробудился,

Въ Феррару съ Музами Фебъ юный нисиустился;
Назонову тебѣ онъ лиру самъ вручилъ
И геній крыльями безсмертья осѣнилъ.
Воспѣлъ ты бурну брань, и блѣдны Эвмениды
Всѣхъ ужасовъ войны открыли мрачны виды:
Бѣгутъ среди полей и топчутъ знамена;
Свѣтильникомъ вражды ихъ ярость ражжена,
Власы растрепаны и ризы обагрены!...
Я самъ среди смертей... и Марсъ со мною мѣдный...

Но ужасы войны, мечей и копій звукъ
И гласы Марсовы... какъ сонъ изчезли вдругъ!
Я слышу въ далекѣ пастушечьи свирѣли
И чувствія душой иныя овладѣли.
Нѣтъ болѣе вражды, и богъ любви младой
Спокойно спитъ въ цвѣтахъ подъ миртою густой
Онъ всталъ, и мечь опять въ рукѣ твоей блистаетъ!
Какой Протей тебя, Торквато, премѣняетъ?
Какой чудесной богъ чрезъ дивныя мечты
Разсѣялъ мрачныя и нѣжны красоты? —
То скиптръ въ его рукахъ, или перунъ зажженный,

То розы юныя Киприде посвященны,
Иль факелъ Эвменидъ, иль лукъ златой любви
Въ глазахъ его любовь — вражда въ его крови.
Летитъ — и я за нимъ лечу въ предѣлы міра,
То въ адъ, то на Олимпъ! У древняго Омира
Такъ шагъ одинъ творилъ огромный богъ морей
И досягалъ другимъ краевъ подлунной всей.

Армиды чарами средь моря сотворенной,
Здѣсь тѣнью миртовой въ долинѣ осѣненной,
Ринальдъ, младой герой, забывъ воинской гласъ,
Вкушаетъ прелести любови и заразъ...
А тамъ что зрятъ мои обвороженны очи?..
Близъ стана воинска, подъ кровомъ черной ночи,
При заревѣ бойницъ, пылающихъ огнемъ,
Два грозныхъ воина, вооружась мечемъ,
Неистовой рукой струятъ потоки крови —
О, жертва ярости и плачущей любови!...
Постойте воины!... Увы!... одинъ падетъ...
Танкредъ въ врагѣ своемъ Клоринду узнаетъ
И моремъ слезъ теперь онъ платитъ, дерзновенной,
За каплю каждую сей крови драгоцѣнной...

Чтожь было для тебя наградою, Торкватъ,
За пѣсни стройныя? — Зоиловъ острый ядъ,
Притворная хвала и ласки царедворцевъ,

Отрава для души и самыхъ стихотворцевъ.
Любовь жестокая, источникъ золъ твоихъ,
Явилася тебѣ среди палатъ златыхъ, —
И ты изъ рукъ ея взялъ чашу ядовиту,
Цвѣтами юными и розами увиту;
Испилъ... и упоенъ любовною мечтой
И лиру и себя повергъ предъ красотой.
Но радость наша—ложь; но счастіе—крылато;
Завѣса раздрана!—Ты узникъ сталъ, Торквато!
Въ темницу мрачную ты брошенъ какъ злодѣй,
Лишенъ и вольности и Фебовыхъ лучей. —
Печаль глубокая Поэтовъ духъ сразила,
Исчезъ талантъ его и творческая сила,
И разумъ весь погибъ! — О вы, которыхъ ядъ
Торквату далъ вкусить мученій лютыхъ адъ,
Придите зрѣлищемъ достойнымъ веселиться
И гибелью его таланта насладиться.
Придите! Вотъ Поэтъ, превыше смертныхъ хвалъ
Который говорить героевъ заставлялъ,
Проникнулъ взорами въ небесные чертоги —
Въ желѣзахъ стонетъ здѣсь... О милосерды боги!
Доколѣ жертвою, невинность, будешь ты
Безчестной зависти и адской клеветы?

Имѣло ли конецъ несчастіе Поэта? —
Желѣзною рукой печаль и быстры лѣта

Уже безвременно бѣлятъ его власы;
Въ единообразіи бѣгутъ, бѣгутъ часы;
Что день, то прежня скорбь, что ночь,—мечты
ужасны...
Смягчился наконецъ завѣтъ судьбы злосчастной:
Свободенъ сталъ Поэтъ ... и солнца лучь златой
Льетъ въ хладну кровь его отраду и покой.
Онъ можетъ опочить на лонѣ свѣтлой славы...
Средь Капитолія, гдѣ стѣны обветшалы
И самый прахъ еще о Римлянахъ твердитъ,
Тамъ ждетъ его тріумфъ ... Увы!... тамъ смерть
стоитъ...
Неумолимая беретъ вѣнокъ лавровый,
Поэта увѣнчать изъ давныхъ лѣтъ готовый.
Премѣна жалкая столь радостнаго дня!
Гдѣ знаки почестей — тамъ смертны пелены,
Не увѣнчаніе, но лики погребальны...

Такъ кончились твои, безсмертный, дни печальны!
Нѣтъ болѣе тебя, божественный Поэтъ!
Но славы Тассовой исполненъ въ вѣки свѣтъ.
Едва ли прахъ одинъ остался древней Трои,
Не знаемъ и могилъ, гдѣ спятъ ея герои,
Скамандръ божественный вертепами течетъ —
Но въ памяти людей Омиръ еще живетъ,

Но человѣчество пѣвцемъ еще гордится,
Но міръ ему есть храмъ... И твой не сокрушится.

Пустынникъ Петръ говорилъ въ Верховномъ Совѣтѣ. Онъ предложилъ Готфреда въ вожди.

Скончалъ пустынникъ рѣчь! — Небесно вдохновенье!
Не скрыто отъ тебя сердечное движенье:
Ты въ старцовы уста глаголъ вложило сей
И сладость онаго влило въ сердца князей;
Ты укротило въ нихъ бунтующія страсти,
Духъ буйной вольности, любовь врожденну къ власти. —
Вильгельмъ и мудрый Гельфъ, первѣйши изъ вождей
Готфреда нарекли вождемъ самихъ царей.

И плески шумные избранье увѣнчали!
Ему единому, всѣ ратники вѣщали,
Ему единому вести ко славѣ насъ;
Законы пусть даетъ его единый гласъ!
Доселѣ равные, его послушны волѣ,

Подъ знаменемъ святымъ пойдемъ на бранно
поле,
Поганство буйное святынѣ покоримъ.
Награда Небо намъ; умремъ иль побѣдимъ!

Узрѣли воины начальника избранна
И властію почти достойно увѣнчанна;
Онъ плески радостны отъ войска воспріялъ;
Но видъ величія спокойнаго являлъ.
Клялися всѣ его повиноваться волѣ.
На утро онъ велѣлъ полкамъ собраться въ
полѣ,
Чтобъ рать подъ знамена священны протекла!
И слава царское велѣнье разнесла.

Торжественнѣй въ сей день явилось надъ мо-
рями
Свѣтило дня, лучи ліющее рѣками!
Христово воинство въ порядкѣ потекло,
И долъ обширнѣйшій строями облегло.
Развились знамена и копья заблистали;
Скользящіе лучи сталь гладку зажигали;
Но войско двинулось — передъ вождемъ те-
четъ
Тяжела конница и ей пѣхота въ слѣдъ.

О память свѣтлая! Тобою озаренна

Протекли времена и подвиги забвенны;
О память! Мнѣ свои хранилища открой!
Чьи ратники сіи? Кто славной ихъ герой?
Повѣждь — да слава ихъ, утраченна вѣками,
Твоими возблеститъ небренными лучами!
Увѣковѣчи пѣснь нетлѣніемъ своимъ,
И время сокрушитъ желѣзо передъ нимъ.

. . . .

Явились первые неустрашимы Галлы,
Ихъ грудь облечена въ сліянные металлы;
Оружіе звѣнитъ тяжелое въ рукахъ.
Гугъ, царскій братъ, сперва былъ вождемъ въ сихъ полкахъ;
Онъ умеръ, и коругвь трехъ лилій благородныхъ
Не въ длани перешла ея царей природныхъ,
Но къ мужу славному по доблести своей:
Клотарій избранъ былъ въ преемники царей.

Счастливой Иль де Франсъ, обильной, многоводной,
Вождя и ратниковъ страною былъ природной.
Нормандцы грозные текутъ симъ войскамъ въ слѣдъ,
Робертъ, ихъ кровный царь, ко брани днесь ведетъ.
На Галловъ сходствуетъ оружье ихъ и нравы;
Какъ Галлы, не щадятъ себя для царской славы

Вильгельмъ и Адемаръ ихъ войски въ брань ведутъ,
Народовъ пастыри за Вѣру кровь лiютъ.
Кадильницу они съ булатомъ сочетали
И длинные власы шеломами вѣнчали.
Святое рвенiе! — Ихъ меткая рука
Умѣетъ поражать враговъ изъ-далека.
Четыреста мужамъ, въ Орангiи рожденнымъ,
Вильгельмъ предшествуетъ со знаменемъ священнымъ;
Но равное число идетъ изъ Пуйскихъ стѣнъ,
И Адемаръ вождемъ тоii рати нареченъ.
Се идетъ Бодоинъ съ Болонцами своими!
Покрыты чела ихъ шеломами златыми.
Готфреда воины за ними въ слѣдъ идутъ,
Вождемъ своимъ теперь царева брата чтутъ.
Корнутскiй Графъ потомъ, вождь мудрости избранный,
Четыреста мужей ведетъ на подвигъ бранной,
Но трижды всадниковъ толикое число
Подъ Бодоиновы знамена протекло.

Гелфъ славный возлѣ нихъ покрылъ полками поле;
Гелфъ славенъ счастiемъ, но мудростiю болѣ.
Изъ дома Эстскаго сей витязь родился,
Воспринятъ Гелфомъ былъ и Гелфомъ назвался;

Коринтіей теперь богатой обладаетъ
И власть на ближнія долины простираетъ,
По коимъ катитъ Рейнъ свой сребренной кри-
сталлъ:
Свевъ дикій искони тамъ въ дѣтствѣ обиталъ.

ОТРЫВОКЪ

изъ Шиллеровой трагедіи.

—

Д. Изабелла, Донъ Эммануилъ и Донъ Цезарь (*Ея дѣти.*)

Д. Изабелла (*выступая съ сынами*).

Приникни съ горней высоты,
Заступница печальныхъ смертныхъ,
И сердце удержи мое
Въ границахъ должнаго смиренья!
Я матерь: въ радости могу,
Взирая на сыновъ, забыться
И — жертвой гордости упасть.
Ахъ! въ первый жизни разъ
Ихъ совокупно обнимаю;
До сей минуты вожделѣнной
Таила въ сердцѣ глубоко
Горячность вѣчную къ сынамъ,
Равно для матери безцѣннымъ!
Въ объятьяхъ одного, другой
Мнѣ долженъ былъ казаться мертвымъ;

Два сына мнѣ дала судьба,
Но сердце, ихъ любить, одно.
Ахъ! дѣти, молвите: могу ли
Васъ обоихъ равно обнять,
Въ восторгахъ радости безмѣрной?

(къ Д. Эммануилу.)

Не раню ль ревность я твою,
Сжимая Цезареву руку?

(къ Д. Цезарю.)

Скажи: обидѣли ль тебя
Любви моей ко брату знаки?
Я трепещу: моя любовь
Въ васъ злобы пламень раздуваетъ!
Чего мнѣ ждать? Вѣщайте, дѣти:
Съ какою мыслію стеклись?
Иль древняя вражда воспрянетъ,
Непримиримая, и здѣсь,
Въ дому родителей священномъ?
Или за прагомъ, мечь, и ножъ
И гнѣвъ, скрежещущій зубами,
Васъ ожидаютъ, несчастливцы?
Что шагъ — то новы преступленья!

Хоръ.

Миръ, или злоба! жребій не вынутъ;
Скрыто глубоко, что будетъ, отъ насъ:

Мечь, иль оливу братья отринутъ:
Мы не трепещемъ и станемъ за васъ!

Д. Изабелла.

Какія злобны восклицанья!
Что мужи бранные хотятъ?
Или войну готовятъ здѣсь
У олтарей гостепріимныхъ?
Къ чему мечи, когда съ любовью
Здѣсь матерь обняла дѣтей?
Или въ объятіяхъ ея
Страшитесь адскія измѣны
И змій предателей?... Враги —
Такъ! не друзья толпы наемныхъ,
Слѣпые слуги мести вашей,
Раздоръ несущи по слѣдамъ!
Нѣтъ! не друзья! не вѣрьте имъ:
Не молвятъ добраго совѣта!
Одна боязнь и вѣчный страхъ
Куютъ имъ раболѣпны руки,
Всегда готовыя на зло.
Вы научитесь, дѣти, знать
Сей родъ и низкій и строптивый;
Онъ кровожадный власти червь,
Онъ силы тайный поядатель!
О дѣти! сколь опасенъ міръ:
Онъ полонъ лести и лукавства!

Какія узы прочны здѣсь?
Гдѣ постоянны человѣки,
Поклонники корысти бренной?
Природа лишь одна вѣрна
На якорѣ своемъ нетлѣнномъ,
И счастливъ тотъ, кому даетъ
Сопутникомъ въ сей жизни брата!

Хоръ.

Други! вѣщала вамъ правду она!
Ей вся открыта сердецъ глубина;
Мы же, какъ снасти лишенные челны,
Летимъ на погибель въ житейскія волны!

Д. Изабелла. *(Къ Д. Цезарю.)*

О, ты прижавшій мечь во длани,
Склонившій ницъ ревнивый взоръ!
Воззри окрестъ и будь судья:
Кто брату красотой подобенъ?

(Къ Д. Эммануилу.)

Отвѣтствуй мнѣ: изъ сей толпы
Кто Цезаря затмитъ красою?
Вы оба, юноши, равно
Надѣлены рукой природы.
Молю: воззрите на себя,
Увѣрьтесь въ истинѣ очами;
Изъ тысячи твоя рука,

Его, какъ друга бы прижала
И братомъ сердце нарекло.
О ослѣпленіе страстей!
Плодъ ревности и злости адской!
Когда судьбина въ колыбели
Другъ другомъ надѣлила васъ,
Забывъ родства и крови узы,
Въ кипящихъ, какъ волканъ, страстяхъ,
Къ ногамъ повергнувъ даръ природы,
Клевретовъ — нарекли друзьями,
Врагамъ — любовью поклялись!

Д. Эммануилъ.

О, выслушай меня!

Д. Цезарь.

(Вступая въ рѣчь) Дай слово
Мнѣ молвить, матерь...

Д. Изабелла.

Нѣтъ!
Слова неукротятъ вражды:
Здѣсь месть съ обидою взаимны,
Здѣсь ненависть таится глубоко.
Кто знаетъ: гдѣ огонь сей адскій,
Объявшій пламенемъ сердца,

Огонь ужасный, сокровенный,
Одѣтый лавой древнихъ дней?
Обида въ юной жизни здѣсь
Растетъ, мужаетъ безпрестанно,
И — мужъ за юношу, намъ врагъ!
Увы! отъ младости безумной
Вы братья дышете на зло;
Лѣта-бъ должны обезоружить
Враждующихъ. Воззрите вспять:
Гдѣ ненависти первой сѣмя?
Среди гремушекъ, дѣтскихъ игръ,
И лепетанія младенцевъ:
Тамъ зла виновное начало,
Тамъ горести источникъ вѣчный!
Но устыдитеся; вы мужи!

(Беретъ обоихъ за руки.)

Желанный мною часъ насталъ!
Сойдитесь, милые! рѣшитесь
Вины взаимныя забыть!
Въ душѣ великой, благородной,
Прощенье выше всѣхъ побѣдъ!
Въ могилу древняго отца
Повергните вражды эхидну,
Готовую известь безумныхъ.

Любви и миру дайте жизнь
И обновитеся сердцами;

(Отступаетъ шагъ назадъ, какъ будто желая дать мѣсто братьямъ приблизиться взаимно; но они оба неподвижны, взоры ихъ устремлены въ землю.)

Хоръ.

Братья! почтите матери волю:
Слово святое вамъ зарекла:
Кончить годину мести и зла.
Братья! иль снова къ ратному полю?
Слѣпо мы дѣлимъ ваши судьбы;
Вы властелины; мы же рабы.

Изабелла.

(Въ молчаніи нѣсколько минутъ напрасно ожидая примиренія братьевъ, говоритъ съ чувствомъ глубокой горести.)

Довольно! силу словъ
И заклинаній истощила!
Въ могилѣ тотъ, кто могъ владѣть
Строптивыми сыновъ сердцами.
Что я? увы! печальная вдова...
Мой гласъ — безсильный гласъ молитвы!
Довольно! полная свобода:

Отдайтесь демону вражды
На гнѣвъ, на новыя обиды!
Чего стыдиться вамъ? жены,
Сихъ стѣнъ, сихъ алтарей безмолвныхъ?
Подъ сѣнью ихъ, гдѣ ваши колыбели
На радость нѣкогда стояли,
Братоубійствомъ осквернитесь,
Облейтесь кровію своей,
И грудь на грудь, въ неистовомъ пылу,
Какъ Полиникъ, какъ Этеоклъ проклятый,
Другъ друга задушите вы,
Въ объятіяхъ достойныхъ ада *)....

Хоръ.

О ужасъ! что матерь намъ здѣсь зарекла!
Годину печали, тревоги и зла,
А въ жизни грядущей и скрежетъ и муки!
Да будутъ же чисты отъ гибели руки,
Да съ миромъ васъ приметъ родителей домъ!
Смиритесь, о братья! есть на небѣ громъ!

Д. Цезарь. (*Не смотря на брата.*)

Ты старшій братъ: начни же рѣчь —
Я отвѣчать тебѣ готовъ.

---

*) Здѣсь нѣсколько стиховъ недостаетъ.

Д. Эммануилъ. *(Въ подобномъ положеніи.)*

Самъ молви ласковое слово!
Ты младшій: дай любви примѣръ.

Д. Цезарь.

Не потому, что я виновенъ,
Иль брата старшаго слабѣй?

Д. Эммануилъ.

Всѣмъ доблесть рыцаря извѣстна:
Ты скроменъ, слѣдственно, не слабъ.

Д. Цезарь.

Или такъ мыслишь ты о братѣ
Во истину?

Д. Эммануилъ.

Не знаю лжи;
Какъ ты, душою выше чванства.

Д. Цезарь.

Презрѣнья не могу снести;
Но ты, въ пылу жестокой распри
О братѣ низко не вѣщалъ!

Д. Эммануилъ.

Моей ты смерти не алкалъ;

Я знаю: ты казнилъ монаха,
Что мнѣ готовилъ тайно ядъ.

Д. Цезарь.

О! еслибъ брата прежде зналъ!
Что было .... вѣрно бъ не случилось.

Д. Эммануилъ.

Не зная сердца твоего,
Я матерь горестію обидѣлъ.

Д. Цезарь.

Ты мнѣ жестокимъ былъ описанъ.

Д. Эммануилъ.

Несчастіе Князей, клевреты,
Владѣютъ тайно ихъ душой!

Д. Цезарь *(быстро)*.

Всему виновники они....

Д. Эммануилъ.

Два сердца разлучившіи злобой....

Д. Цезарь.

Навѣтомъ, хитрой клеветой....

Д. Эммануилъ.

И ядомъ лести и коварства. . . .

Д. Цезарь.

Питая яростную рану. . . .

Д. Эммануилъ.

Насъ сдѣлали рабами ихъ. . . .

Д. Цезарь.

Игралищемъ страстей чужихъ. —

Д. Эммануилъ.

Такъ, правда! чуждый другъ невѣренъ!

Д. Цезарь.

Опасный: матерь намъ вѣщала. —

Д. Эммануилъ.

Такъ дай же руку, милый братъ!

Д. Цезарь.

Она твоя на вѣки, братъ!

Д. Эммануилъ.

Чѣмъ болѣ на тебя смотрю,

Тѣмъ болѣ, съ сладкимъ удивленьемъ,
Срѣтаю матери черты. . . .

Д. Цезарь.

Вглядись: какъ сходенъ ты со мной —
Безцѣнное для брата сходство!

Д. Эммануилъ.

Ты ль это братъ? твои ли рѣчи
И ласки къ младшему, скажи?

Д. Цезарь.

Ты ль это, юноша прелестный,
Столь злобный нѣкогда мнѣ врагъ?

Д. Эммануилъ.

Какъ права, требуя коней
Изъ славнаго отца наслѣдства,
Ты рыцаря прислалъ за ними
И я далъ рыцарю отказъ.

Д. Цезарь.

Они твои: не мыслю болѣ...

Д. Эммануилъ.

Нѣтъ! нѣтъ! твои — и колесница:
Прими, какъ брата первый даръ!

Онъ молитъ Музъ, душѣ усталой отъ суетъ
Отдать любовь утраченну къ искусствамъ,
Веселость ясную первоначальныхъ лѣтъ
И свѣжесть — вянущимъ безпрестанно чув-
ствамъ.

Пускай заботъ свинцовый грузъ
Въ рѣкѣ забвенія потонетъ,
И время жадное въ сей тайной сѣни Музъ
Любимица ихъ не тронетъ:

Пускай и въ сѣдинахъ, но съ бодрою душой,
Безпеченъ, какъ дитя всегда безпечныхъ Гра-
цій,
Онъ нѣкогда придетъ вздохнуть въ сѣни густой
Своихъ черемухъ и акацій.

—

ПОСЛАНІЯ.

КАРАМЗИНУ.

—

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ,
Отецъ Исторіи читалъ,
Какъ Грекъ разилъ вождей Азійскихъ,
И силы гордыхъ сокрушилъ —
Народъ, любитель громкой славы,
Забывъ ристанья и забавы,
Стоялъ, и весь вниманье былъ.

Но въ сей толпѣ многонародной,
Какъ старца слушалъ Ѳукидидъ,
Любимый отрокъ Аонидъ,
Надежда крови благородной!
Съ какою жаждой онъ внималъ
Отцевъ дѣянья знамениты,
И на горящія ланиты
Какія слезы проливалъ!

И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою читалъ,

О Лары! уживитесь
Въ обители моей,
Поэту улыбнитесь —
И будетъ щастливъ въ ней!...
Въ сей хижинѣ убогой
Стоитъ передъ окномъ
Столъ ветхой и треногой
Съ изорванным сукномъ.
Въ углу, свидѣтель славы
И суеты мірской,
Виситъ полузаржавый
Мечь прадѣдовъ тупой;
Здѣсь книги выписныя,
Тамъ жесткая постель —
Все утвари простыя,
Все рухлая скудель!
Скудель!... но мнѣ дороже,
Чѣмъ бархатное ложе
И вазы богачей!...

. . . .

Отеческіе боги!
Да къ хижинѣ моей
Не сыщетъ ввѣкъ дороги
Богатство съ суетой,
Съ наемною душой
Развратные щастливцы,
Придворные друзья

И блѣдны горделивцы,
Надутые Князья!
Но ты, о мой убогой
Калека и слѣпой,
Идя путемъ-дорогой
Съ смиренною клюкой,
Ты смѣло постучися,
О воинъ, у меня;
Войди и обсушися
У яркаго огня.
О старецъ, убѣленный
Годами и трудомъ,
Трикраты уязвлѐнный
На приступѣ штыкомъ!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя съ нагайкой,
Что въ жупелъ и въ огни
Леталъ передъ полками,
Какъ вихорь на поляхъ,
И вкругъ его рядами
Враги ложились въ прахъ!
И ты, моя Лилета,
Въ смиренной уголокъ
Приди подъ вечерокъ
Тайкомъ переодѣта!
Подъ шляпою мужской

И кудри золотыя
И очи голубыя,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащъ широкой,
Мечемъ вооружись
И въ полночи глубокой
Внезапно постучись.
Вошла — нарядъ военный
Упалъ къ ея ногамъ,
И кудри распущенны
Взвѣваютъ по плечамъ,
И грудь ея открылась
Съ лилейной бѣлизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вотъ съ улыбкой нѣжной
Садится у огня;
Рукою бѣлоснѣжной
Склонившись на меня,
И алыми устами,
Какъ вѣтеръ межъ листами,
Мнѣ шепчетъ: я твоя,
Твоя, мой другъ сердечной!
Блаженъ, въ сѣни безпечной
Кто милою своей,
Подъ кровомъ отъ ненастья,
На ложѣ сладострастья,

До утреннихъ лучей
Спокойно обладаетъ,
Спокойно засыпаетъ
Близъ друга сладкимъ сномъ!...

Уже потухли звѣзды
Въ сіяніи дневномъ,
И пташки теплы гнѣзды,
Что свиты надъ окномъ,
Щебеча покидаютъ
И нѣгу отрясаютъ
Со крылышекъ своихъ;
Зефиръ листы колышетъ
И все любовью дышетъ
Среди полей моихъ;
Все съ утромъ оживаетъ,
А Лила почиваетъ
На ложѣ изъ цвѣтовъ...
И вѣтеръ тиховѣйной
Съ груди ея лилейной
Сдулъ дымчатой покровъ....
И въ локоны златые
Двѣ розы молодыя
Съ нарциссами вплелись;
Сквозь тонкія преграды
Нога ища прохлады,
Скользитъ по ложу внизъ...

Я Лилы пью дыханье
На пламенныхъ устахъ,
Какъ розъ благоуханье,
Какъ нектаръ на пирахъ!..
Покойся другъ прелестной,
Въ объятіяхъ моихъ!
Пускай въ странѣ безвѣстной,
Въ тѣни лѣсовъ густыхъ,
Богинею слѣпою
Забытъ я отъ пеленъ:
Но дружбой и тобою
Съ избыткомъ награжденъ!
Мой вѣкъ спокоенъ, ясенъ;
Въ убожествѣ съ тобой
Мнѣ милъ талантъ простой;
Безъ злата милъ и красенъ
Лишь прелестью твоей!

Безъ злата и честей
Доступенъ добрый Геній
Поэзіи святой,
И часто, въ мирной сѣни,
Бесѣдуетъ со мной.
Небесно вдохновенье,
Порывъ крылатыхъ думъ!
(Когда страстей волненье
Уснетъ . . . и свѣтлый умъ

Летая въ поднебесной,
Земныхъ свободенъ узъ,
Въ Аоніи прелестной
Срѣтаетъ хоры Музъ)
Небесно вдохновенье!
За чѣмъ летишь стрѣлой,
И сердца упоенье
Уносишь за собой? —
До розовой денницы
Въ отрадной тишинѣ,
Парнасскія царицы,
Подруги будьте мнѣ!
Пускай веселы тѣни
Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
Оставя тайны сѣни
Стигійскихъ береговъ,
Иль области эѳирны,
Воздушною толпой
Слетятъ на голосъ лирный
Бесѣдовать со мной!...
И мертвые съ живыми
Вступили въ хоръ единъ!...
Что вижу? ты предъ ними,
Парнасскій исполинъ,
Пѣвецъ Героевъ, славы,
Въ слѣдъ вихрямъ и громамъ,
Нашъ лебедь величавый,

Плывешь по небесамъ.
Въ толпѣ и Музъ и Грацій,
То съ лирой, то съ трубой,
Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій,
Сливаетъ голосъ свой.
Онъ громокъ, быстръ и силенъ,
Какъ Суна средь степей,
И нѣженъ, тихъ, умиленъ,
Какъ вешній соловей.
Фантазіи небесной
Давно любимый сынъ,
То повѣстью прелестной
Плѣняетъ Карамзинъ;
То мудраго Платона
Описываетъ намъ,
И ужинъ Агатона,
И наслажденья храмъ;
То древню Русь и нравы
Владиміра временъ,
И въ колыбели Славы
Рожденіе Славянъ.
За нимъ Сильфъ прекрасной,
Воспитанникъ Харитъ,
На цитрѣ сладкогласной
О Душенькѣ бренчитъ;
Мелецкаго съ собою
Улыбкою зоветъ,

И съ нимъ, рука съ рукою,
Гимнъ радости поетъ!...
Съ Эротами играя,
Философъ и Піитъ,
Близъ Федра и Пильпая
Тамъ Дмитріевъ сидитъ;
Бесѣдуя съ звѣрями
Какъ щастливый дитя,
Парнасскими цвѣтами
Скрылъ истину шутя.
За нимъ въ часы свободы
Поютъ среди пѣвцовъ
Два баловня природы,
Хемницеръ и Крыловъ.
Наставники - Піиты,
О Фебовы жрецы!
Вамъ, вамъ плетутъ Хариты
Безсмертные вѣнцы!
Я вами здѣсь вкушаю
Восторги Піеридъ,
И въ радости взываю:
О Музы! я Піитъ!

А вы, смиренной хаты
О Лары и Пенаты!
Отъ зависти людской
Мое сокройте щастье,

Сердечно сладострастье
И нѣгу и покой!
Фортуна! прочь съ дарами
Блистательныхъ суетъ!
Спокойными очами
Смотрю на твой полетъ:
Я въ пристань отъ ненастья
Челнокъ мой проводилъ,
И васъ, любимцы щастья,
На вѣки позабылъ. . .
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важныхъ Музъ,
Безпечные щастливцы,
Философы - лѣнивцы,
Враги придворныхъ узъ,
Друзья мои сердечны!
Придите въ часъ безпечный
Мой домикъ навѣстить —
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Ж . . . . . . добрый мой!
Стрѣлою мчится время,
Веселіе стрѣлой!
Позволь же дружбѣ слезы
И горесть усладить,
И щастья блеклы розы

Эротамъ оживитъ,
О В . . . . ! цвѣтами
Друзей твоихъ вѣнчай.
Даръ Вакха передъ нами:
Вотъ кубокъ — наливай!
Питомецъ Музъ надежный,
О Аристипповъ внукъ!
Ты любишь пѣсни нѣжны
И рюмокъ звонъ и стукъ!
Въ часъ нѣги и прохлады
На ужинахъ твоихъ
Ты любишь томны взгляды
Прелестницъ записныхъ;
И всѣ заботы славы,
Суетъ и шумъ и блажь,
За быстрый мигъ забавы
Съ поклонами отдашь.
О! дай же ты мнѣ руку,
Товарищъ въ лѣни мой,
И мы . . . . потопимъ скуку
Въ сей чашѣ золотой!
Пока бѣжитъ за нами
Богъ времени сѣдой
И губитъ лугъ съ цвѣтами
Безжалостной косой,
Мой другъ! скорѣй за щастьемъ
Въ путь жизни полетимъ;

Упьемся сладострастьемъ,
И смерть опередимъ;
Сорвемъ цвѣты украдкой
Подъ лезвіемъ косы,
И лѣнью жизни краткой
Продлимъ, продлимъ часы!
Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядутъ,
И насъ въ обитель нощи
Ко прадѣдамъ снесутъ —
Товарищи любезны!
Не сѣтуйте о насъ.
Къ чему рыданья слезны,
Наемныхъ ликовъ гласъ?
Къ чему сіи куренья
И колокола вой,
И томны псалмопѣнья
Надъ хладною доской?
Къ чему?... Но вы толпами
При мѣсячныхъ лучахъ
Сберитесь, и цвѣтами
Усѣйте мирный прахъ;
Иль бросьте на гробницы
Боговъ домашнихъ ликъ,
Двѣ чаши, двѣ цѣвницы,
Съ листами повиликъ:

И путникъ угадаетъ
Безъ надписей златыхъ,
Что прахъ тутъ почиваетъ
Щастливцевъ молодыхъ!

—

ПОСЛАНІЕ

Г. В — му.

—

О ты, владѣющій гитарой Трубадура,
Эраты голосомъ и прелестью Амура,
Воспомни, милый Графъ, щастливы времена,
Когда насъ юношей увидѣла Двина!
Когда, отвоевавъ подъ знаменемъ Беллоны,
Подъ знаменемъ Любви я началъ воевать,
И новой регламентъ и новые законы
Въ глазахъ прелестницы читать! —
Заря весны моей! тебя какъ не бывало!
Но сердце въ той странѣ съ любовью отдыхало,
Гдѣ я узналъ тебя, мой нѣжный Трубадуръ!
Обѣтованный край! гдѣ вѣтренный Амуръ
Прелестнымъ личикомъ любезный полъ даруетъ,
Подъ дымкой на груди лилеи образуетъ,
Какими бъ и у насъ гордилась красота!)
Вливаетъ томный огнь и въ очи и въ уста,
А въ сердце юное любви прямое чувство.
Щастливыя мѣста, гдѣ нравиться искусство
Не нужно для мужей,
Сидящихъ съ трубками вкругъ угольныхъ огней,

За сыромъ выписнымъ, за Гамбурскимъ журна-
лонъ,
Межь тѣмъ какъ жены ихъ, смѣясь подъ опа-
халомъ,
Люблю, люблю тебя! пришельцу говорятъ,
И руку жмутъ ему коварными перстами!

О мой любезный другъ! отдай, отдай назадъ
Зарю прошедшихъ дней и съ прежними бѣдами,
Съ любовью и войной!
Или, волшебникъ мой,
Одушеви мое музыкой пѣснопѣнье;
Вдохни огонь любви въ холодныя слова,
Еще отдай стихамъ потерянны права —
И камни приводить въ движенье
И горы и лѣса!
Тогда я съ Сильфами взлечу на небеса,
И тихо, какъ призракъ, какъ лучь отъ неба
ясный,
Спущусь на берега пологіе Двины
Съ твоей гитарой сладкогласной:
Коснусь волшебныя струны,
Коснусь . . . и Нимфы горъ при мѣсячномъ сіяньи
Какъ тѣни легкія, въ прозрачномъ одѣяньи,
Съ Сильванами сойдутъ услышать голосъ мой.
Наяды робкія, всплывая надъ водой,
Восплещутъ бѣлыми руками,

И Майскій вѣтерокъ, проснувшись на цвѣтахъ
Въ прохладныхъ рощахъ и садахъ,
Повѣетъ тихими крылами:
Съ очей прелестныхъ дѣвъ онъ свѣетъ тонкій сонъ,
Отгонитъ легкія сновидѣнья,
И тихимъ шопотомъ имъ скажетъ: «это онъ!
Вы слышите его знакомы пѣснопѣнья!»

ПОСЛАНІЕ
Къ Т — ву.

О ты, который средь обѣдовъ,
Среди веселій и забавъ
Сберегъ для дружбы кроткій нравъ,
Для дѣлъ — характеръ честный дѣдовъ!
О ты, который при дворѣ,
Въ чаду успѣховъ или щастья,
Найти умѣлъ въ одномъ добрѣ
Души прямое сладострастье!
О ты, который съ похоронъ
На свадьбы часто поспѣваешь,
Но, бѣднаго услыша стонъ,
Ушей не затыкаешь!
Услышь, мой вѣрный доброхотъ,
Пѣвца смиреннаго моленье,
Доставь крупицу отъ щедротъ
Сироткамъ двумъ на прокормленье!
Замолви слова два за нихъ
Краснорѣчивыми устами:
Лишь дайте имъ! промолви — вмигъ
Онѣ очутятся съ рублями.

Но кто *онъ?* — Скажу точь въ точь
Всю повѣсть ихъ передъ тобою,
Онѣ — вдова и дочь,
Чета забытая судьбою.
Жилъ нѣкто въ мірѣ семъ..... *овъ*,
Царя усердный воинъ.
Былъ бѣденъ. Умеръ. Отъ долговъ
Онъ слѣдственно спокоенъ.
Но въ мірѣ онъ забылъ жену
Съ груднымъ ребенкомъ; и одну
Суму оставилъ имъ въ наслѣдство.....
Но здѣсь не все для бѣдныхъ бѣдство!
Имъ добры люди помогли,
Согрѣли, накормили,
И словомъ, какъ могли,
Сиротокъ пріютили.
Прекрасно! славно! — спору нѣтъ!
Но.... здѣшній свѣтъ
Не рай — мнѣ сказывалъ мой дѣдъ.
Враги нахлынули рѣкою,
Съ землей сравнялася Москва....
И бѣдная вдова
Опять пошла съ клюкою....
А между тѣмъ все дочь растетъ
И нужды съ нею подрастаютъ.
День за день все идетъ, идетъ,
Недѣли, мѣсяцы мелькаютъ;

Старушка клонится, а дочь
Пышнѣе розы расцвѣтаетъ,
И стала.... Грація точь въ точь!
Прелестный взоръ, глаза большіе,
Румянецъ Флоры на щекахъ,
И кудри льняно-золотыя
На алебастровыхъ плечахъ.
Что слово молвитъ — то пріятство,
Что ни надѣнетъ — все къ лицу!
Краса (увы!) — ея богатство
И все приданое къ вѣнцу,
А крохи нѣтъ насущной хлѣба!
Т.......ъ, другъ нашъ! ради Неба,
Пріиди на помощь красотѣ,
Нещастію и нищетѣ.
Онѣ предъ Образомъ, конечно,
Затеплятъ чистую свѣчу, —
За чье здоровье — умолчу:
Ты угадаешь, другъ сердечной!

—

ОТВѢТЪ
Г — чу.

—

Твой другъ тебѣ навѣкъ отнынѣ
Съ рукою сердце отдаетъ;
Онъ отслужилъ слѣпой богинѣ,
Безплодныхъ матери суетъ.
Увы, мой другъ! я въ дни младые
Цирцеямъ такъ же отслужилъ!
Въ карманы заглянулъ пустые,
Покинулъ миртъ и мечь сложилъ.
Пускай кто честолюбьемъ боленъ,
Бросаетъ съ Марсомъ огнь и громъ;
Но я — безвѣстностью доволенъ,
Въ *Сабинскомъ* домикѣ моемъ!
Тамъ глиняны свои Пенаты
Подъ сѣнью дружней съединимъ,
Поставимъ брашны небогаты
А дни мечтой позолотимъ.
И если къ намъ любовь заглянетъ
Въ пріютъ, гдѣ дружбы храмъ святой...
Увы! твой другъ не перестанетъ
Еще ей жертвовать собой! —

Какъ гость, весельемъ пресыщенный,
Роскошный покидаетъ пиръ,
Такъ я, любовью упоенный,
Покину равнодушно міръ!

—

Къ Ж — му.

—

Прости, Балладникъ мой,
Бѣлева мирный житель!
Да будетъ Фебъ съ тобой,
Нашъ давній покровитель!
Ты щастливъ средь полей
И въ хижинѣ укромной.
Какъ юный соловей
Въ прохладѣ рощи темной
Съ любовью дни ведетъ,
Гнѣзда не покидая;
Невидимый поетъ,
Невидимо плѣняя
Веселыхъ пастуховъ
И жителей пустынныхъ:
Такъ ты, краса пѣвцовъ,
Среди забавъ невинныхъ,
Въ отчизнѣ золотой
Прелестны гимны пой!
О! пой, любимецъ щастья,
Пока веселы дни
И розы сладострастья

Кипридою даны,
И роскошь золотая,
Всѣ блага разсыпая
Обильною рукой;
Тебѣ подноситъ вины,
И портеръ выписной,
И сочны апельсины,
И съ трюфлями пирогъ,
Весь Амальтеи рогъ,
Вовѣкъ неистощимый,
На жирный твой обѣдъ!
А мнѣ... покоя нѣтъ!
Смотри! неумолимый
Домашній Гиппократъ,
Наперсникъ Парки блѣдной,
Поповъ слуга усердной,
Чумѣ и Смерти братъ,
Поклявшися Латынью
И практикой своей,
Поитъ меня полынью
И супомъ изъ костей;
Безъ дальняго старанья
До смерти запоитъ,
И къ вамъ писать посланья
Отправитъ за Коцитъ! —
Все въ жизни измѣнило,
Что сердцу сладко льстило:

Все, все прошло, какъ сонъ:
Здоровье легкокрылое,
Любовь и Аполлонъ!
Я сталъ подобенъ тѣни.
Къ смиренію сердецъ,
Сухъ, блѣденъ, какъ, мертвецъ;
Дрожатъ мои колѣни,
Спина дугой къ землѣ,
Глаза потухли, впали,
И скорби начертали
Морщины на челѣ;
Навѣкъ исчезла сила
И доблесть прежнихъ лѣтъ.
Увы! мой другъ, и Лила
Меня не узнаетъ.
Вчера, съ улыбкой злою,
Мнѣ молвила она,
(Какъ древле Громобою
Коварный Сатана)
»Усопшій! миръ съ тобою!
»Усопшій, миръ съ тобою!« —
Ахъ! это ли одно
Мнѣ рокомъ суждено
За древни прегрѣшенья?...
Нѣтъ, новыя мученья,
Достойныя бѣсовъ!
Свои стихотворенья

Читаетъ мнѣ Свистовъ;
И съ нимъ пѣвецъ досужій,
Его покорный бѣсъ,
Какъ онъ, на риѳмы дюжій,
Какъ онъ, головорѣзъ,
Поютъ и напѣваютъ,
Съ ночи до бѣла дня;
Читаютъ и читаютъ,
И до смерти меня
Убійцы зачитаютъ!

—

Все, все прошло, какъ сонъ:
Здоровье легкокрыло,
Любовь и Аполлонъ!
Я сталъ подобенъ тѣни.
Къ смиренію сердецъ,
Сухъ, блѣденъ, какъ, мертвецъ;
Дрожатъ мои колѣни,
Спина дугой къ землѣ,
Глаза потухли, впали,
И скорби начертали
Морщины на челѣ;
Навѣкъ исчезла сила
И доблесть прежнихъ лѣтъ.
Увы! мой другъ, и Лила
Меня не узнаетъ.
Вчера, съ улыбкой злою,
Мнѣ молвила она,
(Какъ древле Громобою
Коварный Сатана)
»Усопшій! миръ съ тобою!
»Усопшій, миръ съ тобою!« —
Ахъ! это ли одно
Мнѣ рокомъ суждено
За древни прегрѣшенья?...
Нѣтъ, новыя мученья,
Достойныя бѣсовъ!
Свои стихотворенья

Читаетъ мнѣ Свистовъ;
И съ нимъ пѣвецъ досужій,
Его покорный бѣсъ,
Какъ онъ, на риѳмы дюжій,
Какъ онъ, головорѣзъ,
Поютъ и напѣваютъ,
Съ ночи до бѣла дня;
Читаютъ и читаютъ,
И до смерти меня
Убійцы зачитаютъ!

ОТВѢТЪ
Т — ву.

Ты правъ! Поэтъ не лжецъ,
Красавицъ воспѣвая.
Но часто нашъ пѣвецъ,
Въ восторгѣ утопая,
Разсудка строгій гласъ
Забудетъ для Армиды,
Для двухъ коварныхъ глазъ;
Подъ знаменемъ Киприды
Сей новый Донъ-Кишотъ
Проводитъ вѣкъ съ мечтами:
Съ химерами живетъ,
Бесѣдуетъ съ духами,
Съ задумчивой луной,
И міръ смѣшитъ собой!
Для свѣта равнодушенъ,
Для славы и честей,
Одной любви послушенъ,
Онъ дышетъ только ей.
Вездѣ съ своей мечтою,
Въ столицѣ и въ поляхъ,

Съ поникшей головою,
Съ уныніемъ въ очахъ,
Какъ призракъ блѣдный бродитъ;
Одно твердитъ, поетъ:
Любовь, любовь зоветъ...
И риѳмы лишь находитъ!
Такъ! вѣрно Аполлонъ
Давно съ любовью въ ссорѣ,
И мститель Купидонъ
Судилъ Поэтамъ горе.
Всѣ Нимфы строги къ намъ
За наши псалмопѣнья,
Какъ Дафна къ богу пѣнья:
Мы лавръ находимъ тамъ
Иль кипарисъ печали,
Гдѣ щастья розъ искали,
Цвѣтущихъ не для насъ.
Взгляните на Парнассъ:
Любовникъ строгой Лоры
Тамъ въ горести погасъ;
Скалы и дики горы
Его лишь знали гласъ
На берегахъ Воклюзы;
Тамъ Душеньки пѣвецъ,
Любимецъ нѣжный Музы
И пламенныхъ сердецъ,
Любилъ, вздыхалъ всечасно,

Вездѣ искалъ мечты;
Но лирой сладкогласной
Не тронулъ красоты.
Лезбосская пѣвица,
Прекрасная въ женахъ,
Любви и Феба жрица,
Дни кончила въ волнахъ...
И я — клянусь глазами,
Которые стихами
Мы въ запуски поемъ;
Клянуся Хлоей въ томъ,
Что Русскіе Поэты
Давно бъ на берегъ Леты
Толпами перешли,
Когда бъ скалу Левкада
Въ болота Петрограда
Судьбы перенесли!

—

Къ П — ну.

—

О любимецъ бога брани,
Мой товарищъ на войнѣ!
Я платилъ съ тобою дани
Богу славы, не однѣ:
Ты на киверѣ почтенномъ
Лавры съ миртомъ сочеталъ;
Я въ углу уединенномъ
Незабудки собиралъ.
Помнишь ли, питомецъ славы,
Индесальми? страшну ночь? —
Не люблю такой забавы,
Молвилъ я, и съ Музой прочь!
Между тѣмъ, какъ ты штыками
Шведовъ за лѣсъ провожалъ,
Я геройскими руками...
Ужинъ вамъ приготовлялъ.
Щастливъ ты, шалунъ любезный.
И въ Цитерской сторонѣ:
Я же всюду безполезный,
И въ любви и на войнѣ,
Время жизни въ скукѣ трачу,

(За крылатый щастья мигъ!)
Ночь зѣваю . . . утромъ плачу
Объ утратѣ сновъ моихъ.
Тщетны слезы! мнѣ готова
Цѣпь, сотканна изъ суетъ;
Отъ родительскаго крова
Я опять на морѣ бѣдъ.
Мой челнокъ Любовь слѣпая
Правитъ дѣтскою рукой;
Между тѣмъ, какъ Лѣнь, зѣвая,
На кормѣ сидитъ со мной.
Можетъ быть, какъ быстра младость
Убѣжитъ отъ насъ бѣгомъ,
Я возьмусь за умъ . . . да радость
Уживется ли съ умомъ? —
Ахъ! почто же мнѣ заранѣ,
Другъ любезный, унывать? —
Вся судьба моя въ стаканѣ!
Станемъ пить и воспѣвать:
»Щастливъ! щастливъ, кто цвѣтами
»Дни любови украшалъ;
»Пѣлъ съ безпечными друзьями,
»А о щастіи . . . мечталъ!
»Щастливъ онъ, и втрое болѣ,
»Всѣхъ вельможей и царей!
»Такъ давай, въ безвѣстной долѣ,
»Чужды рабства и цѣпей,

»Кое-какъ тянуть жизнь нашу,
»Часто съ горемъ по поламъ;
»Наливать полнѣе чашу
»И смѣяться дуракамъ!« —

—

ПОСЛАНІЕ
И. М. М. А.

—

Ты правъ, любимецъ Музъ! отъ первыхъ впечатлѣній,
От первыхъ, свѣжихъ чувствъ заемлетъ силу Геній
И имъ въ теченьи дней своихъ не измѣнитъ!
Кто-бъ ни былъ: пламенный ораторъ иль піитъ,
Свѣтильникъ мудрости, науки обладатель,
Иль кистью естества нѣмаго подражатель,
Наперсникъ Музъ, позналъ отъ колыбельныхъ дней,
Что долженъ быть жрецомъ Парнасскихъ олтарей.
Младенецъ щастливый, уже любимецъ Феба,
Онъ съ жадностью взиралъ на свѣтъ лазурный неба,
На зелень, на цвѣты, на зыбкую сѣнь древесъ,
На воды быстрыя и полный мрака лѣсъ.
Онъ къ лону матери приникнувъ, улыбался,
Когда веселый Май цвѣтами убирался
И жаворонокъ вился надъ зеленью полей.
Златая ль радуга, пророчица дождей,
Весь сводъ лазоревый подернетъ облистаньемъ?

Ее привѣтствовалъ невнятнымъ лепетаньемъ,
Ее манилъ къ себѣ младенческой рукой.
Что видѣлъ въ юности, предъ хижиной родной,
Что видѣлъ, чувствовалъ, какъ новый міра
житель,
Того въ душѣ своей до позднихъ дней хранитель,
Желаетъ въ пѣсняхъ Музъ потомству передать.
Мы видимъ первыхъ чувствъ волшебную печать
Въ твореньяхъ Генія испытанныхъ вѣками:
Изъ мѣстъ, гдѣ Мантуа красуется лугами
И Минцій въ камышахъ недвижимый стоитъ,
Отъ милыхъ Ларъ своихъ отторженный Піитъ
Въ чертоги Августа судьбой перенесенной,
Жалѣлъ о васъ, ручьи отчизны незабвенной,
О древней хижинѣ, гдѣ юность провождалъ,
И Титира свирѣль потомству передалъ.
Но тамъ ли, гдѣ всегда роскошная природа
И раскаленный Фебъ съ безоблачнаго свода
Обиліемъ поля щастливыя даритъ,
Таланта колыбель и область Піеридъ?
Нѣтъ! нѣтъ! И въ Сѣверѣ любимецъ ихъ не
дремлетъ,
Но гласу громкому самой природы внемлетъ,
Свершая славный путь, предписанный судьбой.
Природы ужасы, стихій враждебныхъ бой,
Ревущіе со скалъ угрюмыхъ водопады,
Пустыни снѣжныя, льдовъ вѣчныя громады,

Иль моря шумнаго необозримый видъ:
Все, все возноситъ умъ, все сердцу говоритъ
Краснорѣчивыми, но тайными словами,
И огнь Поэзіи питаетъ между нами.
Близъ Колы пасмурной, средь дикихъ рыбарей,
Въ трудахъ воспитанный, уже отъ юныхъ дней
Нашъ Пиндаръ чувствовалъ сей пламень потаенный,
Сей огнь зиждительный, даръ Бога драгоцѣнный,
Отъ юности въ душѣ Небеснаго залогъ,
Которымъ Фебовъ жрецъ исполненъ какъ пророкъ.
Онъ сладко трепеталъ, когда сквозь мракъ тумана
Стремился по зыбямъ холоднымъ Океана,
Къ необитаемымъ, безплоднымъ островамъ,
И мрежи разстилалъ по новымъ берегамъ.
Я вижу мысленно, какъ отрокъ вдохновенной
Стоитъ въ безмолвіи надъ бездной разъяренной
Среди мечтанія и первыхъ сладкихъ думъ,
Прислушивая волнъ однообразный шумъ...
Лице горитъ его, грудь тягостно вздыхаетъ,
И сладкая слеза ланиту орошаетъ,
Слеза, извѣстная таланту одному!
Въ красѣ божественной любимцу своему,
Природа! ты не разъ на Сѣверѣ являлась
И въ пламенной душѣ на вѣки начерталась.

Исполненный всегда видѣньемъ первыхъ лѣтъ,
Какъ часто воспѣвалъ восторженный Поэтъ:
»Дрожащій, хладный блескъ полуношной Авроры,
»И льдяныя, въ моряхъ носимы вѣтромъ, горы,
»И Уну спящую средь звонкихъ камышей,
»И день, чудесный день, безъ ночи, безъ зарей!»
Въ Пальмирѣ Сѣвера, въ жилищѣ шумной славы,
Державинъ Камскія воспоминалъ дубравы,
Отчизны сладкій дымъ и древній градъ отцовъ.
На тучны пажити Приволжскихъ береговъ
Какъ часто Дмитріевъ, расторгнувъ свѣтски узы,
Водилъ насъ по слѣдамъ своей щастливой Музы.
Столь чистой, какъ струи царицы свѣтлыхъ
водъ,
На коихъ въ первый разъ зрѣлъ солнечный
восходъ
Пѣвецъ Сибирскаго Пизарра вдохновенный!....
Такъ, свыше нѣжною душею одаренный,
Піитъ, отъ юности до сребряныхъ власовъ,
Лелѣетъ въ памяти страну своихъ отцовъ.
На жизненномъ пути ему даруетъ Геній
Неизсякаемый источникъ наслажденій
Въ замѣну щастія и скудныхъ міра благъ:
Съ нимъ Муза тайная живетъ во всѣхъ мѣ-
стахъ
И въ мірѣ дивный міръ любимцу созидаетъ.
Пускай свирѣпый рокъ по волѣ имъ играетъ;

Пускай незнаемый, безъ злата и честей,
Съ главой поникшею онъ бродитъ межь людей;
Пускай Фортуною отъ дѣтства удостоенъ,
Онъ будетъ судія, министръ, иль въ полѣ воинъ:
Но Музамъ и себѣ нигдѣ не измѣнитъ.
Въ самомъ молчаніи онъ будетъ все Піитъ.
Въ самомъ бездѣйствіи онъ съ дѣятельнымъ духомъ,
Все сильно чувствуетъ, все ловитъ взоромъ, слухомъ,
Всѣмъ наслаждается, и всюду наконецъ
Готовитъ Фебу дань, его грядущій жрецъ.

—

ПОСЛАНІЕ

къ А. И. Т — ву.

—

Есть дача за Невой,
Верстъ двадцать отъ столицы,
У Выборгской границы,
Близъ Парголы крутой;
Есть дача, или мыза,
Пріютъ для добрыхъ душъ,
Гдѣ добрая Элиза
И съ ней почтенный мужъ,
Съ открытою душою
И съ лаской на устахъ,
За трапезой простою,
На бархатныхъ лугахъ,
Безъ дальнаго наряда,
Въ свой маленькой пріютъ
Друзей изъ Петрограда
На праздникъ сельской ждутъ:
Тамъ мужъ, съ супругой нѣжной,
Въ часъ отдыха отъ дѣлъ,

Подъ кровъ свой безмятежный
Музъ къ Граціямъ привелъ.
Поэтъ, лѣнтяй, счастливецъ,
И тонкій Философъ,
Мечтаетъ тамъ Крыловъ,
Подъ тѣнію березы,
О басенныхъ звѣряхъ,
И рветъ Парнасски розы
Въ Пріютинскихъ лѣсахъ,
И Гнѣдичъ тамъ мечтаетъ
О Греческихъ богахъ,
Межъ тѣмъ какъ замѣчаетъ
Кипренскій лица ихъ,
И кистію чудесной,
Съ безпечностью прелестной,
Вандиковъ ученикъ,
Въ одинъ крылатый мигъ
Онъ пишетъ ихъ портреты,
Которые отъ Леты
Спасли бы образцовъ,
Когда бы самъ Крыловъ
И Гнѣдичъ сочиняли
Какъ пишетъ Тяинсловъ
Иль Бардусы писали,
Забывъ и вкусъ и умъ!
Но мы забудемъ шумъ
И суеты столицы,

Изладимъ колесницы,
Ударимъ по конямъ,
И пустимся стрѣлою
Въ Пріютино съ тобою.
Согласны? — По рукамъ.

—

Къ N. N.

—

Среди трудовъ и важныхъ Музъ,
Среди учености всемірной,
Ты не утратилъ нѣжный вкусъ:
Еще ты любишь голосъ лирной,
Еще въ душѣ твоей огонь,
И сердце наслажденій проситъ,
И Аполлоновъ борзый конь
Отъ Музъ тебя въ Киѳеру носитъ.
Отъ древней Спарты до Аѳинъ',
Отъ гордыхъ памятниковъ Рима
До стѣнъ Пальмиры и Солима
Умомъ ты міра гражданинъ.
Ты любишь отдыхать съ Эратой
Разнообразной и живой,
И насъ уносишь за собой
Въ міры фантазіи крылатой.
Тебѣ легко: ты награжденъ,
Благословленъ, взлелѣянъ Фебомъ;
Подъ сумрачнымъ родился небомъ,
Но будто въ Аттикѣ рожденъ.

—

КН. П. И. ШАЛИКОВУ.

(При полученіи отъ него въ подарокъ книги, имъ переведённой.)

—

Чѣмъ заплачу вамъ, милый Князь,
Чѣмъ отдарю почтеннаго Поэта? —
Стихами? Но давно я съ Музой рушилъ связь
И безъ нее кругомъ летаю свѣта,
Съ Востока къ Западу, отъ Сѣвера на Югъ;
Не тамъ, гдѣ вы, гдѣ Грацій кругъ,
Гдѣ Аполлонъ съ Парнасскими сестрами!
Нѣтъ, нѣтъ! въ странѣ иной,
Гдѣ въ вѣкъ не повстрѣчаюсь съ вами:
Въ пыли, въ грязи, на тряской мостовой,
Въ картузѣ съ козырькомъ, съ небритыми усами,
Какъ П — на Герой,
Воспѣтый имъ столь сильными стихами!
Такая жизнь для мыслящаго адъ.
Страданій вамъ моихъ не въ силахъ я исчислить.
Скачи туда, сюда, хоть радъ или не радъ;
Гдѣ жь время чувствовать и мыслить?
Но время, къ щастью, есть любить
Друзей, ихъ славу и успѣхи

ХОРЪ

ДЛЯ ВЫПУСКА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ Смольнаго монастыря.

—

Одинъ голосъ.

Прости, гостепріимный кровъ,
Жилище юности безпечной!
Гдѣ время средь забавъ, веселій и трудовъ,
Какъ сонъ промчалось скоротечной.

Хоръ.

Прости гостепріимный кровъ
Жилище юности безпечной!

Подруги! сердце въ первый разъ
Здѣсь чувства сладкія познало;
Здѣсь дружество на вѣкъ златою цѣпью насъ,
Подруги милыя, связало.
Такъ! сердце наше въ первый разъ
Здѣсь чувства сладкія познало.

И въ дружбѣ находить
Неизъяснимыя для чорствыхъ душъ утѣхи.
Вотъ мой удѣлъ, почтенный мой Поэтъ:
Оставя отчій край, увижу новый свѣтъ,
И небо новое, и незнакомы лицы,
Везувій въ пламени, и Этны вѣчный дымъ,
Кастратовъ, Оперу, фигляровъ, Папскій Римъ,
И прахъ, священный прахъ всемірныя столицы.
Но гдѣбъ я ни былъ (такъ! я молвлю въ добрый часъ!)
Не измѣнюсь, душою тотъ же буду
И умирая не забуду
Москву, отечество, друзей моихъ и васъ!

11 Сентября 1818.

—

СМѢСЬ.

ХОРЪ

ДЛЯ ВЫПУСКА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ Смольнаго монастыря.

—

Одинъ голосъ.

Прости, гостепріимный кровъ,
Жилище юности безпечной!
Гдѣ время средь забавъ, веселій и трудовъ,
Какъ сонъ промчалось скоротечной.

Хоръ.

Прости гостепріимный кровъ
Жилище юности безпечной!

Подруги! сердце въ первый разъ
Здѣсь чувства сладкія познало;
Здѣсь дружество на вѣкъ златою цѣпью насъ,
Подруги милыя, связало.
Такъ! сердце наше въ первый разъ
Здѣсь чувства сладкія познало.

Виновница щастливыхъ дней!
Прими сердецъ благодаренья:
Къ тебѣ летятъ сердца усердныя дѣтей
И тайныя благословенья.
Виновница щастливыхъ дней!
Прими сердецъ благодаренья!

Нашъ Царь, подруги, посѣщалъ
Сіе жилище безмятежно:
Онъ самъ въ глазахъ дѣтей признательность читалъ
Къ Его Родительницѣ нѣжной.
Монархъ великій посѣщалъ
Жилище наше безмятежно!

Простой, усердный гласъ дѣтей
Прими, о Боже, Покровитель!
Источникъ новый благъ и радости пролей
На мирную сію обитель.
И ты, о Боже, гласъ дѣтей
Прими, Всесильный Покровитель!

Мы чтили здѣсь отъ юныхъ лѣтъ
Законъ твой, благости зерцало;
Подъ сѣнью олтарей, тобой хранимый цвѣтъ,
Здѣсь юность наша разцвѣтала.

Мы чтили здѣсь отъ юныхъ лѣтъ
Законъ твой, благости зерцало.

Финалъ.

Прости же ты, священный кровъ,
Обитель юности безпечной,
Гдѣ время средь забавъ, веселій и трудовъ
Какъ сонъ промчалось скоротечной!
Гдѣ сердце въ жизни въ первый разъ
Отъ чувствъ веселья трепетало,
И дружество на вѣкъ, златою цѣпью насъ,
Подруги милыя, связало!

—

ПѢСНЬ ГАРАЛЬДА СМѢЛАГО.

—

Мы, други, летали по бурнымъ морямъ,
Отъ родины милой летали далеко!
На сушѣ, на морѣ, мы бились жестоко;
И море и суша покорствуютъ намъ!
О други! какъ сердце у смѣлыхъ кипѣло,
Когда мы, содвинувъ стѣной корабли,
Какъ птицы неслися станицей веселой
Вкругъ пажитей тучныхъ Сиканской земли!...
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

О други! я младость не праздно провелъ!
Съ сынами Дронтгейма вы помните сѣчу?
Какъ вихорь, предъ вами я мчался на встрѣчу
Подъ камни и тучи свистящія стрѣлъ.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Какъ блѣдные класы подъ ливнемъ, упали
И всадникъ и пѣшій; владыка, и ты!...
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

Насъ было лишь трое на легкомъ челнѣ;
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь черная въ полдень нависла съ громами,

И Гела зіяла въ соленой волнѣ.
Но волны напрасно, яряся, хлестали:
Я черпалъ ихъ шлемомъ; работалъ весломъ:
Съ Гаральдомъ, о други, вы страха не знали,
И въ мирную пристань влетѣли съ челномъ!
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

Вы, други, видали меня на конѣ?
Вы зрѣли, какъ рушилъ сѣкирой твердыни,
Летая на бурномъ питомцѣ пустыни
Сквозь пепелъ и вьюгу въ пожарномъ огнѣ?
Желѣзомъ я ноги мои окрыляя,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я хладную влагу рукой разсѣкая,
Какъ лебедь отважный по морю иду..,
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

Я въ мирныхъ родился Полночи снѣгахъ;
Но рано отбросилъ доспѣхи ловитвы —
Лукъ грозный и лыжи, и въ шумныя битвы
Васъ, други, съ собою умчалъ на судахъ.
Не тщетно за славой летали далеко
Отъ милой отчизны по дикимъ морямъ;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорствуютъ намъ!
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

—

ВАКХАНКА.

—

Всѣ на праздникъ Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Вѣтры съ шумомъ разнесли
Громкій вой ихъ, плескъ и стоны.
Въ чащѣ дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней — она бѣжала
Легче серны молодой. —
Эвры волосы взвѣвали
Перевитые плющомъ;
Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ.
Стройный станъ, кругомъ обвитый
Хмѣля желтаго вѣнцомъ,
И пылающи ланиты
Розы яркимъ багрецомъ,
И уста, въ которыхъ таетъ
Пурпуровый виноградъ —
Все въ неистовой прельщаетъ,
Въ сердце льетъ огонь и ядъ!
Я за ней ... она бѣжала

Легче серны молодой; —
Я настигъ; она упала!
И тимпанъ подъ головой!
Жрицы Вакховы промчались
Съ громкимъ воплемъ мимо насъ;
И по рощѣ раздавались
Эвоэ! и нѣги гласъ! —

—

СОНЪ ВОИНОВЪ.

Изъ Поэмы Асиель и Аслега.

—

Битва кончилась; ратники пируютъ вокругъ зажженныхъ дубовъ:...

. . . Но вскорѣ пламень потухаетъ
И гаснетъ пепелъ черныхъ пней,
И томный сонъ отягощаетъ
Лежащихъ воевъ средь полей.
Сомкнулись очи; но призраки
Тревожатъ краткій ихъ покой:
Иной лѣсовъ проходитъ мраки,
Звѣрей голодныхъ слышитъ вой;
Иной на лодкѣ легкой рѣетъ
Среди кипящихъ въ морѣ волнъ;
Весломъ десница не владѣетъ
И гибнетъ въ безднѣ бренный челнъ;
Иной мѣста узрѣлъ знакомы,
Мѣста отчизны, милый край:
Ужь слышитъ псовъ домашнихъ лай,
И зритъ отцовъ поля и домы,
И нѣжныхъ чадъ своихъ... Мечты!
Проснулся въ безднѣ темноты!

Иной чудовище сражаетъ —
Безплодно мечь его сверкаетъ,
Махнулъ еще, его рука
Подъята вверхъ .... окостенѣла;
Бѣжать хотѣлъ, его нога
Дрожитъ, недвижима, замлѣла;
Встаетъ, и палъ! Иной плыветъ
Поверхъ прозрачныхъ, тихихъ водъ,
И пѣнитъ волны подъ рукою;
Волна, усиленна волною,
Клубится, пѣнится горой
И вдругъ обрушилась, клокочетъ;
Нещастный борется съ рѣкой,
Воззвать къ дружинѣ вѣрной хочетъ; —
И голосъ замеръ на устахъ!
Другой бѣжитъ на полѣ ратномъ,
Бѣжитъ, глотая пыль и прахъ;
Трикратъ сверкнулъ мечемъ булатнымъ,
И въ воздухѣ недвижимъ мечь!
Звеня, упали латы съ плечь...
Копье рамена прободаетъ,
И хлещетъ кровь изъ нихъ рѣкой;
Нещастный раны зажимаетъ
Холодной, трепетной рукой!
Проснулся онъ... и тщетно ищетъ
И ранъ и вражьяго копья. —
Но вѣтръ шумитъ и въ рощѣ свищетъ;

И волны мутнаго ручья.
Подошвы скалъ угрюмыхъ роютъ,
Клубятся, пѣнятся и воютъ
Средь дебрей снѣжныхъ и холмовъ....

ЛОЖНЫЙ СТРАХЪ.

Подражаніе Парни.

—

Помнишъ ли, мой другъ безцѣнный!
Какъ съ Амурами тишкомъ,
Мракомъ ночи окруженный,
Я къ тебѣ прокрался въ домъ?
Помнишь ли, о другъ мой нѣжной!
Какъ дрожащая рука
Отъ побѣды неизбѣжной
Защищалась — но слегка?
Слышенъ шумъ! ты испугалась!
Свѣтъ блеснулъ, и въ мигъ погасъ;
Ты къ груди моей прижалась,
Чуть дыша .... блаженный часъ!
Ты пугалась; я смѣялся.
»Намъ ли вѣдать, Хлоя, страхъ!
»Гименей за все ручался,
»И Амуры на часахъ.
»Все въ безмолвіи глубокомъ,
»Все почило сладкимъ сномъ!
»Дремлетъ Аргусъ томнымъ окомъ
»Подъ Морфеевымъ крыломъ!«

Рано утреннія розы
Запылали въ небесахъ....
Но любви безцѣнны слезы,
Но улыбка на устахъ,
Томно персей волнованье
Подъ прозрачнымъ полотномъ,
Молча, новое свиданье
Обѣщали вечеркомъ.
Еслибъ Зевсова десница
Мнѣ вручила ночь и день,
Поздно бъ юная денница
Прогоняла черну тѣнь!
Поздно бъ солнце выходило
На восточное крыльцо;
Чуть блеснуло бъ, и сокрыло
За лѣсъ рдяное лицо;
Долго бъ тѣни пролежали
Влажной ночи на поляхъ;
Долго бъ смертные вкушали
Сладострастіе въ мечтахъ.
Дружбѣ дамъ я часъ единый,
Вакху часъ и сну другой;
Остальною жь половиной
Подѣлюсь, мой другъ, съ тобой!

СОНЪ МОГОЛЬЦА.

Басня.

—

Могольцу снилися жилища Елисейски:
Визирь блаженный въ нихъ
За добрыя дѣла житейски,
Въ числѣ угодниковъ святыхъ,
Покойно спалъ на лонѣ Гурій.
Но сонный видитъ адъ,
Гдѣ пламенемъ объятъ,
Терзаемый бичами Фурій,
Пустынникъ испускалъ ужасный вопль и стонъ.
Моголецъ въ ужасѣ проснулся,
Не вѣдая, что значитъ сонъ.
Онъ думалъ, что пророкъ въ сихъ мертвыхъ обманулся,
Иль тайну для него скрывалъ;
Тотчасъ гадателя призвалъ,
И тотъ ему въ отвѣтъ: »Я не дивлюсь ни мало,
Что въ снахъ есть разумъ, цѣль и складъ.
Намъ небо и въ мечтахъ премудрость завѣщало...
Сей праведникъ, Визирь, оставя дворъ и градъ
Жилъ честно и всегда любилъ уединенье;
Пустынникъ на поклонъ таскался къ Визирямъ.«

Съ гадателемъ сказать, что значитъ сновидѣнье,
Внушилъ бы я любовь къ деревнѣ и полямъ.
Обитель мирная! въ тебѣ успокоенье
И всѣ дары небесъ даются щедро намъ.

Уединеніе, источникъ благъ и щастья!
Мѣста любимыя! уже ли никогда
Не скроюсь въ вашу сѣнь отъ бури и ненастья?
Блаженству моему настанетъ ли чреда?
Ахъ! кто остановитъ меня подъ мрачной тѣнью?
Когда перенесусь въ священные лѣса?
О Музы! сельскихъ дней утѣха и краса!
Научите ль меня небесныхъ тѣлъ теченью?
Свѣтилъ блистающихъ несчетны имена
Узнаю ли отъ васъ? Иль если мнѣ дана
Способность малая и скудно дарованье,
Пускай плѣнитъ меня источниковъ журчанье,
И я любовь и миръ пустынный воспою!
Пусть Парка не прядетъ изъ злата жизнь мою,
И я не буду спать подъ бархатнымъ наметомъ;
Уже ли черезъ то я потеряю сонъ?
И меньше ль по трудахъ мнѣ будетъ сладокъ онъ?
Зимой, близъ огонька, въ тѣни древесной лѣтомъ,
Безъ страха двери самъ для Парки отопру;
Безпечно вѣкъ проживъ, спокойно и умру.

—

ПАСТУХЪ и СОЛОВЕЙ.

Басня.

(Посвящена Озерову.)

—

Любимецъ строгой Мельпомены,
Прости усердный стихъ безвѣстному пѣвцу;
Не лавры къ твоему вѣнцу
Рукою дерзкою сплетенны
Я въ даръ тебѣ принесъ; къ чему мой ѳиміамъ
Творцу Димитрія, кому безсмертны Музы,
Сложивъ признательности узы,
Открыли славы храмъ?
А храмъ сей затворенъ для всѣхъ Зоиловъ строгихъ.
Богатыхъ завистью, талантами убогихъ.
Ахъ, если и теперь они своей рукой
Посмѣютъ къ твоему творенью прикасаться,
А ты, нашъ Эврипидъ, чтобъ позабыть ихъ рой,
Захочешь съ музами разстаться,
И болѣ не писать, —
Тогда прошу тебя разсказъ мой прочитать:
Пастухъ, задумавшись, въ ночи безмолвной Мая,
Съ высокаго холма вокругъ себя смотрѣлъ,
Какъ мѣсяцъ въ тишинѣ великолѣпно шелъ

Лучемъ серебрянымъ долины освѣщая;
Какъ въ рощахъ липовыхъ чуть легкимъ вѣтеркомъ
Листы колеблемы шептали
И свѣтлые ручьи, почивъ съ природой сномъ,
Едва межь береговъ струей своей мелькали;
Изъ рощи соловей
Долины оглашалъ гармоніей своей,
И эхо пѣснь его холмамъ передавало.
Все душу Пастуха задумчиво плѣняло,
Какъ вдругъ пѣвецъ любви на вѣтвяхъ замолчалъ.
Напрасно нашъ пастухъ просилъ о пѣсняхъ новыхъ.
Печальный соловей, вздохнувъ, ему сказалъ:
»Не долго въ рощахъ сихъ дубовыхъ
Я радость воспѣвалъ.
Пройдетъ и пѣть охота,
Когда съ сосѣдняго болота
Лягушки кваканьемъ какъ бы на зло глушатъ;
Пусть эта тварь поетъ, а соловьи молчатъ.«
Пой, нѣжный соловей, Пастухъ сказалъ Орфею:
» Для нихъ ушей я не имѣю;
Ты имъ молчаньемъ пѣть охоту придаешь;
Кто будетъ слушать ихъ, когда ты запоешь?

—

ЛЮБОВЬ ВЪ ЧЕЛНОКѢ.

—

Мѣсяцъ плавалъ надъ рѣкою,
Все спокойно! вѣтерокъ
Вдругъ повѣялъ, и волною
Принесло ко мнѣ челнокъ.

Мальчикъ въ немъ сидѣлъ прекрасный;
Тяжкимъ правилъ онъ весломъ.
»Ахъ, малютка мой нещастный!
Ты потонешь съ челнокомъ.«

— Добрый путникъ, дай помогу;
Я не справлю сидя въ немъ.
На, весло! и понемногу
Мы къ ночлегу доплывемъ. —

Жалко мнѣ малютки стало;
Сѣлъ въ челнокъ, и за весло!
Парусъ вѣтромъ надувало,
Насъ стрѣлою понесло.

И вдоль берега помчались,
По теченью быстрыхъ водъ;

Лучемъ серебрянымъ долины освѣщая;
Какъ въ рощахъ липовыхъ чуть легкимъ вѣтеркомъ
Листы колеблемы шептали
И свѣтлые ручьи, почивъ съ природой сномъ,
Едва межь береговъ струей своей мелькали;
Изъ рощи соловей
Долины оглашалъ гармоніей своей,
И эхо пѣснь его холмамъ передавало.
Все душу Пастуха задумчиво плѣняло,
Какъ вдругъ пѣвецъ любви на вѣтвяхъ замолчалъ.
Напрасно нашъ пастухъ просилъ о пѣсняхъ новыхъ.
Печальный соловей, вздохнувъ, ему сказалъ:
»Не долго въ рощахъ сихъ дубовыхъ
Я радость воспѣвалъ.
Пройдетъ и пѣть охота,
Когда съ сосѣдняго болота
Лягушки кваканьемъ какъ бы на зло глушатъ;
Пусть эта тварь поетъ, а соловьи молчатъ.«
Пой, нѣжный соловей, Пастухъ сказалъ Орфею:
Для нихъ ушей я не имѣю;
Ты имъ молчаньемъ пѣть охоту придаешь;
Кто будетъ слушать ихъ, когда ты запоешь?

—

ЛЮБОВЬ ВЪ ЧЕЛНОКѢ.

—

Мѣсяцъ плавалъ надъ рѣкою,
Все спокойно! вѣтерокъ
Вдругъ повѣялъ, и волною
Принесло ко мнѣ челнокъ.

Мальчикъ въ немъ сидѣлъ прекрасный;
Тяжкимъ правилъ онъ весломъ.
»Ахъ, малютка мой нещастный!
Ты потонешь съ челнокомъ.«

— Добрый путникъ, дай помогу;
Я не справлю сидя въ немъ.
На, весло! и понемногу
Мы къ ночлегу доплывемъ. —

Жалко мнѣ малютки стало;
Сѣлъ въ челнокъ, и за весло!
Парусъ вѣтромъ надувало,
Насъ стрѣлою понесло.

И вдоль берега помчались,
По теченью быстрыхъ водъ;

А на берегъ собирались
Стаей Нимфы въ хороводъ.

Рѣзвыя смѣялись, пѣли,
И цвѣты кидали въ насъ;
Мы неслись, стрѣлой летѣли...
О бѣда! о страшный часъ!...

Я заслушался, забылся,
Вѣтеръ съ моря заревѣлъ;
Мой челнокъ о мель разбился,
А малютка...улетѣлъ!

Кое-какъ на голой камень
Вышелъ, съ горемъ пополамъ;
Я обмокъ — а въ сердцѣ пламень:
Изъ бѣды опять къ бѣдамъ!

Всюду Нимфъ ищу прекрасныхъ,
Всюду въ горести брожу,
Лишь въ мечтаньяхъ сладострастныхъ
Тѣни милыхъ нахожу.

Добрый путникъ! въ часъ погоды
Не садися ты въ челнокъ!
Знать сіи опасны воды;
Знать малютка....страшный богъ!

—

СЧАСТЛИВЕЦЪ.

Подражание Касти.

—

Слышишь? мчится колесница
Тамъ по звонкой мостовой!
Правитъ сильная десница
Коней сребряной браздой!

Ихъ копыта бьютъ о камень;
Искры сыплются струей;
Пышетъ дымъ, и черный пламень
Излетаетъ изъ ноздрей!

Рѣзьбой дивною и златомъ
Колесница вся горитъ:
На коврѣ ея богатомъ
Кто жь, Лизета, кто сидитъ?

Временщикъ, вельможъ любимецъ,
Что на откупъ городъ взялъ...
Ахъ! давно ли онъ у крылецъ
Пыль смиренно обметалъ?

Вотъ онъ съ нами поравнялся,
И едва кивнулъ главой;

Вотъ ужь молніей промчался,
Пыль оставя за собой!

Добрый путь! пока лелѣетъ
Въ колыбели щастье васъ!
Поздно ль? рано ль? но приспѣетъ
И невзгоды страшный часъ.

Ахъ, Лизета! льзя ль прельщаться
И теперь его судьбой?
Не ему щастливымъ зваться
Съ развращенною душой!

Тамъ, гдѣ хитростью искусства
Розы въ зиму расцвѣли;
Тамъ, гдѣ все плѣняетъ чувства,
Дань морей, и дань земли:

Мраморъ дивный изъ Пароса.
И кораллы на стѣнахъ;
Тамъ, гдѣ въ роскоши Паѳоса,
На узорчатыхъ коврахъ,

Щастья шаткаго любимецъ
Съ Нимфами забвенье пьетъ:
Тамъ же слезы сей щастливецъ
Отъ людей украдкой льетъ.

Блѣденъ ночью Крезъ нещастный,
Шепчетъ тихо, чтобъ жена
Не вняла сей гласъ ужасный:
Мнѣ погибель суждена!

Сердце наше кладезь мрачной:
Тихъ, покоенъ сверху видъ;
Но спустись ко дну... ужасно!
Крокодилъ на немъ лежитъ!

Душъ великихъ сладострастье,
Совѣсть! зоркій стражъ сердецъ!
Безъ тебя ничтожно щастье;
Гибель — злато и вѣнецъ!

—

РАДОСТЬ.

Подражание Касти.

—

Любимца Кипридина
И миртомъ и розою
Вѣнчайте, о юноши
И дѣвы стыдливыя!
Толпами сбирайтеся,
Руками сплетайтеся,
И радостно топая,
Скачите и прыгайте!
Мнѣ лиру Тіискую
Камены и Граціи
Вручили съ улыбкою:
И пѣсни веселію,
Пріятнѣе нектара
И слаще амврозіи,
Что пьютъ небожители,
Въ блаженствѣ безпечные,
Польются со струнъ ея!
Сего дня — день радости —
Филлида суровая,
Сквозь слезы стыдливости,

Люблю! мнѣ промолвила.
Какъ роза, кропимая
Въ часъ утра авророю,
Съ главой отягченною
Безцѣнными каплями,
Румянѣй становится:
Такъ ты, о прекрасная!
Съ главою поникшею,
Сквозь слезы стыдливости,
Краснѣя промолвила:
Люблю! тихимъ шопотомъ.
Все мнѣ улыбнулося;
Тоска и мученія,
И страхи и горести
Исчезли — какъ не было!
Киприда, влекомая
По воздуху синему
Межь бисерныхъ облаковъ
Цитерскими птицами,
Къ Цитерѣ иль Пафосу,
Цвѣтами осыпала
Меня и красавицу.
Все мнѣ улыбнулося!
И солнце весеннее
И рощи кудрявыя,
И воды прозрачныя,
И холмы Парнасскіе! —

Любимица Киприданна
Въ любви побѣдителя,
И миртомъ и розою
Вѣнчайте, о юноши
И дѣвы стыдливыя!

—

Къ Н.

—

Какъ я люблю, товарищъ мой,
Весны роскошной появленье,
И въ первый разъ надъ муравой
Веселыхъ жаворонковъ пѣнье:
Но слаще мнѣ среди полей
Увидѣть первые биваки
И ждать безпечно у огней
Съ разсвѣтомъ дня, кровавой драки.
Какое щастье, рыцарь мой,
Узрѣть съ нагорныя вершины
Необозримый нашихъ строй
На яркой зелени долины!
Какъ сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гулъ далекой,
И погрузиться до утра
Подъ теплой буркой въ сонъ глубокой!
Когда по утреннимъ росамъ
Коней раздастся первый топотъ
И ружій протяженный грохотъ
Пробудитъ эхо по горамъ:
Какъ весело передъ строями

Летать на ухорскомъ конѣ,
И съ первыми въ дыму, въ огнѣ,
Ударить съ крикомъ за врагами!
Какъ весело внимать: Стрѣлки,
Впередъ! сюда Донцы! Гусары!
Сюда летучіе полки,
Башкирцы, Горцы и Татары!
Свисти теперь, жужжи свинецъ!
Летайте ядры и картечи!
Что вы для нихъ? для сихъ сердецъ,
Природой вскормленныхъ для сѣчи?
И вотъ... о зрѣлище прекрасно!
Колонны сдвинулись какъ лѣсъ.
Идутъ, безмолвіе ужасно!
Идутъ, ружье на перевѣсъ;
Идутъ, ура! и все сломили,
Разсѣяли и разгромили:
Ура! ура! и гдѣ же врагъ?..
Бѣжитъ: а мы, въ его домахъ,
О радость храбрыхъ! киверами
Вино некупленое пьемъ
И подъ побѣдными громами
Мы хвалимъ Господа, поемъ!...

Но ты трепещешь, юный воинъ,
Склонясь на сабли рукоять:
Твой духъ встревоженъ, безпокоенъ;

Онъ рвется лавры пожинать:
Съ Суворовымъ онъ вѣчно бродитъ
Въ поляхъ кровавыя войны,
И въ вяломъ мирѣ не находитъ
Отрадной сердцу тишины.
Спокойся: съ первыми громами
Къ знаменамъ славы полетишь;
Но тамъ, о горе, не узришь
Меня, какъ прежде, подъ шатрами!
Забытый шумною молвой,
Сердецъ мучительницей милой,
Я сплю, какъ труженикъ унылой,
Не оживляемый хвалой.

—

ЭПИГРАММЫ, НАДПИСИ, *и пр.*

I.

Всегдашній гость, мучитель мой,
О Балдусъ! долголь мнѣ зѣвать, дремать съ тобой?
Будь крошечку умнѣй, или—дай жить въ покоѣ!
Когда жестокій рокъ сведетъ тебя со мной—
Я не одинъ и насъ не двое.

II.

Какъ трудно Бибрису со славою ужиться!
Онъ пьетъ, чтобы писать, и пишетъ, чтобъ напиться!

III.

Памфилъ забавенъ за столомъ,
Хоть часто и на зло разсудку:
Веселостью обязанъ онъ желудку,
А памяти — умомъ.

IV

Безриѳмина совѣтъ:
Безъ жалости все сжечь мое стихотворенье!
Быть такъ! Его жь, друзья, невинное творенье
Своею смертію умретъ!

V.

Теперь, съ сего же дня,
Прощай мой экипажъ и рыжихъ четверня.
Лизета! ужины! — я съ вами распрощался,
Для мудрости святой. —
«Что сдѣлалось съ тобой?«
Бездѣлка … проигрался.

VI.

Извѣстный откупщикъ Ѳаддей
Построилъ Богу храмъ … и совѣсть успокоилъ.
И впрямь! на все цѣны удвоилъ;
Далъ Богу мѣдный грошъ, а сотни взялъ рублей
Съ людей.

—

VII.

СОВѢТЪ ЭПИЧЕСКОМУ СТИХОТВОРЦУ.

—

Какое хочешь имя дай
Твоей Поэмѣ полудикой:
Петръ длинной, Петръ большой, но только
Петръ Великой —
Ее не называй.

—

VIII.

МАДРИГАЛЪ НОВОЙ САФѢ.

—

Ты Сафо, я Фаонъ: объ этомъ и не спорю;
Но, къ моему ты горю,
Пути не знаешь къ морю.

—

IX.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ Н. Н.

—

И тѣломъ, и душой ты на Амура схожа:
Коварна и умна, и столько же пригожа.

—

X.

КЪ ЦВѢТАМЪ НАШЕГО ГОРАЦІЯ.

—

Ни вьюги, ни морозы
Цвѣтовъ твоихъ не истребятъ.
Богъ лиры, богъ любви и Музы мнѣ твердятъ:
Въ саду Горація не увядаютъ розы.

—

XI.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

—

Подъ знаменемъ Москвы, предъ падшею Сто-
лицей,
Онъ Храбрымъ Гимны пѣлъ, какъ пламенный
Тиртей;
Въ дни мира, новый Грей,
Плѣняетъ насъ задумчивой пѣвницей.

—

XII.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ ГРАФА ЭМАНУИЛА СЕН-ПРИ.

—

Отъ родины его отторгнула судьбина;
Но Лиліямъ отцовъ онъ всюду вѣренъ былъ:
И въ нашемъ станѣ воскресилъ
Баярда древній духъ и доблесть Дюгесклина.

—

XIII.

НАДПИСЬ НА ГРОБѢ ПАСТУШКИ.

—

Подруги милыя! въ безпечности игривой
Подъ плясовой напѣвъ вы рѣзвитесь въ лугахъ:
И я, какъ вы, жила въ Аркадіи щастливой;
И я на утрѣ дней, въ сихъ рощахъ и лугахъ
Минутны радости вкусила:
Любовь въ мечтахъ златыхъ мнѣ щастіе сулила;
Но что жь досталось мнѣ въ прекрасныхъ сихъ
мѣстахъ?
Могила!

—

XIV.

НАДГРОБІЕ РУССКОМУ МЛАДЕНЦУ,

УМЕРШЕМУ ВЪ НЕАПОЛѢ.

—

О Русской, милый гость изъ отческой земли!
Молю тебя, замѣть сей памятникъ безвѣстный;
Здѣсь матерь и отецъ надежду погребли;
Здѣсь я покоюся, младенецъ ихъ прелестный,

— — Имъ молви отъ меня: не сѣтуйте, друзья;
Моя завидна скоротечность:
Не знала жизни я,
А знаю вѣчность.

—

XV.
ЭПИТАФІЯ.

—

Не нужны надписи для камня моего;
Пишите просто здѣсь: *онъ былъ и нѣтъ его*!

—

XVI.
СРАВНЕНІЕ ДВУХЪ ПОЛКОВОДЦЕВЪ.

—

Какое сходство Клитъ съ Суворовымъ имѣлъ? —
Сей былъ бичемъ враговъ, а Клитъ всего робѣлъ.
Великій вождь вставалъ съ зарей для ратныхъ
дѣлъ;
А Клитъ, лѣнивецъ нашъ, спалъ часто по недѣлѣ.
Все такъ! — да умеръ онъ какъ вождь сей...
на постелѣ!

—

XVII.

СТИХИ НА СМЕРТЬ ДАНИЛОВОЙ,

Танцовщицы Ст. Петербургскаго Императорскаго Театра *).

—

Вторую Душеньку, или еще прекраснѣй,
Еще, еще опаснѣй,
Межь Терпсихориныхъ любимицъ усмотрѣвъ,
Венера не могла сокрыть жестокой гнѣвъ;
Съ мольбою къ Паркамъ приступила,
И насъ — *Даниловой* лишила.

XVIII.

МАДРИГАЛЪ МЕЛИНѢ,

которая называла себя Нимфою.

—

Ты Нимфа, Іо; нѣтъ сомнѣнья!
Но только... послѣ превращенья!

—

*) Она представляла *Психею* въ славномъ балетѣ: *Амуръ* и *Психея*.

XIX.

На книгу подъ названіемъ:
СМѢСЬ.

По чести, это *смѣсь*:
Тутъ проза, и стихи, и авторская спѣсь.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ и ДОМОСѢДЪ.

—

Объѣхавъ свѣтъ кругомъ
Спокойный домосѣдъ, передъ моимъ каминомъ
Сижу и думаю о томъ,
Какъ трудно быть своихъ привычекъ властелиномъ;
Какъ трудно вѣкъ дожить на родинѣ своей
Тому, кто въ юности изъ края въ край носился,
Все видѣлъ, все узналъ; и чтожъ? изъ-за морей
Ни лучше, ни умнѣй,
Подъ кровъ домашній воротился:
Поклонникъ суетнымъ мечтамъ
Онъ осужденъ искать... чего, не знаетъ самъ!
О странникѣ такомъ скажу я повѣсть вамъ.

Два брата, Филалетъ и Клитъ, смиренно жили
Въ предмѣстіи Аѳинъ, подъ кровлею одной;
Въ довольствѣ? Не скажу; но съ бодрою душой
Встрѣчали день, и ночь спокойно проводили,
За тѣмъ, что по трудахъ всегда пріятенъ сонъ.
Вдругъ умеръ дядя ихъ, Аѳинской Гарпагонъ,
И братья-бѣдняки, о радость! получили

Не помню, сколько минъ монеты золотой,
Да кучу серебра: сосуды и амфоры
Отдѣлки мастерской. —
Наслѣдственнымъ добромъ свои насытя взоры,
Такіе завели другъ съ другомъ разговоры:
Какъ думаешь своей казной расположить?
Клитъ спрашивалъ у брата;
А я, такъ домъ хочу купить;
И въ немъ тихохонько съ женою вѣкъ прожить
Подъ тѣнью отчаго Пената.
Землицы уголокъ не будетъ лишній намъ:
Отъ дѣтства я любилъ ходить за виноградомъ,
Водиться знаю съ стадомъ,
И дѣтямъ я мой плугъ въ наслѣдство передамъ;
А ты какъ думаешь? — О! я съ тобой несходенъ;
Я пресмыкаться не способенъ
Въ толпѣ гражданъ простыхъ,
И съ помощью наслѣдства,
Для дальнихъ замысловъ моихъ,
Благодаря богамъ, теперь имѣю средства! —
Чего же хочешь ты? — Я?... славенъ быть хочу.
Но чѣмъ? — Какъ чѣмъ? — умомъ, дѣлами,
И краснорѣчьемъ и стихами
И мало ль чѣмъ еще? Я въ Мемфисъ полечу
Дѣлиться мудростью съ жрецами:
За чѣмъ сей созданъ міръ? кто правитъ имъ и
какъ?

Гдѣ кончится земля? гдѣ гордый Нилъ родится?
За чѣмъ подъ пеленой сокрытъ Изиды зракъ,
За чѣмъ горящій Фебъ все къ западу стремится?
Какое щастье, милый братъ!
Я буду въ мудрости соперникъ Пиѳагора!
Въ Аѳинахъ обо мнѣ тогда заговорятъ;
Въ Аѳинахъ? — что сказалъ! — отъ Нила
до Босфора
Прославится твой братъ, твой вѣрный Филалетъ!
Какое щастье! десять лѣтъ
Я стану ѣсть траву и нѣмъ какъ рыба буду;
Но краснорѣчья даръ конечно не забуду.
Ты знаешь, я всегда краснорѣчивъ бывалъ
И площадь нашу посѣщалъ
Не даромъ.
Не стану я моимъ превозноситься даромъ,
Какъ нашъ Алкивіадъ, ораторъ слабыхъ женъ,
Или надутый Демосѳенъ
Кичася въ пурпурѣ предъ царскими послами:
Нѣтъ! нѣтъ! я каждаго полезными рѣчами
На площади градской намѣренъ просвѣщать.
Ты самъ, оставя плугъ, придешь меня внимать.
Съ народомъ шумные восторги раздѣляя
И слезы радости подъ мантіей скрывая,
Краснорѣчивѣйшимъ изъ Грековъ называть.
Ты обоймешь меня дрожащею рукою,
Когда... повѣришь ли? Гликерія сама

На площади, съ толпою,
Меня провозгласитъ оракуломъ ума,
Ума, и можетъ быть любезности......, конечно:
Любезностью сердечной
Я буду нравиться и въ сорокъ лѣтъ еще.
Тогда Аѳиняне забудутъ Демосѳена
И Кратеса въ плащѣ
И бочку шута Діогена,
Которую, смотри.... онъ катитъ мимо насъ!—
Прощай же, братецъ, въ добрый часъ!
Щастливаго пути къ премудрости желаю,
Клитъ молвилъ краснобаю;
Я вижу, намъ тебя ничѣмъ не удержать!
Вздохнулъ, пожалъ плечьми, и къ городу опять
Пошелъ—домашній бытъ и домикъ снаряжать.—
А Филалетъ? Къ Пирею,
Чтобъ судно Тирское застать
И въ Мемфисъ полетѣть съ румяною зарею.
Признаться, онъ вздохнулъ начавши Одиссею...
Но кто не пожалѣлъ объ отческой землѣ,
На долго разставаясь съ нею?
Семь дней на кораблѣ,
Зѣвая,
Проказникъ нашъ сидѣлъ
И на море глядѣлъ,
Отъ скуки самъ съ собой въ полголосъ разсуждая:

Да гдѣ Тритоны всѣ? гдѣ стаи Нереидъ?
Гдѣ скрылися онѣ съ толпой Океанидъ?
  Я ни одной не вижу въ морѣ?
И не увидѣлъ ихъ. Но вѣтеръ свѣжій вскорѣ
  Въ Египетъ странника принесъ;
Уже онъ въ Мемфисѣ, въ обители чудесъ;
Уже въ святилище премудрости вступаетъ,
Какъ мумія сидитъ среди бородъ сѣдыхъ,
  И десять дней зѣваетъ
  За поученьемъ ихъ
  О жертвахъ каменной Изидѣ,
Объ Аписѣ-быкѣ, иль грозномъ Озиридѣ,
О псахъ Анубиса, о чеснокѣ святомъ,
  Усердно славимомъ на Нилѣ,
  О кровожадномъ крокодилѣ
      И... о котѣ большомъ!..
Какія глупости! какое заблужденье!
Клянуся Поллуксомъ! нѣтъ слушать болѣ силъ!
Грекъ молвилъ, потерявъ и важность и терпѣнье,
  Съ скамьи какъ бѣшеный вскочилъ,
И псу священному, о ужасъ! наступилъ
      На божескую лапу....
  Скорѣе въ руки посохъ, шляпу,
  Скорѣй изъ Мемфиса бѣжать
  Отъ гнѣва старцевъ разъяренныхъ,
Отъ крокодиловъ, псовъ и луковицъ священ-
ныхъ,

И между Грековъ просвѣщенныхъ
Любезной мудрости искать.
На первомъ кораблѣ онъ полетѣлъ въ Кротону.
Въ Кротонѣ бьетъ челомъ смиренно Агатону,
Мудрѣйшему изъ мудрецовъ,
Жестокому врагу и мяса и бобовъ —
(Ихъ въ гнѣвѣ Пиѳагоръ, его учитель славный,
Проклятьемъ страшнымъ поразилъ,
За тѣмъ, что у него желудокъ неисправный
Бобовъ и мяса не варилъ —).
Ты мудрости ко мнѣ, мой сынъ, пришелъ
учиться?
У Грека старецъ вопросилъ
Съ усмѣшкой хитрою; и такъ, прошу садиться
И слушать пѣнье Сферъ: ты слышишь? Ничего!
А видишь ли въ девятомъ мірѣ
Духовъ летающихъ въ Эѳирѣ? —
И менѣе того! —
Увидишь, попостись ты года три, четыре,
Да лѣтъ съ десятокъ помолчи;
Тогда, мой сынъ, тогда обнимешь бреннымъ
взоромъ
Всѣ тайной мудрости лучи;
Обнимешь, я тебѣ клянуся Пиѳагоромъ.... —
Согласенъ, такъ и быть! —
Но Греку шутка ли и день не говорить?

А десять лѣтъ молчать, молчать, да все поститься,
За чѣмъ? чтобъ мудрецомъ,
Съ морщиннымъ отъ поста и мудрости челомъ,
Въ Аѳины возвратиться?
О нѣтъ!
Чрезъ сутки возопилъ голодный Филаретъ:
Юпитеръ далъ мнѣ умъ съ разсудкомъ
Не для того, чтобъ я ходилъ съ пустымъ желудкомъ:
Я мудрости такой покорнѣйшій слуга;
Прощайте жь навсегда Кротонски берега!
Сказалъ, и къ Этнѣ путь направилъ;
За дѣломъ! чтобъ на ней узнать, за чѣмъ и какъ
Изношенный башмакъ
Философъ Эмпедоклъ предъ смертью тамъ оставилъ?
Узналъ, и съ вѣстью сей
Онъ въ Грецію скорѣй
Съ усталой отъ заботъ и праздности душою;
Повсюду гость среди людей,
Вездѣ за трапезой чужою,
Нашъ странникъ обходилъ
Поля, селенія и грады,
Но счастія не находилъ
Подъ небомъ щастливымъ Эллады.
Спѣша изъ края въ край, онъ игры посѣщалъ,

Забавы, зрѣлища, ристанья,
И даже прорицанья
Безъ вѣры вопрошалъ;
Но, хижину отцовъ не рѣдко вспоминалъ,
Въ ненастье по лѣсамъ бродя съ своей клюкою,
Какъ червемъ, тайною снѣдаемый тоскою.
При томъ же кошелекъ
У Грека сталъ легокъ;
А ночью, какъ онъ шелъ черезъ Лаконски горы —
Отбили у него
И остальное воры.
Щастливъ еще, что жизнь не отняли его!
Но жизнь безъ денегъ, что? мученье нестерпимо!
Такъ думалъ Филалетъ,
Тащась полунагой въ степи необозримой.
Три раза солнца свѣтъ
Смѣнялся мракомъ ночи,
Но странника не зрѣли очи
Ни жила, ни стези: повсюду степь и степь,
Да горъ въ дали туманной цѣпь —
Илотовъ и воровъ ужасныя жилища.
Что дѣлать въ горѣ! что начать!
Придется умирать
Въ пустынѣ, одному, безъ помощи, безъ пищи.
Нѣтъ, боги, нѣтъ,
Терзая грудь вопилъ нещастный Филалетъ:
Я знаю, какъ покинуть свѣтъ!

Не стану голодомъ томиться!
И межь кустовъ рѣку завидя въ далекѣ,
Онъ бросился къ рѣкѣ,
Топиться!
Что, что ты дѣлаешь, слѣпецъ?
Нещастному вскричалъ Скептической мудрецъ,
Памфилъ сѣдобородой,
Который надъ водой любуяся природой
Одинъ съ клюкой тихонько брелъ,
И къ щастью, странника нашелъ
На краѣ гибельной напасти. —
Топиться хочешь ты? Согласенъ; но сперва
Повѣдай мнѣ, твоя спокойна ль голова?
Разсудокъ ли тебя влечетъ въ рѣку иль страсти?
Разсудокъ: но его что намъ вѣщаетъ гласъ?
Что жизнь и смерть равны для насъ.
Равны: такъ не за чѣмъ топиться.
Дай руку мнѣ, мой сынъ, и не стыдись учиться
У старца, чѣмъ мудрецъ здѣсь можетъ быть
щастливъ. —
Кто жить совѣтуетъ, всегда краснорѣчивъ:
И нашъ Герой остался живъ.
Въ разсѣлинахъ скалы, висящей надъ водою,
Въ тѣни привѣтливой, смоковницъ и оливъ,
Построенъ былъ шалашъ Памфиловой рукою,
Гдѣ старецъ десять лѣтъ
Провелъ въ м[illegible] [illegible]бокомъ,

И въ вѣчность проницалъ своимъ орлинымъ
окомъ,
Забывъ людей и свѣтъ.
Вотъ тамъ-то ужинъ иль обѣдъ
Простой, но очень здравый,
Находитъ Филалетъ:
Орѣхи, жолуди и травы,
Большой сосудъ воды, и только. Боже мой!
Какъ сладостно искать для трапезы такой
Въ утѣхахъ мудрости приправы!
И такъ въ томъ дива нѣтъ, что съ путникомъ
Памфилъ
Объ Атараксіи (*) тотчасъ заговорилъ.
Все призракъ! подъ конецъ хозяинъ заключилъ:
Богатство, честь и власти,
Болѣзнь и нищета, нещастія и страсти,
И я, и ты, и цѣлый свѣтъ,
Все призракъ! — Сновидѣнье!
Со вздохомъ повторялъ унылый Филалетъ;
Но глядя на сухой обѣдъ
Вскричалъ: я голоденъ! — И это заблужденье,
Все грубыхъ чувствъ обманъ; не сомнѣвайся въ
томъ. —
Недѣлю попостясь съ брадатымъ мудрецомъ,
Нашъ *призракъ* Филалетъ рѣшился изъ пустыни

(*) Душевное спокойствіе.

Отправиться въ Аѳины. —
Пора, пора блеснуть на площади умомъ!
Пора съ Философомъ разстаться,
Который насъ не даромъ научилъ,
Какъ жить и въ жизни сомнѣваться.
Услужливый Памфилъ
Монетъ съ десятокъ самъ бродягѣ предложилъ,
Котомкой съ желудьми сушоными ссудилъ,
И въ часъ румянаго разсвѣта
Самъ вывелъ по тропамъ излучистымъ Тайгета
На путь Аѳинскій, Филалета.
Вотъ странникъ нашъ идетъ и день и ночь одинъ;
Проходитъ Арголиду,
Коринѳъ и Мегариду;
Вотъ Аттика, и вотъ дымъ сладостный Аѳинъ,
Керамикъ съ рощами ... предмѣстія начало...
Тамъ...воды Илиса!.. Въ немъ сердце задрожало:
Онъ Грекъ: то мудрено ль, что родину любилъ;
Что землю цѣловалъ съ горячими слезами,
Въ восторгѣ, внѣ себя, съ деревьями, съ домами,
Заговорилъ! ...
Я самъ, друзья мои, дань сердца заплатилъ,
Когда, волненьями судьбины
Въ отчизну брошенный изъ дальныхъ странъ чужбины,
Увидѣлъ наконецъ Адмиральтейскій шпицъ,

Фонтанку, этотъ домъ ... и столько милыхъ
лицъ,
Для сердца моего единственныхъ на свѣтѣ!
Я самъ ... Но дѣло все теперь о Филаретѣ,
Который опершись на каѳедру стоитъ
И ждетъ опять денницы
На милой площади Аттической столицы,
Замѣтьте, милые друзья,
Что Греки снаряжать тогда войну хотѣли,
Съ какимъ царемъ, не помню я;
Но знаю только то, что риторы гремѣли,
Предвѣстники народныхъ бѣдъ;
Такъ рѣчью ихъ сразить желая Филаретъ,
Всѣхъ раньше на помостъ погибельный взмо-
стился
И вотъ блеснулъ Авроры свѣтъ,
А съ нимъ и шумъ дневный родился,
Народъ зашевелился.
Въ Аѳинахъ, какъ вездѣ, часъ утра, часъ суетъ.
На площадь побѣжалъ ремесленникъ, Поэтъ,
Поденьщикъ, говорунъ, съ товарами купчина,
Софистъ, Архонтъ и Фрина
Съ толпой невольницъ и Сиренъ,
И бочку прикатилъ насмѣшникъ Діогенъ;
На площадь всякъ идетъ для дѣла и безъ дѣла;
Нахлынули, вся площадь закипѣла.
Вы помните, бульваръ кипѣлъ въ Парижѣ такъ

Народа праздными толпами,
Когда по немъ леталъ съ нагайкою козакъ,
Иль сѣверный Амуръ съ колчаномъ и стрѣлами.
Такъ точно весь народъ толпился и жужжалъ
Передъ ораторскимъ амвономъ.
Знакъ поданъ. Начинай! Рой шумный замолчалъ,
И Риторъ возвѣстилъ высокопарнымъ тономъ,
Что Аттикѣ война
Погибельна, вредна;
Потомъ — велерѣчиво, ясно,
По пальцамъ доказалъ, что въ мирѣ быть...
опасно. —
Что жь дѣлать? закричалъ съ досадою народъ. —
— Что дѣлать? сомнѣваться.
Сомнѣнье мудрости есть самый зрѣлый плодъ.
Я вамъ совѣтую, граждане, колебаться
И не мириться и не драться!...
Народъ всегда нетерпѣливъ.
Сперва нашъ краснобай услышалъ легкій ропотъ,
Шушуканье, а тамъ поближе громкій хохотъ,
А тамъ... Но онъ стоитъ уже ни мертвъ, ни
живъ,
Разинувъ ротъ, потупивъ взгляды,
Мертвѣе во сто разъ, чѣмъ мертвецы баллады.
Еще проходитъ мигъ —
Ну что же? *продолжай*! Ораторъ все ни слова;
Отъ страха — гдѣ языкъ!

За то, какой въ толпѣ поднялся страшный крикъ!
Какая туча тамъ готова!
На каѳедру летитъ градъ яблоковъ и фигъ,
И камни ужь свистятъ надъ жертвой...
И жалкій Филалетъ, избитый, полумертвой,
Съ ступени на ступень въ отчаяньи летитъ
И падаетъ безъ чувствъ подъ вѣрную защиту
Въ объятія отверсты ... къ Клиту! —
И такъ тщеславнаго спасаетъ бѣдный Клитъ,
Простякъ, неграмотный, презрѣнный,
Въ Аѳинахъ дни влачить безъ славы осужденный!
Онъ, онъ, прижавъ его къ груди,
Нахальныхъ крикуновъ толкаетъ на пути,
Однимъ грозитъ, у тѣхъ пощады проситъ,
И брата своего, какъ старика Эней,
Къ порогу хижины своей
На раменахъ доноситъ.
Какъ брата въ хижинѣ лелѣетъ добрый Клитъ!
Не сводитъ глазъ съ него, съ нимъ сладко говоритъ,
Съ простымъ, но сильнымъ чувствомъ,
Предъ дружбой ничего и Гиппократъ съ искусствомъ!
Въ три дни страдалецъ нашъ оправился и всталъ
И брату кинулся на шею со слезами;
А братъ, гостей назвалъ
И жертву воскурилъ предъ отчими богами.

Весь домикъ въ суетахъ! жена и рой дѣтей
Веселыхъ, рѣзвыхъ и пригожихъ,
Во всемъ на мать свою похожихъ,
На пиршество несутъ для радостныхъ гостей
Простый, но щедрый даръ наслѣдственныхъ полей,
Румяное вино, янтарный медъ Гимета,
И чаша поднялась за здравье Филалета!
Пей, ѣшь и веселись нежданный сердца гость!
Всѣ гости за одно съ хозяиномъ вскричали;
И что же? Филалетъ, забывъ народа злость,
Бѣды, проказы и печали,
За чашей круговой опять заговорилъ,
Въ восторгѣ, о тебѣ, великолѣпный Нилъ!
А дней черезъ пятокъ, не болѣ,
Наскуча видѣть все одно и то же поле,
Все тѣ же лица всякой день,
Нашъ Грекъ, повѣрите ль, какъ въ клѣткѣ стосковался!
Онъ началъ по лѣсамъ прогуливать ужь лѣнь,
На горы ближнія взбираться,
Бродить всю ночь, весь день шататься;
Потомъ, Аѳины сталъ тихонько посѣщать,
На милой площади опять
Зѣвать,
Съ Софистами о томъ, объ этомъ толковать;

Потомъ... провѣдавъ онъ отъ старыхъ грамо-
тѣевъ,
Что въ мірѣ есть страна,
Гдѣ вѣчно царствуетъ весна,
За розами побрелъ — въ снѣга Гипербореевъ.
Напрасно Клитъ съ женой ему кричали въ слѣдъ
Съ домашняго порога:
Братъ милый, воротись, мы просимъ, ради Бога!
Чего тебѣ искать въ чужбинѣ? новыхъ бѣдъ?
Откройся, что тебѣ въ отечествѣ не мило?
Иль дружество тебя, жестокій, огорчило?
Останься, милый братъ! останься, Филаретъ!
Напрасныя слова. — Чудакъ не воротился—
Рукой махнулъ... и скрылся.

—

ПОДРАЖАНІЕ АРІОСТУ.

(La Virginella è simile alla rosa.)

—

Дѣвица юная подобна розѣ нѣжной,
Взлелѣянной весной подъ сѣнію надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры пастуховъ
Не знаютъ тайнаго сокровища луговъ;
Но вѣтеръ сладостный, но рощи благовонны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

—

КЪ МАШѢ.

—

О! радуйся, мой другъ, прекрасная Марія!
Ты прелестей полна, любови и ума.
Съ тобою Граціи, ты Грація сама.
Пусть Парки ввѣкъ прядутъ тебѣ часы златыя.
Амуръ тебя благословилъ!
А я — какъ Ангелъ говорилъ.

ИЗЪ АНТОЛОГІИ.

—

Сотъ меда съ молокомъ —
И Маинъ сынъ тебѣ на долго благосклоненъ!
Алкидъ не такъ-то окроменъ;
Дай двѣ ему овцы, дай козу и съ козломъ;
Тогда онъ на овецъ прольетъ благословенье
И въ снѣдь не дастъ волкамъ!
«Храню къ богамъ почтенье;
А стада не отдамъ
На жертвоприношенье — — —
Скажите: что за честь,
Когда не волкъ его, Алкидъ изволитъ съѣсть?«

—

НА СМЕРТЬ ЛАУРЫ.

(Изъ Петрарка*).

Колонна гордая! о лавръ вѣчно-зеленый!
Ты палъ! — и я на вѣкъ лишенъ твоихъ про-
хладъ!
Ни тамъ, гдѣ Индъ живетъ лучами опаленный,
Ни въ хладномъ Сѣверѣ для сердца нѣтъ от-
радъ!...
Все смерть похитила, все алчная пожрала,
Сокровище души, покой и радость съ нимъ!
А ты, земля, во вѣкъ корысть не возвращала,
И мертвый нѣмъ лежитъ подъ камнемъ гробо-
вымъ!
Все тщетно предъ тобой, и власть и волхво-
ванье;
Таковъ Судьбы завѣтъ!...Почто жь мнѣ долѣ
жить?...
Увы! Чтобъ повторять въ часъ полночи рыданья
И слезы вѣчныя на хладный камень лить!

(*) Сонетъ: Rotta è l'attra colonna él verde lauro.

Какъ сладко, жизнь, твое для смертныхъ обольщенье!
Я въ будущемъ мое блаженство основалъ;
Тамъ пристань видѣлъ я, покой и утѣшенье,
И — все съ Лаурою въ минуту потерялъ.

—

ИЗРЕЧЕНІЕ МЕЛЬХИСЕДЕКА.

—

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
За чѣмъ онъ шелъ долиной скорбной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

—

РАЗЛУКА.

—

Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ;
Надолго съ милой разлучаясь,
  Вздыхая онъ сказалъ:

„Не плачь, красавица! слезами
Кручинѣ злой не пособить!
Клянуся честью и усами
  Любви не измѣнить!

„Любви непобѣдима сила!
Она мой вѣрный щитъ въ войнѣ;
Булатъ въ рукѣ, а въ сердцѣ Лила,
  Чего страшиться мнѣ?

„Не плачь, красавица! слезами
Кручинѣ злой не пособить!
А если измѣню . . ., усами
  Клянусь, наказанъ быть!

„Тогда мой вѣрный конь споткнися,
Летя во вражій станъ стрѣлой;
Уздечка бранная порвися
И стремя подъ ногой!

„Пускай булатъ въ рукѣ съ размаха
Изломится какъ прутъ гнилой,
И я, блѣднѣя весь отъ страха,
Явлюсь передъ тобой!“

Но вѣрный конь не спотыкался
Подъ нашимъ всадникомъ лихимъ!
Булатъ въ бояхъ не изломался —
И честь гусара съ нимъ!

А онъ забылъ любовь и слезы
Своей пастушки дорогой,
И рвалъ въ чужбинѣ щастья розы
Съ красавицей другой.

Но что же сдѣлала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицамъ игрушка;
А клятвы ихъ — слова!

РАЗЛУКА.

—

Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ;
Надолго съ милой разлучаясь,
  Вздыхая онъ сказалъ:

„Не плачь, красавица! слезами
Кручинѣ злой не пособить!
Клянуся честью и усами
  Любви не измѣнить!

„Любви непобѣдима сила!
Она мой вѣрный щитъ въ войнѣ;
Булатъ въ рукѣ, а въ сердцѣ Лила,
  Чего страшиться мнѣ?

„Не плачь, красавица! слезами
Кручинѣ злой не пособить!
А если измѣню . . ., усами
  Клянусь, наказанъ быть!

„Тогда мой вѣрный конь споткнися,
Летя во вражій станъ стрѣлой;
Уздечка бранная порвися
И стремя подъ ногой!

„Пускай булатъ въ рукѣ съ размаха
Изломится какъ прутъ гнилой,
И я, блѣднѣя весь отъ страха,
Явлюсь передъ тобой!“

Но вѣрный конь не спотыкался
Подъ нашимъ всадникомъ лихимъ!
Булатъ въ бояхъ не изломался —
И честь гусара съ нимъ!

А онъ забылъ любовь и слезы
Своей пастушки дорогой,
И рвалъ въ чужбинѣ щастья розы
Съ красавицей другой.

Но что же сдѣлала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицамъ игрушка;
А клятвы ихъ — слова!

Все здѣсь, друзья! измѣной дышетъ,
Теперь нѣтъ вѣрности нигдѣ!
Амуръ, смѣясь, всѣ клятвы пишетъ
Стрѣлою на водѣ.

—

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ РЕЙНЪ.

1814.

Все здѣсь, друзья! измѣной дышетъ,
Теперь нѣтъ вѣрности нигдѣ!
Амуръ, смѣясь, всѣ клятвы пишетъ
Стрѣлою на водѣ.

—

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ РЕЙНЪ.

1814.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ РЕЙНЪ.

—

Межь тѣмъ, какъ воины вдоль идутъ по полямъ,
Завидя вдалекѣ твои, о Реинъ, волны,
  Мой конь, веселья полный,
Отъ строя отдѣлясь, стремится къ берегамъ;
  На крыльяхъ жажды прилетаетъ,
  Глотаетъ хладную струю,
  И грудь усталую въ бою
  Желанной влагой обновляетъ...

О радость! я стою при Реинскихъ водахъ!
И жадные съ холмовъ въ окрестность бросяя взоры,
  Привѣтствую поля и горы,
И замки рыцарей въ туманныхъ облакахъ,
  И всю страну, обильну славой,
  Воспоминаньемъ древнихъ дней,
  Гдѣ съ Альповъ, вѣчною струей
  Ты льешься, Реинъ величавой!

Свидѣтель древности, событій всѣхъ временъ,
О Реинъ, ты поилъ несчетны легіоны,
  Мечемъ писавшіе законы

Для гордыхъ Германа кочующихъ племенъ;
  Любимецъ щастья, бичь свободы,
  Здѣсь Кесарь бился, побѣждалъ,
  И конь его переплывалъ
  Твои священны, Рейнъ, воды.

Вѣка мелькнули: міръ Крестомъ преображенъ;
Любовь и честь въ душахъ суровыхъ пробу-
                                        дились.—
  Здѣсь витязи вооружились
Копьемъ за жизнь сиротъ, за честь прелест-
                                        ныхъ женъ;
  Тутъ совершались ихъ турниры,
  Тутъ бились храбрые — и здѣсь
  Не умеръ, мнится, и поднесь
  Звукъ сладкой Трубадуровъ лиры.

Такъ, здѣсь подъ тѣнію смоковницъ и дубовъ,
При шумѣ сладостномъ нагорныхъ водопадовъ,
Въ тѣни цвѣтущихъ селъ и градовъ
Восторгъ живетъ еще средь избранныхъ сыновъ.
  Здѣсь все питаетъ вдохновенье:
  Простые нравы праотцовъ,
  Святая къ родинѣ любовь
  И праздной роскоши презрѣнье.

Все, все, и видъ полей, и видъ священныхъ водъ,
Туманной древности и Бардамъ современныхъ,

Для чувствъ и мыслей дерзновенныхъ
И силу новую и крылья придаетъ.
Свободны, горды, полудики,
Природы вѣрные жрецы,
Тевтонски пѣли здѣсь пѣвцы.....
И смолкли ихъ волшебны лики.

Ты самъ, родитель водъ, свидѣтель всѣхъ временъ,
Ты самъ, до нашихъ дней, спокойный, величавый,
Съ паденіемъ народной славы,
Склонилъ чело, увы! позналъ и стыдъ и плѣнъ...
Давно ли брегъ твой подъ орлами
Аттилы новаго стеналъ,
И ты, — уныло протекалъ
Между враждебными полками?

Давно ли земледѣлъ, вдоль красныхъ береговъ,
Средь виноградниковъ завѣтныхъ и священныхъ,
Полки встрѣчалъ иноплеменныхъ
И ненавистный взоръ Зареинскихъ сыновъ?
Давно ль они, кичася пили
Вино изъ синихъ хрусталей,
И кони ихъ, среди полей
И зрѣлыхъ нивъ твоихъ бродили?

И часъ судьбы насталъ! Мы здѣсь, сыны снѣ-
говъ,
Подъ знаменемъ Москвы съ свободой и съ гро-
мами,
Стеклись съ морей покрытыхъ льдами,
Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валовъ,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала!...

Стеклись, нагрянули, за честь твоихъ граж-
данъ,
За честь твердынь и селъ и нивъ опустошен-
ныхъ,
И береговъ благословенныхъ,
Гдѣ расцвѣло въ тиши блаженство Россіянъ;
Гдѣ Ангелъ мирный, свѣтозарный,
Для странъ полуночи рожденъ
И Провидѣньемъ обреченъ
Царю, отчизнѣ благодарной.

Мы здѣсь, о Реинъ, здѣсь! ты видишь блескъ
мечей!
Ты слышишь шумъ полковъ, и новыхъ коней
ржаніе,
Ура побѣды и взыванье

Идущихъ, скачущихъ къ тебѣ богатырей.
Взвивая къ небу прахъ летучій,
По трупамъ вражескимъ летятъ,
И вотъ — коней лихихъ поятъ,
Кругомъ заставя долъ зыбучій.
Какой чудесный пиръ для слуха и очей!
Здѣсь пушекъ свѣтла мѣдь сіяетъ за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древніе среди копій и мечей;
Тамъ шлемы воевъ оперенны,
Тяжелой конницы строи,
И легкихъ всадниковъ рои
Въ текучей влагѣ отраженны;

Тамъ слышенъ стукъ сѣкиръ, и палъ угрюмый лѣсъ —
Костры надъ Рейномъ дымятся и пылаютъ,
И чаши радости сверкаютъ,
И клики воиновъ восходятъ до небесъ!
Тамъ ратникъ ратника объемлетъ;
Тамъ точитъ пѣшій штыкъ стальной;
И конный грозною рукой
Крылатый дротикъ свой колеблетъ;

Тамъ всадникъ, опершись на свѣтлу сталь копья,
Задумчивъ и одинъ, на берегѣ высокомъ
Стоитъ, и жаднымъ ловитъ окомъ

Рѣки излучистой послѣдніе края.
Быть можетъ, онъ воспоминаетъ
Рѣку своихъ родимыхъ мѣстъ —
И на груди свой мѣдный крестъ
Невольно къ сердцу прижимаетъ...
Но тамъ готовится, по манію вождей,
Безкровный жертвенникъ средь гибельныхъ трофеевъ,
И Богу сильныхъ Маккавеевъ
Колѣнопреклоненъ служитель олтарей:
Его, шумя, пріосѣняетъ
Знаменъ отчизны грозный лѣсъ,
И солнце юное съ небесъ
Олтарь сіяньемъ осыпаетъ.

Всѣ крики бранные умолкли, и въ рядахъ
Благоговѣніе внезапу воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь и ратники чело склонили въ прахъ:
Поютъ Владыкѣ вышней силы,
Тебѣ, Подателю побѣдъ,
Тебѣ, незаходимый Свѣтъ!
Дымятся мирные кадилы.

И се подвигнулись — валитъ за строемъ строй!
Какъ море шумное, волнуется все войско,
И эхо вторитъ кликъ геройской,

Досель неслышанный, о Рейнъ, надъ тобой!
Твой стонетъ брегъ гостепріимной,
И мостъ подъ воями дрожитъ!
И врагъ, завидя ихъ, бѣжитъ —
Отъ глазъ, вдали теряясь дымной!...

—

ВИДѢНІЕ

НА БЕРЕГАХЪ ЛЕТЫ.

ВИДѢНІЕ
НА БЕРЕГАХЪ ЛЕТЫ. *)

—

Вчера, Бобрисомъ утомленный,
Я спалъ, и видѣлъ странный сонъ:
Что будто свѣтлый Аполлонъ,
За что̀, не знаю, прогнѣвленный,
Поэтамъ нашимъ смерть изрекъ;
Изрекъ — и всѣ упали мертвы.
Невинны Аполлона жертвы.
Иной изъ нихъ окончилъ вѣкъ,
Сидя на чердакѣ высокомъ,
Въ издранномъ шлафорѣ широкомъ,
Нагъ, голоденъ и утомленъ
Упрямой риѳмой *къ свѣтлу Фебу*
Другой въ Цитеру пренесенъ;
Красу умильную, какъ Гебу,

---

*) Шуточное это произведеніе принадлежитъ ко времени юности знаменитаго поэта. Списокъ его сохранился у одного изъ литераторовъ, и мы рѣшились напечатать его; оно любопытно какъ по отношеніямъ, такъ и по неподдѣльному юмору. Русскія музы рѣдко шутятъ, хотя по старинному присловью! «смѣяться не грѣшно, надъ всѣмъ, что кажется смѣшно.» Надобно только, чтобъ шутка была безгрѣшна.

Хотѣлъ для насъ насильно пѣть
И палъ безъ чувствъ въ концѣ эклоги.
Вездѣ, о милосерды Боги!
Вездѣ пируетъ алчна смерть,
Косою быстрой всюду машетъ,
Богату ниву аду пашетъ,
И губитъ Фебовыхъ дѣтей —
Какъ вѣтръ осенній злакъ полей!
Межь тѣмъ, въ Элизіи священномъ,
Лавровымъ лѣсомъ осѣненномъ,
Подъ шумомъ Касталійскихъ водъ,
Пѣвцовъ нечаянный приходъ
Узналъ почтенный Ломоносовъ;
Херасковъ, честь и слава Россовъ;
Самолюбивый Фебовъ сынъ,
Насмѣшникъ, грозный бичъ пороковъ
Замысловатый Сумароковъ
И Мельпомены другъ, Княжнинъ;
И ты сидѣлъ, въ толпѣ избранной,
Стыдливой Граціей вѣнчанный,
Пѣвецъ прелестныя мечты,
Между Психеи легкокрылой
И бога нѣжной красоты...
И ты, прилежный, какъ пчела,
Отецъ стиховъ Телемахиды...
И ты, о мой пѣвецъ незлобный,
Хемницеръ, въ басняхъ безподобный!

Всѣ, словомъ, коихъ богъ пѣвцовъ
Вѣнчалъ безсмертія лучами,
Сидѣли тамъ оливъ въ тѣни,
Обнявшись съ прежними врагами;
Но спорили еще они
О томъ, о семъ и не безъ шума....

(У всякаго изъ насъ своя есть дума,
Разсудокъ свой, и вкусъ и глазъ.)
Садились всѣ за пиръ богатый, —
Какъ вдругъ сынъ Маіинъ крылатый,
Низсланный высшимъ божествомъ,
Сказалъ сидящимъ за столомъ:
«Сюда, на берегъ тихой Леты
«Бредутъ покойные поэты;
«Они въ рѣкѣ сей погрузятъ
«Себя и вмѣстѣ юныхъ чадъ;
«Здѣсь опытъ будетъ правосудный:
«Стихи и проза безразсудны
«Потонутъ вмигъ — такъ Фебъ судилъ!»
Сказалъ Эрмій — и силой крылъ
Отъ ада къ небу воспарилъ.
«Ага!» Фонъ-Визинъ молвилъ братьямъ:
«Здѣсь будетъ встрѣча не по платьямъ,
«Но по заслугамъ и уму!» —
«Да, много ли», въ отвѣтъ ему,
Кричалъ, смѣяся, Сумароковъ,

«Пѣвцовъ найдется безъ пороковъ?
Поглотитъ Леты всѣхъ струя!
Поглотитъ всѣхъ! иль я — не я!»
«Посмотримъ!» продолжалъ въ-полгласа,
Пѣвецъ проклятый отъ Парнаса,
«Егда пріидутъ»... Но вотъ они!
Подобно, какъ въ осенни дни,
Поблекшіи листвія древесны,
Что̀ буря въ долахъ, разнесла, —
Такъ тѣнямъ симъ не бысть числа.
Идутъ толпой въ ущелья тѣсны,
Къ рѣкѣ забвенія стиховъ,
Идутъ подъ бременемъ трудовъ —
Безгласны, блѣдны приступаютъ,
Любезныхъ дѣтищей купаютъ
И болѣе не зрятъ въ волнахъ.
Но тутъ Миносъ, пѣвцамъ на страхъ,
Старикъ угрюмый и курносый,
Чинитъ расправу и вопросы:
— Кто̀ ты? вѣщай! — «Я тотъ поэтъ,
По счастью очень плодовитый —
(Былъ тѣни маленькой отвѣтъ)
Я тотъ вѣнками розъ увитый
Поэтъ, философъ, педагогъ;
Который перевелъ Виргилья,
Окоротилъ Алкею крылья,
Я здѣсь! *Сего бо восщетъ Богъ*

И долгъ священныя природы.»
— Кто жъ ты болтунъ? «Я . . . овъ!»
Ступай и окунися въ воды! —
Иду, во мнѣ вся мерзнетъ кровь,
«Спаси . . . спаси меня любовь!
Авось!» — Нѣтъ! Нѣтъ, болтунъ несчастный!
Довольно я съ тобою выль! —
Сказалъ ему Эротъ прекрасный,
Который тутъ съ Психеей былъ:
Ступай! пошелъ! и — нѣтъ педанта!
Кто ты? спросилъ допрощикъ тѣнь,
Несущу связку Фоліанта.
«Увы! я цѣлу ночь и день
«Писалъ, пишу и вѣчно буду
«Писать — все прозой *безъ еровъ*!
«Смотри: здѣсь тысяча листовъ
«Почтенной пылію покрытыхъ
«Печатью мелкою убитыхъ
«И нѣтъ *ера* ни одного!
«И я . . .» Скорѣй купать его!
Но тутъ явились лица новы
Изъ бѣлокаменной Москвы.
Отъ самыхъ ногъ до головы
Обшиты платья ихъ листами,
Гдѣ прозой дѣтской и стихами;
Иной кладбище, мавзолей,
Другой журналъ души своей,

Другой Меланію, Зюльмису,
Глафиру, Хлою, Милитрису,
Луну, веспера, голубковъ,
Барановъ, кошекъ и котовъ,
Воспѣлъ въ стихахъ своихъ унылыхъ,
На всякій ладъ, для женщинъ *милыхъ*;
О вѣкъ желѣзный! а онѣ
Не только въ явѣ и во снѣ
Поэтовъ не видали бѣдныхъ!
Изъ этихъ лицъ уныло-блѣдныхъ,
Одинъ, причесанный въ тупей,
Поэтъ присяжный, князь вралей
На судъ явилъ творенья новы.
Ктò ты? — «Увы! я пастушокъ!
Вздыхатель, завсегда готовый.
Вотъ мой вѣнокъ и посошокъ;
Вотъ мой букетъ цвѣтовъ тафтяныхъ;
Вотъ списокъ всѣхъ красотъ упрямыхъ,
Которыми дышалъ и жилъ;
Вотъ мой баранъ, моя Аглая!
Сказалъ и, тягостно зѣвая,
Съ просонья въ Лету проскользнулъ! —
«Уфъ! я усталъ; подайте стулъ!
Позвольте мнѣ, я очень славенъ!
Безсмертенъ я, пока забавенъ!» —
Ктò жъ ты? — «*Я Русскій и поэтъ*!
Я самъ бѣгу, лечу за славой;

Мнѣ врагъ чужой разсудокъ здравый,
Для Русскихъ правъ мой толкъ кривой,
И въ томъ клянусь моей душой!»
Да ктó же ты? — «Жанъ-Жакъ я русскій,
Рассинъ и Локкъ, и Юнгъ я русскій!
Три драмы русскихъ сочинилъ,
Для Русскихъ — нѣтъ ужъ болѣ силъ!
Писалъ для Русскихъ драмы слезны,
Труды мои всѣ безполезны:
Вина тому развратъ умовъ!»
Сказалъ, въ рѣку, и — былъ таковъ!
Тутъ Сафы русскія печальны,
Какъ бабки наши повивальны,
Несли расплаканныхъ дѣтей.
Одна — прости, Богъ, эту даму! —
Несла уродливую драму,
Позоръ для ада и мужей,
У коихъ сочиняютъ жены!
«Вотъ мой Густавъ, герой влюбленный!»
Ага! судья пѣвицѣ сей.
Названья этого довольно!
Сударыня! мнѣ очень больно,
Чтó вы забывъ послѣдній стыдъ
Убили драмою Густава!
Въ рѣку, въ рѣку! — О, жалкій видъ!
О, тщетная поэтовъ слава!
Исчезла Сафо нашихъ дней!

Съ печальной драмою своей.
Потомъ и двѣ другія дамы —
На дамъ живыя эпиграммы,
Нырнули въ глубь туманныхъ водъ. —
Ктò ты? — «Я виноносный геній,
Поэмы три, да сотню одъ,
Гдѣ всюду ночь, гдѣ всюду тѣни,
Гдѣ *роща рюкуща, рукій рюкоть!*
Писалъ съ заказу Глазунова
Всегда на срокъ... чтò вижу я?
Здѣсь рѣетъ между водъ ладья;
А тамъ въ разрывахъ черна крова
Уранія, душа сихъ сферъ,
И всѣ Титаны ледовиты,
Прозрачной мантіей покрыты,
Слезятъ! Изсякнулъ изувѣръ
Отъ взора пламенной эгиды.
Одинъ отецъ Телемахиды
Слова сіи умѣлъ понять.»
На томъ брегу рѣки забвенья
Стояли тѣни въ изумленьи
Отъ рѣчи сей. — Изволь купать
Себя и всѣхъ своихъ уродовъ!
Сказалъ, не слушая доводовъ,
Угрюмый ада судія:
— Да всѣхъ поглотитъ васъ струя!
Но вдругъ на адскій берегъ дикій,

Призракъ чудесный и великій,
Въ обширномъ дѣдовскомъ возкѣ,
Тихонько тянется къ рѣкѣ.
На мѣсто клячей, запряженны
Тамъ люди, въ хомуты вложенны,
И тянутъ кое-какъ гужомъ.
За нимъ, какъ въ осень трутни праздны,
Крылатымъ въ воздухѣ полкомъ,
Летятъ толпою тѣни разны —
И тамъ и сямъ. По слову: *Стой!*
Кивнула съ шлемомъ тѣнь главой
И вышла блѣдна изъ повозки...

Поэтовъ приподнялись тѣни;
Пѣвецъ Любовныя Ѣзды
Осклабилъ взоръ усмѣшкой чудной,
И рекъ: «О, мужъ, умомъ нескудной!
Обрѣтшій рѣдки красоты
И смыслъ въ моей Деидаміи
Се... ты... се... ты!» — Слова пустыя!
Угрюмый судія сказалъ,
И въ Лету путь имъ показалъ.
Къ рѣкѣ подвинулись толпою,
Ныряли всячески въ водахъ;
Тотъ книжку потопилъ въ струяхъ,
Тотъ цѣлу книжицу съ собою...

Тутъ тѣнь къ Миносу подошла,
Неряхой, и въ нарядѣ странномъ,
Въ широкомъ шлафорѣ изодранномъ,
Въ пуху, съ косматой головой,
Съ салфеткой, съ книгой подъ рукой.
«Меня врасплохъ» она сказала,
«Въ обѣдъ нарочно смерть застала;
«Но съ вами я опять готовъ
«Еще хоть сызнова отвѣдать
«Вина и адскихъ пироговъ;
«Теперь же часъ, друзья, обѣдать,
«Я вамъ знакомый, я — *Крыловъ!*»
Крыловъ! Крыловъ! въ одно вскричало
Собранье шумное духовъ,
И эхо глухо повторяло
Подъ сводомъ адскимъ: «Здѣсь Крыловъ!
Садись сюда, пріятель милый!
Здоровъ ли ты?» — И такъ и сякъ! —
«Ну что жъ ты дѣлалъ?» — Все пустякъ!
Тянулъ тихонько вѣкъ унылый,
Пилъ, сладко ѣлъ, а болѣ спалъ;
Ну вотъ, Миносъ, мои творенья!
Съ собой я очень мало взялъ,
Комедіи, стихотворенья,
Да басни всѣ. — «Купай! купай!»
О чудо! всплыли всѣ, и вскорѣ,
Крыловъ, забывъ житейско горе,

Пошелъ обѣдать прямо въ рай.
Еще продлилось сновидѣнье;
Но ваше длится ли терпѣнье
Дослушать до конца его?
Болтать, друзья, неосторожно:
Другаго и обидѣть можно!
А, Боже, упаси того! . . .

—

О

ГРЕЧЕСКОЙ

АНТОЛОГИИ.

Мы надѣемся, что любителямъ Отечественной Словесности пріятно будетъ найти здѣсь помѣщеннымъ маленькое, вышедшее въ 1820 году въ весьма не многомъ числѣ экземпляровъ, сочиненіе *о Греческой Антологіи*: въ немъ стихи принадлежатъ Батюшкову и, можетъ быть, лучшіе, какіе онъ написалъ, а объясненіе, равно какъ и все изданіе, приписываютъ нѣкоторымъ молодымъ Литераторамъ, соединеннымъ дружбою и любовью къ просвѣщенію, нынѣ занимающимъ важныя должности на поприщѣ Государственной службы.

—

О
ГРЕЧЕСКОЙ
АНТОЛОГІИ.

—

Въ числѣ несмѣтныхъ сокровищъ Древней Литературы, до нынѣ у насъ неприкосновенныхъ, находится богатая руда Греческой Антологіи. Подъ именемъ Антологіи разумѣемъ мы собраніе мелкихъ стихотвореній, включая въ сіе число надписи и лирическіе отрывки. Собраніе сіе содержитъ всѣ эпохи Греческой Поэзіи. Оно огромно: но кто бы не пожелалъ что бы оно было еще огромнѣе? Если все, что означаетъ нравственное бытіе народа, занимавшаго первое мѣсто въ мірѣ, имѣетъ право на наше любопытство; то Антологія должна почитаться драгоцѣннѣйшимъ памятникомъ. Посредствомъ Антологіи, мы становимся современниками Грековъ, мы раздѣляемъ ихъ страсти, мы открываемъ даже слѣды тѣхъ быстрыхъ, игновенныхъ впечатлѣній, которые, какъ слѣды на пескѣ въ развалинахъ Геркула-

нума, заставляютъ насъ забывать, что двѣ тысячи лѣтъ отдаляютъ насъ отъ Древнихъ. Посредствомъ Антологіи участвуемъ въ празднествахъ, въ играхъ, слѣдуемъ за гражданами на площадь, въ театръ, во внутренность домовъ: однимъ словомъ, мы съ ними дышемъ, живемъ. Самая глубокая ученость едва ли можетъ составить изъ остатковъ Греціи слабое изображеніе гражданской жизни древнихъ. Здѣсь открывается намъ богатая и блистательная картина, представляющая въ цвѣтѣ жизни, въ полной юности, сей чудесный народъ, котораго благотворная Природа надѣлила всѣми совершенствами ума, всѣми прелестями красоты и вкуса.

Не мы одни, Русскіе, мало занимались Антологіею. Въ Германіи, въ сей колыбели Филологіи, прежде Гердера никто не помышлялъ о красотахъ и достоинствѣ оной. Здравая критика возникла не болѣе пятидесяти лѣтъ, и только съ сего времени сдѣлалась любимымъ предметомъ лучшихъ Нѣмецкихъ Филологовъ. Французскіе Литераторы и Ученые, — выключая не многихъ, — оставили Антологію почти безъ вниманія. Мы знаемъ нѣсколько подражаній Вольтера (мастерски переведенныхъ

Дмитріевымъ); но вообще сей изобильный источникъ Поэзіи и по нынѣ въ неизвѣстности или въ небреженіи. Виною сего полагаю великое затрудненіе въ самомъ чтеніи Антологіи. Она требуетъ необыкновеннаго знанія Греческаго языка. Разнообразность діалектовъ, гибкость въ выраженіяхъ и оборотахъ — и самая неисправность печатнаго текста — препятствовали узнать въ совершенствѣ сіе прекрасное произведеніе. Поэты, желавшіе подражать красотамъ Антологіи, чувствовали, сколь опасна борьба съ Греками (переводить ее въ прозѣ и помышлять не должно!). Французы, лишенные ритмической просодіи, должны были довольствоваться подражаніемъ. Нѣмцы старались всѣми силами перенесть въ языкъ свой метрическія формы Древнихъ: переводы Гердера и Якобса вѣрны, но, можетъ быть, не довольно гибки, не довольно игривы. Желая познакомить Читателей нашихъ съ Антологіею, предлагаемъ здѣсь переводъ нѣкоторыхъ эпиграммъ; переводъ вольный, но, по мнѣнію нашему, напоминающій подлинникъ.

Надобно объяснить съ точностію то, что Греки понимали подъ словомъ *Эпиграмма*. Мы называемъ эпиграммою краткіе стихи сатири-

ческаго содержанія, кончащіеся острымъ словомъ, укоризною, или шуткою. Древніе давали сему слову другое значеніе. У нихъ каждая небольшая піеса, размѣромъ элегическимъ писанная, (т. е. гекзаметромъ и пентаметромъ), называлась эпиграммою. Ей все служитъ предметомъ: она, то поучаетъ, то шутитъ, и почти всегда дышетъ любовію. Часто, она не что иное, какъ игновенная мысль, или быстрое чувство, рожденное красотами Природы или памятниками художества. Иногда Греческая эпиграмма полна и совершенна: иногда небрежна и некончена... какъ звукъ, въ дали исчезающій. Она почти никогда не заключается разительною, острою мыслію, и, чѣмъ древнѣе, тѣмъ проще. Этотъ родъ Поэзіи украшалъ и пиры и гробницы. — Напоминая о ничтожности мимоидущей жизни, эпиграмма твердила: смертный, лови мигъ улетающій! рѣзвилась съ Лаисою, и улыбаясь кротко и незлобно, слегка уязвляла невѣжество и глупость. Истинный Протей, она принимаетъ всѣ виды; и когда мы, къ ея плѣнительной живости, прибавимъ неизъяснимую прелесть совершеннѣйшаго языка въ мірѣ, языка обработаннаго превосходнѣйшими Писателями: тогда только можемъ имѣть понятіе ясное и точное, съ какимъ восхище-

ніемъ съ какою радостію, любитель Древности перечитываетъ Греческую Антологію.

Но, дабы почувствовать въ полной мѣрѣ сіи красоты нѣжныя, тонкія, и, такъ сказать, убѣгающія, необходимо нужно знать не только языкъ Греческій, но должно вникнуть глубоко въ самый геній сего народа, единственнаго во всѣхъ отношеніяхъ.

Сіе сочетаніе ума и воображенія, столь гибкаго и богатаго, съ природою Юга, столь роскошною и изобильною, должно обратить на себя все вниманіе наше.

Поэзія Древнихъ объясняется небомъ, землею и моремъ Италіи и Греціи. Мы, жители Сѣвера, посредствомъ сильнаго напряженія ума, а не быстраго чувства, постигаемъ тѣ пламенныя впечатлѣнія, которыя Природа производитъ на Югѣ... И можемъ ли мы вполнѣ постигнуть сіе благоговѣніе къ солнцу, сіе страстное желаніе прохлады, свѣжести, ночи? сіе сожалѣніе о лѣтахъ юности, въ землѣ столь счастливой, сію любовь къ наслажденіямъ, сіе искреннее восхищеніе при видѣ красоты; сіе чувство, коимъ Греки одарили и цвѣты и растѣнія;

однимъ словомъ, сіе дивное согласіе между всѣми существами міра, отъ коего и бездушная природа пріемлетъ движеніе и жизнь? Древніе ограничивались внѣшними, окружающими ихъ предметами и пренебрегали вносить свѣтильникъ опыта въ мрачную глубину души человѣческой: все призывало ихъ ко внѣшнимъ предметамъ Природы благотворной. Насъ, напротивъ того, все отталкиваетъ отъ нихъ, все принуждаетъ обращать вниманіе на самихъ себя. Для Древнихъ жизнь была *все*: для насъ самая жизнь есть только переходъ къ другому, совершеннѣйшему бытію. Они устремляли неизмѣримую силу своего генія на кратковременное поприще настоящаго: насъ, можетъ быть противъ воли, сердце увлекаетъ въ невидимый, но извѣстный край, *гдѣ другое солнце*, *другое небо* насъ ожидаютъ. Поэзія Древнихъ, при возвышенномъ своемъ полетѣ, не могла выступить за предѣлы ихъ гражданской жизни. Въ новѣйшихъ временахъ, все, что носитъ печать Поэзіи, принадлежитъ къ такому высокому порядку вещей, что самая Поэзія паритъ и теряется въ области безконечнаго.

Сіе отступленіе отъ главнаго предмета не всѣмъ безполезно: ибо необходимо нужно

объяснить прежде всего, чѣмъ именно Поэзія Древнихъ различествуетъ отъ нашей. Кто не имѣетъ яснаго понятія о семъ различіи, тотъ не долженъ мечтать, что имѣетъ ключь къ сокровищамъ Словесности Древнихъ. Въ особенности Антологія потеряетъ всю свою цѣну, если мы не станемъ смотрѣть на нее глазами Древнихъ. Чѣмъ вѣрнѣе и ближе она изображаетъ всѣ подробности ихъ нравственнаго бытія, тѣмъ болѣе она требуетъ вѣрнаго и опытнаго взгляда. Если Исторія народа не ограничивается повѣствованіемъ о войнахъ или родословною владѣльцевъ; если народный духъ, обычаи, нравы составляютъ драгоцѣннѣйшую часть историческихъ преданій: то можно смѣло сказать, что безъ Антологіи и Аристофана мы не знали бы Грековъ, и многое у нихъ оста лось бы вѣчною загадкою.

Упоминая здѣсь объ Аристофанѣ, почитаю нужнымъ представить мои мысли: по чему Древніе такъ часто нарушали законы благопристойности и оскорбляли стыдливый слухъ? Давно уже почитаютъ Аристофана самымъ необузданнымъ Стихотворцемъ. Онъ конечно заслужилъ сіе нареканіе; но сужденіе это не должно быть ограничено и рѣзко. Точное понятіе о Комикѣ

Аттическомъ прольетъ нѣкоторый свѣтъ на самую Антологію. Замѣтимъ одну странность: Греки не писали для женщинъ, но были скромнѣе въ мысляхъ и выраженіяхъ, чѣмъ новѣйшіе писатели, коихъ творенія читаются и тѣмъ и другимъ поломъ. Я не хочу утверждать, чтобы нѣсколько эпиграммъ въ Антологіи и большая часть комедій Аристофановыхъ не отличались необузданною свободою; но нагота въ Антологіи, особливо въ Аристофанѣ, походитъ на наготу Греческихъ статуй: она не возбуждаетъ чувства. Привычка называть всѣ вещи, всѣ предметы, настоящимъ и естественнымъ ихъименемъ, притупляетъ воображеніе. Сія грубость можетъ даже соединиться съ нѣкоторымъ простодушіемъ, совершенно противнымъ нашему искусству выражать все полусловами, и развращать сердце, не оскорбляя слуха и вкуса. Въ Аристофанѣ мы видимъ безпечную наготу дикаря; мы видимъ Отанти,

Où l'amour sans pudeur n'est pas sans innocence!

Слишкомъ утонченное просвѣщеніе и грубое первоначальное невѣжество дикихъ, часто походятъ другъ на друга, и, почти равны относительно къ законамъ стргоой нравственности.

Но кто не коротко знакомъ съ Греками, тотъ конечно съ удивленіемъ замѣтитъ, что они, посреди самыхъ отвратительныхъ заблужденій чувственности, сохранили весь свой аттицизмъ, и, если смѣю сказать, всю свою *грацію*. Не льзя и думать безъ удивленія, что постыдный порокъ — которому дали они свое имя — не только не внушалъ имъ словъ грубыхъ, но внушалъ самыя нѣжныя и красивыя выраженія. Короче: сладострастная Поэзія Грековъ походитъ на нашу, какъ пламенныя наслажденія Атлета на прихоти изнеможеннаго Сибарита.

Слѣдующій отрывокъ изъ Гераклида Понтійскаго показываетъ намъ въ нравахъ Аѳинянъ самое странное сочетаніе силы и слабости, роскоши, любви къ наслажденіямъ, и твердости духа. Вопреки общему мнѣнію, поставляющему бѣдность, строгость нравовъ и умѣренность, основаніемъ каждаго республиканскаго правленія, Гераклидъ приписываетъ роскоши и сладострастію Аѳинянъ, ихъ могущество и храбрость. »Цари и владѣльцы,« говоритъ онъ, »располагающіе всѣми благами жизни и узнавшіе ихъ по собственному опыту, предпочитаютъ роскошь: ибо ею возвышается духъ. Предающіеся нѣгѣ и сладострастію всегда ве-

Аттическомъ прольетъ нѣкоторый свѣтъ на самую Антологію. Замѣтимъ одну странность: Греки не писали для женщинъ, но были скромнѣе въ мысляхъ и выраженіяхъ, чѣмъ новѣйшіе писатели, коихъ творенія читаются и тѣмъ и другимъ поломъ. Я не хочу утверждать, чтобы нѣсколько эпиграммъ въ Антологіи и большая часть комедій Аристофановыхъ не отличались необузданною свободою; но нагота въ Антологіи, особливо въ Аристофанѣ, походитъ на наготу Греческихъ статуй: она не возбуждаетъ чувства. Привычка называть всѣ вещи, всѣ предметы, настоящимъ и естественнымъ ихъ именемъ, притупляетъ воображеніе. Сія грубость можетъ даже соединиться съ нѣкоторымъ простодушіемъ, совершенно противнымъ нашему искусству выражать все полусловами, и развращать сердце, не оскорбляя слуха и вкуса. Въ Аристофанѣ мы видимъ безпечную наготу дикаря; мы видимъ Отаити,

Où l'amour sans pudeur n'est pas sans innocence!

Слишкомъ утонченное просвѣщеніе и грубое первоначальное невѣжество дикихъ, часто походятъ другъ на друга, и, почти равны относительно къ законамъ стргоой нравственности.

Но кто не коротко знакомъ съ Греками, тотъ конечно съ удивленіемъ замѣтитъ, что они, посреди самыхъ отвратительныхъ заблужденій чувственности, сохранили весь свой аттицизмъ, и, если смѣю сказать, всю свою *грацію*. Не льзя и думать безъ удивленія, что постыдный порокъ — которому дали они свое имя — не только не внушалъ имъ словъ грубыхъ, но внушалъ самыя нѣжныя и красивыя выраженія. Короче: сладострастная Поэзія Грековъ походитъ на нашу, какъ пламенныя наслажденія Атлета на прихоти изнеможеннаго Сибарита.

Слѣдующій отрывокъ изъ Гераклида Понтійскаго показываетъ намъ въ нравахъ Аѳинянъ самое странное сочетаніе силы и слабости, роскоши, любви къ наслажденіямъ, и твердости духа. Вопреки общему мнѣнію, поставляющему бѣдность, строгость нравовъ и умѣренность, основаніемъ каждаго республиканскаго правленія, Гераклидъ приписываетъ роскоши и сладострастію Аѳинянъ, ихъ могущество и храбрость. »Цари и владѣльцы,« говоритъ онъ, »располагающіе всѣми благами жизни и узнавшіе ихъ по собственному опыту, предпочитаютъ роскошь: ибо ею возвышается духъ. Предающіеся нѣгѣ и сладострастію всегда ве-

ликодушны и великолѣпны, такъ напримѣръ, Персы и Меды. Болѣе всѣхъ они любятъ утѣхи и суть храбрѣйшіе изъ варваровъ. Наслаждаться и жить роскошно: вотъ удѣлъ свободныхъ! ибо наслажденіе даетъ уму ясность и благородство. Трудиться должны одни рабы: отъ того и способности душевныя стѣсняются въ нихъ природою. Аѳины, утопая въ сладострастіи, процвѣтали и производили мужей великихъ. Подъ длинными пурпуровыми мантіями, въ позлащенныхъ и пестрыхъ одеждахъ, Аѳиняне являлись на площади. Они связывали волоса свои на темѣ и украшали ихъ золотыми цикадами. Рабы носили складныя кресла, чтобы господа ихъ не были принуждены отдыхать на жесткомъ мѣстѣ. Вотъ каковы были побѣдители при Маратонѣ и рушители всѣхъ силъ Азіи!«

Можно не согласиться съ теоріею Гераклида; но признаться должно, что сей отрывокъ драгоцѣненъ въ отношеніи къ жизни Грековъ, которая намъ еще до сихъ поръ несовершенно извѣстна. Герои Маратона изнѣженные и роскошные!—Какая странность!—Размышляя о свойствѣ Грековъ, мы всегда поражаемся неожиданными противоположностями. Чтобъ узнать

ихъ характеръ, надобно долго наблюдать за ними: надобно учиться Исторіи ихъ, не столько въ Дѣеписателяхъ, сколько въ Поэтахъ.

Исторія Антологіи извѣстна. Ученые знають Мелеагра Сирійскаго, Константина Кефаласа и монаха Плануда. Между новѣйшими критиками никто не трудился надъ нею столь прилѣжно, какъ Г. Якобсъ въ Готѣ. Онъ издалъ лучшіе до нынѣ комментаріи съ новымъ изданіемъ Аналектовъ Брунка, и сверхъ того напечаталъ вѣрный списокъ съ такъ называемой *Палатинской рукописи*, изъ Гейдельберга въ Римъ, изъ Рима въ Парижъ, а теперь изъ Парижа обратно въ Гейдельбергъ перенесенной. Печатныя изданія Антологіи многочисленны; первое явилось во Флоренціи въ 1494 году. Расположеніе эпиграммъ въ сихъ изданіяхъ не одинаково. Приводя ихъ, я стану держаться порядка Аналектовъ Брунка: ибо сіе изданіе болѣе извѣстно любителямъ Словесности.

Произведеніями Мелеагра Гадарскаго открывается Антологія. Онъ имѣетъ на сіе преимущество какъ Поэтъ и первый ея собиратель. Мелеагръ жилъ во время послѣдняго изъ рода Селевкидовъ, вступившаго на престолъ въ 3

годъ 170 Олимпіады. Въ его стихахъ единогласно находятъ чистоту, красивость и смѣлость въ выраженіяхъ, рѣдкую чувствительность и воображеніе пылкое. Вотъ какимъ образомъ оплакиваетъ онъ смерть любовницы:

Въ обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слезъ,
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,
И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ.
Ахъ! тщетно все! Изъ вѣчной сѣни
Ни чѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни;
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе; все хладно, все молчитъ;
Надгробный факелъ мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что вы сдѣлали властители небесъ?
Скажите, что краса такъ рано погибаетъ!
Но ты, о мать — земля! съ сей данью горькихъ
слезъ,
Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими, и успокой въ гостепріимной сѣни!

Эта эпиграмма Мелеагра написана въ строгомъ и чистомъ вкусѣ Древности: или отъ того, что Поэтъ съ намѣреніемъ слѣдовалъ примѣру Древнихъ, или потому, что языкъ истиннаго чувства самъ собою принимаетъ видъ простоты непритворной. Въ Поэзіи Древнихъ голосъ сердечной чувствительности поражаетъ

насъ, какъ унылый звукъ посреди игривой и очаровательной музыки. Но у нихъ любовь чаще, нежели думаютъ, находитъ языкъ глубокой страсти и плѣнительной нѣжности. Приведемъ въ примѣръ эпиграмму Асклепіада Самосскаго, современника Теокритова; но о которомъ мы болѣе ничего не знаемъ.

Свидѣтели любви и горести моей,
О розы юныя, слезами омоченны!
Красуйтеся въ вѣнкахъ надъ хижиной смиренной,
Гдѣ милая таится отъ очей.
Помедлите вѣнки! еще не увядайте!
Но если явится: пролейте на нее
Все благовоніе свое,
И локоны ея слезами напитайте;
Пусть остановится въ раздумьѣ, и вздохнетъ.
А вы цвѣты благоухайте,
И милой локоны слезами напитайте!

Вотъ одна изъ прелестнѣйшихъ эпиграммъ во всей Антологіи! Ни что не можетъ сравниться съ очаровательными стихами подлинника. Повторимъ еще сказанное нами. Греки никогда не старались заострить конецъ эпиграммы. Всѣ предметы художествъ, всѣ явленія Природы, всѣ случаи гражданской жизни могли служить поводомъ къ надписи. Иногда находимъ въ Ан-

годъ 170 Олимпіады. Въ его стихахъ единогласно находятъ чистоту, красивость и смѣлость въ выраженіяхъ, рѣдкую чувствительность и воображеніе пылкое. Вотъ какимъ образомъ оплакиваетъ онъ смерть любовницы:

Въ обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слезъ,
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,
И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ.
Ахъ! тщетно все! Изъ вѣчной сѣни
Ни чѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни;
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе; все хладно, все молчитъ;
Надгробный факелъ мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что вы сдѣлали властители небесъ?
Скажите, что краса такъ рано погибаетъ!
Но ты, о мать — земля! съ сей данью горькихъ слезъ,
Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими, и успокой въ гостепріимной сѣни!

Эта эпиграмма Мелеагра написана въ строгомъ и чистомъ вкусѣ Древности: или отъ того, что Поэтъ съ намѣреніемъ слѣдовалъ примѣру Древнихъ, или потому, что языкъ истиннаго чувства самъ собою принимаетъ видъ простоты непритворной. Въ Поэзіи Древнихъ голосъ сердечной чувствительности поражаетъ

насъ, какъ унылый звукъ посреди игривой и очаровательной музыки. Но у нихъ любовь чаще, нежели думаютъ, находитъ языкъ глубокой страсти и плѣнительной нѣжности. Приведемъ въ примѣръ эпиграмму Асклепіада Самосскаго, современника Теокритова; но о которомъ мы болѣе ничего не знаемъ.

Свидѣтели любви и горести моей,
О розы юныя, слезами омоченны!
Красуйтеся въ вѣнкахъ надъ хижиной смиренной,
Гдѣ милая таится отъ очей.
Помедлите вѣнки! еще не увядайте!
Но если явится: пролейте на нее
Все благовоніе свое,
И локоны ея слезами напитайте;
Пусть остановится въ раздумьѣ, и вздохнетъ.
А вы цвѣты благоухайте,
И милой локоны слезами напитайте!

Вотъ одна изъ прелестнѣйшихъ эпиграммъ во всей Антологіи! Ни что не можетъ сравниться съ очаровательными стихами подлинника. Повторимъ еще сказанное нами. Греки никогда не старались заострить конецъ эпиграммы. Всѣ предметы художествъ, всѣ явленія Природы, всѣ случаи гражданской жизни могли служить поводомъ къ надписи. Иногда находимъ въ Ан-

годъ 170 Олимпіады. Въ его стихахъ единогласно находятъ чистоту, красивость и смѣлость въ выраженіяхъ, рѣдкую чувствительность и воображеніе пылкое. Вотъ какимъ образомъ оплакиваетъ онъ смерть любовницы:

Въ обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слезъ,
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,
И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ.
Ахъ! тщетно все! Изъ вѣчной сѣни
Ни чѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни;
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе; все хладно, все молчитъ;
Надгробный факелъ мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что вы сдѣлали властители небесъ?
Скажите, что краса такъ рано погибаетъ!
Но ты, о мать — земля! съ сей данью горькихъ слезъ,
Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими, и успокой въ гостепріимной сѣни!

Эта эпиграмма Мелеагра написана въ строгомъ и чистомъ вкусѣ Древности: или отъ того, что Поэтъ съ намѣреніемъ слѣдовалъ примѣру Древнихъ, или потому, что языкъ истиннаго чувства самъ собою принимаетъ видъ простоты непритворной. Въ Поэзіи Древнихъ голосъ сердечной чувствительности поражаетъ

насъ, какъ унылый звукъ посреди игривой и очаровательной музыки. Но у нихъ любовь чаще, нежели думаютъ, находитъ языкъ глубокой страсти и плѣнительной нѣжности. Приведемъ въ примѣръ эпиграмму Асклепіада Самосскаго, современника Теокритова; но о которомъ мы болѣе ничего не знаемъ.

Свидѣтели любви и горести моей,
О розы юныя, слезами омоченны!
Красуйтеся въ вѣнкахъ надъ хижиной смиренной,
Гдѣ милая таится отъ очей.
Помедлите вѣнки! еще не увядайте!
Но если явится: пролейте на нее
Все благовоніе свое,
И локоны ея слезами напитайте;
Пусть остановится въ раздумьѣ, и вздохнетъ.
А вы цвѣты благоухайте,
И милой локоны слезами напитайте!

Вотъ одна изъ прелестнѣйшихъ эпиграммъ во всей Антологіи! Ни что не можетъ сравниться съ очаровательными стихами подлинника. Повторимъ еще сказанное нами. Греки никогда не старались заострить конецъ эпиграммы. Всѣ предметы художествъ, всѣ явленія Природы, всѣ случаи гражданской жизни могли служить поводомъ къ надписи. Иногда находимъ въ Ан-

тологіи картину безъ фигуръ (Tableau de genre), гдѣ Поэтъ, какъ живописецъ, изображаетъ нѣкоторыя мѣлкія подробности: но изображаетъ ихъ мастерскою кистію. Приведемъ для примѣра эпиграмму Гедила. Поэтъ входитъ въ великолѣпный чертогъ, видитъ остатки пиршества, осушенныя чаши, догарающіе свѣтильники, разбросанную одежду и цвѣты; повсюду слѣды веселія и роскоши; кругомъ глубокое молчаніе...

Свершилось: Никагоръ и пламенный Эротъ
За чашей Вакховой Аглаю побѣдили...
О радость! Здѣсь они сей поясъ разрѣшили,
Стыдливости дѣвической оплотъ.
Вы видите: кругомъ разсѣяны небрежно
Одежды пышныя надменной красоты;
Покровы легкіе изъ дымки бѣлоснѣжной,
И обувь стройная и свѣжіе цвѣты:
Здѣсь всѣ развалины роскошнаго убора,
Свидѣтели любви и счастья Никагора!

Гедилова жизнь мало извѣстна. Знаемъ только, что онъ жилъ въ царствованіе Птоломея Филадельфа; Древніе полагали, что онъ родился въ Аѳинахъ или въ Самосѣ. Собиратели Антологіи не заботились оставить намъ біографическихъ свѣдѣній о Стихотворцахъ, полагая конечно, что жизнь Поэта вся въ стихахъ его.

Такъ напримѣръ, находимъ мы въ Антологіи нѣсколько Антипатеровъ, и не можемъ отличить одного отъ другаго. Не льзя даже отдѣлить того, что принадлежитъ Антипатеру Сидонскому, отъ того, что писалъ Антипатеръ Ѳессалоникійскій. Подъ именемъ перваго находится прелестная надпись, которую Якобсъ называетъ suàve carmen.

ЯВОРЪ КЪ ПРОХОЖЕМУ.

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
Какъ любитъ мой полуистлѣвшій пень!
Я нѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь;
Завялъ: но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,
И пепелъ твой любилъ оставшись на земли.

Другая надпись того же Антипатера заслуживаетъ здѣсь мѣсто по необыкновенному великолѣпію и живости красокъ. Она написана на разореніе Коринѳа Консуломъ Мумміемъ (отъ основ. Рима въ 609 году). Поэтъ предполагаетъ, что Нереиды, дочери Океана, сѣтуя на развалинахъ величественнаго Коринѳа, поютъ:

Гдѣ слава, гдѣ краса, источникъ золъ твоихъ?
Гдѣ стогны шумные и граждане счастливы?
Гдѣ зданья пышныя и храмы горделивы,
Мусія, золото, сіяющіе въ нихъ?
Увы! погибъ на вѣкъ Коринѳъ столповѣнчанный!
И самый пепелъ твой развѣянъ по полямъ
Все пусто: мы однѣ взываемъ здѣсь къ богамъ,
И стонетъ Алкіонъ одинъ, въ дали туманной!

У Древнихъ божества морскія имѣли свойство мягкосердія и сострадательности. Въ трагедіи Есхиловой, Океаниды утѣшаютъ Прометея, прикованнаго къ вершинѣ Кавказа. Любители Поэзіи, читая сей отрывокъ, вспомнятъ плачь Пророка на развалинахъ опустошеннаго Тира; они вспомнятъ также, что по разореніи Коринѳа, Муммій нашелъ отрока, который сказалъ ему нѣсколько стиховъ изъ Омера. Смыслъ сихъ стиховъ былъ: блаженъ тотъ, кто въ могилѣ!

Въ послѣднемъ стихѣ эпиграммы Антипатеровой сказано: *σῶν ἀχέων ἁλκύονες*, что въ буквальномъ переводѣ значитъ: *мы* (Нереиды), *Алкіоны твоей горести*. Трудно было сохранить такое выраженіе, и самая мысль, кажется мнѣ, далека отъ натуры. Знаю, какъ опасно подчинять строгимъ и мѣлкимъ правиламъ нашего вкуса совершенную свободу Древнихъ; но

въ этомъ случаѣ отступленіе позволительно. Слѣдующій Алкіонъ (въ естественномъ смыслѣ) кажется намъ трогательнѣе холодной метафоры. Видъ моря, берегъ, загроможденный развалинами, бывшими нѣкогда Коринѳомъ (et campus ubi Troja fuit), мертвое молчаніе, нарѣдка прерываемое стенаніемъ Алкіона: вся сія картина болѣе трогаетъ, болѣе поражаетъ, нежели метафора неожиданная, и, повторю еще, холодная.

Имена сочинителей большей части эпиграммъ совершенно неизвѣстны, и къ симъ безъименнымъ принадлежатъ эпитафіи, надписи, стихи на случаи историческіе и проч. Нѣкоторые имѣютъ видъ разговора; въ слогѣ ихъ легкость, краткость и быстрота неподражаемая! Вотъ одна изъ оныхъ. Разговоръ, на улицѣ, молодаго человѣка съ дѣвушкою не строгихъ нравовъ:

Куда красавица? — За дѣломъ, не узнаешь, —
Могу ль надѣяться? — Чего? — Ты понимаешь. —
Не время. — Но взгляни: вотъ золото, считай. —
Не болѣ? шутишь! такъ прощай.

Я съ намѣреніемъ оставилъ для заключенія сей статьи одного изъ новѣйшихъ и, можетъ быть, изъ лучшихъ Стихотворцевъ Антологіи.

Павла Силенціарія. Полагаютъ, что онъ жилъ въ седьмомъ вѣкѣ по Рож. Хр. Византійскіе Историки пишутъ, что онъ происходилъ изъ богатаго и знатнаго рода. Стихи его свидѣтельствуютъ, что онъ имѣлъ рѣдкое дарованіе, или нѣжное воображеніе, глубокую чувствительность, и былъ напитанъ чтеніемъ древнихъ писателей. Любопытно отличать въ его стихахъ древнія мысли отъ новѣйшихъ. Павелъ, рожденный и воспитанный въ христіанствѣ, долженъ былъ сохранить въ душѣ своей неизгладимую печать Религіи; но поэзія его болѣе принадлежитъ къ роду Поэзіи Древнихъ; всѣ ихъ формы строго соблюдены. Иногда намъ кажется, что Павелъ есть современникъ Мимнерма; но вдругъ черта, совершенно неожиданная, открываетъ въ немъ болѣе сходства съ нѣжнымъ Петраркомъ, нежели съ пламенною Сафою. Вотъ его первая эпиграмма.

Сокроемъ навсегда отъ зависти людей
Восторги пылкіе и страсти упоенья;
Какъ сладокъ поцѣлуй въ безмолвіи ночей,
Какъ сладко тайное любови наслажденье!

Пятая эпиграмма Павлова представляетъ картину, полную жизни и движенія, и имѣетъ форму почти драматическую.

Въ Лаисѣ нравится улыбка на устахъ,
Ея плѣнительны для сердца разговоры;
Но мнѣ милѣй ея потупленные взоры
И слезы́ гореети внезапной на очахъ.
Я въ сумерки, вчера, одушевленный страстью,
У ногъ ея любви всѣ клятвы повторялъ,
И съ поцѣлуемъ, къ сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекалъ...
Я таялъ, и Лаиса млѣла...
Но вдругъ уныла, поблѣднѣла,
И слезы градомъ изъ очей!
Смущенный я прижалъ ее къ груди моей;
Что сдѣлалось; скажи, что сдѣлалось съ тобою?—
Спокойся, ничего, безсмертными клянусь;
Я мыслію была встревожена одною:
Вы всѣ обманчивы, и я ... тебя страшусь.

Въ этихъ стихахъ узнаемъ мы нравы народа, привыкшаго возвышать цѣну наслажденій искуснымъ смѣшеніемъ впечатлѣній противоположныхъ. Греки давали иногда наслажденію томный видъ меланхоліи; статую Смерти они не рѣдко ставили по среди пиршествъ и чашъ веселія.

Слѣдующая эпиграмма исполнена живости и жара. Поэтъ обращается къ постарѣлой красавицѣ.

Тебѣ ль оплакивать утрату юныхъ дней?
Ты въ красотѣ не измѣнилась,
И для любви моей
Отъ времени еще прелестнѣе явилась.
Твой другъ не дорожитъ неопытной красой,
Незрѣлой въ таинствахъ любовнаго искусства.
Безъ жизни взоръ ея стыдливой и нѣмой,
И робкой поцѣлуй безъ чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и въ мертвой камень;
И въ осень дней твоихъ не погасаетъ пламень,
Текущій съ жизнію въ крови.

Мы принуждены были смягчить и, можетъ быть, ослабили нѣкоторыя выраженія: впрочемъ переводъ довольно вѣренъ.

Въ одной изъ своихъ надписей Поэтъ мастерски изображаетъ грусть преждевременной старости: печальный плодъ нескромнаго наслажденія жизни и страстей огненныхъ.

Увы! глаза потухшіе въ слезахъ,
Ланиты впалыя отъ долгаго страданья,
Родятъ въ тебѣ не чувство состраданья,
Жестокую улыбку на устахъ...
Вотъ горькіе плоды любови страстной,
Плоды ужасные мученій безъ отрадъ,
Плоды любви, достойные наградъ,

Не участи, для сердца столь ужасной...
Увы! какъ молнія внезапная небесъ,
Въ насъ страсти жизнь младую пожираютъ,
    И въ жертву безотрадныхъ слезъ,
    Коварныя, на вѣки покидаютъ.
Но ты, прелестная, которой мнѣ любовь
Всего, и юности, и счастія дороже,
Склонись, жестокая, и я.... воскресну вновь
Какъ былъ, или еще бодрѣе и моложе.

Что бы познакомить совершенно читателя съ нашимъ Поэтомъ, избрали мы эпиграмму, которой мысли и оборотъ напоминаютъ Французскіе мадригалы.

    Улыбка страстная и взоръ краснорѣчивый,
Въ которыхъ вся душа какъ въ зеркалѣ видна.
    Сокровища мои... она,
Жестокимъ Аргусомъ со мной разлучена!
    Но очи страсти прозорливы.
Ревнивецъ злой, страшись любви очей!
Любовь мнѣ таинство быть счастливымъ открыла,
Любовь мнѣ скажетъ путь къ красавицѣ моей:
Любовь тебя читать въ сердцахъ не научила.

Заключу сіи выписки эпиграммою, которую почитаю лучшимъ произведеніемъ Павла. Она достойна примѣчанія и потому, что носитъ печать временъ новѣйшихъ. Не Петрарка ли слы-

шимъ? не его ли страстные и одушевленные звуки; не та ли самая живость въ оборотахъ, которая плѣняетъ насъ въ краснорѣчивомъ любовникѣ Лауры?..

Изнемогаетъ жизнь въ груди моей остылой;
Конецъ боренію; увы! всему конецъ.
Киприда и Эротъ, мучители сердецъ!
Услышьте голосъ мой послѣдній и унылой.
Я вяну, и еще мученія терплю;
Полмертвый, но сгораю.
Я вяну: но еще такъ пламенно люблю,
И безъ надежды умираю!
Такъ, жертву обхвативъ кругомъ,
На олтарѣ огонь блѣднѣетъ, умираетъ,
И вспыхнувъ ярче предъ концомъ,
На пеплѣ погасаетъ.

—

ПРИБАВЛЕНІЕ.

I.

(*Méléagre. Br. Annall.* CIX. T. I. *pag.* 30).

Dans le séjour des morts reçois ma triste offrande,
Ces soupirs douloureux, ces regrets superflus,
Ces pleurs cruels, amers, que le tembeau demande,
De tendresse et d'amour doux et derniers tributs;
L'Erèbe ne rend plus ton ombre gémissante,
Tout est sourd à mes cris en ces lieux pleins d'horreur.
Qu' avez vous fait, grands dieux, de cette fleur charmante?
La poussière a flétri son éclat enchanteur:
Déesse vénérable, ô Terre bienfaisante,
Dans ton sein matérnel reçois-la sans douleur.

II.

(*Asclépiade. Br. Annall.* IV. T. I. *pag.* 24).

Sur le seuil de Phryné je suspends ces guirlandes:
Festons que j'ai tressés, que j'arrosai de pleurs,
Soyez de mon amour l'emblême et les offrandes,
Versez autour de vous vos suaves odeurs;
Mais si Phryné paraît, repandez sur sa tête
Ces pleurs, témoins discrets de mes longues douleurs.
Qu'un spectacle si doux la surprenne et l'arrête;
Fleurs, versez vos parfums, et faites en ce jour
Boire à ses blonds cheveux les larmes de l'amour.

III.

(*Hedyle. Br. Annall.* I. T. I. *pag.* 483).

Le vin, les doux propos, l'amour et Nicagore,
Ont vaincu d'Aglaé la crainte et les refus.
O vous, dont sa beauté s'embellissait encore,
Je vous vois en désordre, épars et confondus,
Vêtemens somptueux, frais et légers tissus,
Fleurs qui pariez sa tête, élégante chaussure,
Voile délicieux par l'amour inventé,
Ornemens d'Aglaé, débris de sa parure,
Témoins du doux sommeil et de la volupté.

IV.

LE PLATANE SEC AU VOYAGEUR.

(*Antipater. Br. Anall.* XXXVII. T. II. *pag.* 16).

De mon tronc desséché cette vigne sauvage
Est encor la grâce et l'appui;
A ses fruits savoureux j'ai donné mon ombrage,
Je l'amais autrefois, elle m'aime aujourd'hui.
Si ton coeur est sensible et tendre,
Demande aux dieux, ô voyageur,
De trouver ici bas un ami dont le coeur
Appartienne encor à ta cenpre.

V.

CHANT DES NÉRÉIDES

SUR LES RUINES DE CORINTHE.

(*Antipater. Br. Anall.* L. T. II. *pag.* 20).

Où sont et ta grandeur et ta beauté fatale,
Ta couronne de tours, tes temples, tes trésors,
Tes superbes palais, ta pompe orientale,
Et ces flots d'habitans répandus sur tes bords?
La guerre a tout détruit, malheureuse Corinthe,
Tout, jusqu'à tes débris; nous seules en ces lieux,
Filles de l'Océan, nous implorons les dieux,
Et le triste alcyon redit au loin sa plainte.

VI.

(*Anonyme. Br. Anall.* LXV. T. III. *pag.* 163).

Bon jour, la belle enfant, où vas-tu?—Que t'importe?—
Pourrait on espérer? — Qu'est-ce? — Une nuit — Le lieu? —
Chez toi.—Mais les présens?—Voici ce que j'apporte,
C'est de l'or .... tiens!—Ceci? tu plaisantes, adieu ...

VII.

(*Paul le Silentiaire. Br. Anall.* I. T III. *pag.* 71).

Cachons à tous les yeux les combats de Cypris,
Nos baisers, nos transports, ta feinte résistance;
Il est doux de jouir dans l'ombre et le silence,
Et les plaisirs cachés n'en ont que plus de prix.

VIII.

(*Le même Br. Anall.* V. T. III. *pag.* 72).

Le souris de Laïs sans doute est plein de charmes;
Mais son regard baissé, ses yeux noyés de larmes,
Ont un attrait cent fois plus doux.
Hier tandis qu'à ses genoux
Je lui peignais l'excés de ma vive tendresse,
Tout à coup, au sein de l'ivresse,
Un long ruisseau de pleurs s'échappe de ses yeux;
Je la prends dans mes bras, je l'embrasse, la presse,
Je la prie en pleurant, j'interpelle les dieux:
„Parle, ô mon tendre amour! .. — Eh bien, me répond-t-elle,
„Apprends le motif de mes pleurs:
„Je tremble que l'amour ne te rende infidelle;
„Vour êtes tous volages et trompeurs."

IX.

(*Le même Br. Anall.* VIII. T. III. *pag.* 73).

Pourrais-tu regretter l'inconstante jeunesse?
Tes traits n'ont rien perdu de leur vive beauté.
Crois-moi, mon aimable maîtresse,
Le temps, qui détruit tout, pourtant respecté
Et tes appas et notre ivresse;
Une beauté novice est moins faite aux amours,
Son ardeur incertaine use de cent détours
Dont ne se sert jamais la nôtre;
Mais habile à jouir, savante en volupté,

Ton automne vaut mieux que le printemps d'une autre,
Ton hiver a des feux que n'a pas son été.

X.

(*Le même Br. Anall.* X. T. III. *pag.* 74).

Mes cheveux gris, mes yeux mouillés de larmes,
Ont excité ton sourire moqueur,
Ce sont les fruits de mes tendres alarmes,
De mes soucis mêlés de mille charmes,
Et des plaisirs qui consumaient mon coeur.
Mon front ridé, ma démarche incertaine,
Tout m'avertit de ma trop longue erreur;
Comme l'éclair de la flamme inhumaine
En dévorant s'enfuit l'âge trompeur;
Les noirs regrets succèdent à l'ivresse;
O toi, qu'Amour doua de mille attraits,
Donne à mes voeux le prix de la tendresse,
Et sur mon front, dans mon coeur, dans mes traits,
Avec l'amour renaîtra la jeuneusse.

XI.

(*Le même Br. Anall.* XXI. T. III. *pag.* 77).

Hélas! ces doux propos, ces souris enchanteurs,
Ces regards éloquens où l'ame se déploye,
Des jaloux déchainés sont devenus la proye;
Il faut leur cacher tout, tout jusqu'à nos douleurs.
Toi, qu'un ennemi plaça près de ma belle,
Affreux Argus, je brave tes fureurs!

Nous saurons te cacher notre ardeur mutuelle;
L'amour ne t'apprit pas à lire dans les coeurs.

XIII.

(*Le même Br. Anall.* XVIII. T. III. *pag.* 77).

La flamme de l'amour dans mon coeur est éteinte;
J'ai cessé de lutter, ô Vénus, mais je meurs,
Je meurs en t'agressant une inutile plainte,
Car du cruel Amour je ressens les fureurs;
Il se rit de mes maux, il insulte à mes peines;
Il coule avec mon sang, il brûle dans mes veines;
C'en est fait, je succombe! O regrets! ô douleurs!
En consumant l'offrande, ainsi la flamme avide
Diminue et pâlit, puis sur l'autel sacré
Se ranimant soudain, jette un éclat perfide,
Et s'éteint sans effort quand tout est dévoré.

Сверхъ сего найдена еще на оберточномъ листѣ изданной рукописи, слѣдующая надгробная надпись, съ Греческаго переведенная:

Съ отвагой на челѣ и съ пламенемъ въ крови
Я плылъ—но съ бурей вдругъ предстала смерть ужасна:
О юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
Ввѣряйся челноку! Плыви!

ПРИМѢЧАНІЕ

къ Элегіи Умирающій Тассъ, стран. 9.

Не одна Исторія, но Живопись и Поэзія неоднократно изображали бѣдствія Тасса. Жизнь его конечно извѣстна любителямъ словесности: мы напомнимъ только о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя подали мысль къ этой Элегіи.

Т. Тассъ приписалъ свой *Іерусалимъ* Альфонсу, Герцогу Феррарскому: (o magnanimo Alfonso!..), и *великодушный* Покровитель, безъ вины, безъ суда, заключилъ его въ больницу С. Анны, т. е. въ домъ сумасшедшихъ. Тамъ его видѣлъ Монтань, путешествовавшій по Италіи въ 1580 году. Странное свиданіе въ такомъ мѣстѣ перваго Мудреца временъ новѣйшихъ съ величайшимъ Стихотворцемъ!.. Но вотъ что Монтань пишетъ въ *Опытахъ*: «Я смотрѣлъ на Тасса еще съ большею досадою, нежели сожалѣніемъ; онъ пережилъ себя; не узнавалъ ни себя, ни твореній своихъ. Они безъ его вѣдома, но при немъ, но почти въ глазахъ его, напечатаны неисправно, безобразно.» —

Тассъ, къ дополненію нещастія, не былъ совершенно сумасшедшій, и, въ ясныя минуты разсудка, чувствовалъ всю горесть своего положенія. Воображеніе, главная пружина его таланта и злополучій, нигдѣ ему не измѣняло. И въ узахъ онъ сочинялъ безпрестанно. Наконецъ, по усильнымъ просбамъ всей Италіи, почти всей просвѣщенной Европы, Тассъ былъ освобожденъ. (Заключеніе его продолжалось семь лѣтъ, два мѣсяца и нѣсколько дней.) Но онъ не долго наслаждался свободою. Мрачныя воспоминанія, нищета, вѣчная зависимость отъ людей жестокихъ, измѣна друзей, несправедливость критиковъ; однимъ словомъ всѣ горести, всѣ бѣдствія, какими только можетъ быть обремененъ человѣкъ, разрушили его крѣпкое сложеніе, и привели по терніямъ къ ранней могилѣ. Фортуна, коварная до конца, приготовляя послѣдній рѣшительный ударъ, осыпала цвѣтами свою жертву. Папа Климентъ VIII, убѣжденный просбами Кардинала Цинтіо, племянника своего, убѣжденный общенароднымъ голосомъ всей Италіи, назначилъ ему Тріумфъ въ Капитоліи: «Я вамъ предлагаю вѣнокъ лавровый,» сказалъ ему Папа: «не онъ прославитъ васъ, но вы его!» Со временъ Петрарка (во всѣхъ отношеніяхъ щастливѣйшаго Стихотворца Италіи), Римъ не видалъ подобнаго торжества. Жители его, жители окрестныхъ городовъ, желали присутствовать при вѣнчаніи Тасса. Дождливое осеннее время и слабость здоровья Стихотворца заставили отложить торжество до будущей весны. Въ Апрѣ-

лѣ все было готово, но болѣзнь усилилась. Тассъ велѣлъ перенести себя въ монастырь Св. Онуфрія; и тамъ — окруженный друзьями, и братіей мирной обители, на одрѣ мученія, ожидалъ кончины. Къ нещастію, вѣрнѣйшій его пріятель, Костантини, не былъ при немъ, и умирающій написалъ къ нему сіи строки, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, видна вся душа Пѣвца Іерусалима:» Что скажетъ мой Костантини, когда узнаетъ о кончинѣ своего милаго Торквато? Не замедлитъ дойти къ нему эта вѣсть. Я чувствую приближеніе смерти. Никакое лекарство не излѣчитъ моей новой болѣзни. Она совокупилась съ другими недугами, и, какъ быстрый потокъ увлекаетъ меня.... Поздно теперь жаловаться на фортуну, всегда враждебную (не хочу упоминать о неблагодарности людей!). Фортуна торжествуетъ! Нищимъ я доведенъ ею до гроба, въ то время, какъ надѣялся, что слава, пріобрѣтенная на перекоръ врагамъ моимъ, не будетъ для меня совершенно безполезною. Я велѣлъ перенести себя въ монастырь С. Онуфрія, не потому единственно что врачи одобряютъ его воздухъ, но для того, чтобы на семъ возвышенномъ мѣстѣ, въ бесѣдѣ Святыхъ отшельниковъ, начать мои бесѣды съ Небомъ. Молись Богу за меня, милый другъ, и будь увѣренъ, что я, любя и уважая тебя въ сей жизни, и въ будущей — которая есть настоящая — не премину все совершить, чего требуетъ истинная, чистая любовь къ ближнему Поручаю тебя благости небесной, и себя пору-

чаю. Прости! — Римъ. — С. Онуфрій.» — Тассъ умеръ 10 Апрѣля на пятьдесятъ первомъ году, исполнивъ долгъ Христіанскій съ истиннымъ благочестіемъ.

Весь Римъ оплакивалъ его. Кардиналъ Цинтіо былъ неутѣшенъ, и желалъ великолѣпіемъ похоронъ вознаградить утрату Тріумфа. По его приказанію — говоритъ Жингене въ *Исторіи Литературы Италіанской* — тѣло Тассово было облечено въ Римскую тогу, увѣнчано лаврами и выставлено всенародно. Дворъ, оба дома Кардиналовъ Альдобрандини, и народъ многочисленный провожали его по улицамъ Рима. Толпились, чтобы взглянуть еще разъ на того, котораго Геній прославилъ свое столѣтіе, прославилъ Италію, и который столь дорого купилъ позднія, печальныя почести!...

Кардиналъ Цинтіо (или Чинціо) объявилъ Риму, что воздвигнетъ Поэту великолѣпную гробницу. Два Оратора приготовили надгробныя рѣчи, одну Латинскую, другую Италіянскую. Молодые Стихотворцы сочиняли стихи и надписи для сего памятника. Но горесть Кардинала была непродолжительна, и памятникъ не былъ воздвигнутъ. Въ обители С. Онуфрія, смиренная братія показываютъ и понынѣ путешественнику простый камень съ этой надписью: Torquati Tassi ossa hic jacent. Она краснорѣчива.

Да не оскорбится тѣнь великаго Стихотворца, что сынъ угрюмаго Сѣвера, обязанный *Іерусалиму* лучшими, сладостными минутами въ жизни, осмѣлился принесть скудную горсть цвѣтовъ въ ея воспоминаніе!

—

ПРИМѢЧАНІЕ

къ Элегіи Гезіодъ и Омиръ, стран. 87.

Эта Элегія переведена изъ Мильвуа, одного изъ лучшихъ Французскихъ Стихотворцевъ нашего времени. Онъ скончался въ прошломъ *) годѣ, въ цвѣтущей молодости. Французскія Музы долго будутъ оплакивать преждевременную его кончину: истинные таланты нынѣ рѣдки въ отечествѣ Расина.

Многіе Писатели утверждали, что Омиръ и Гезіодъ были современники: нѣкоторые сомнѣваются, а иные и совершенно оспориваютъ это предположеніе. Отецъ Гезіодовъ, какъ видно изъ Поэмы *Труды и Дни*, жилъ въ Кумахъ, откуда онъ перешелъ въ Аскрею, городъ въ Беотіи, у подошвы горы Геликона: тамъ родился Гезіодъ. Музы говоритъ онъ въ началѣ *Өеогоніи*, нашли его на Геликонѣ и обрекли себѣ. Онъ самъ упо-

---

*) Это писано въ 1817 г.

минаетъ о побѣдѣ своей въ пѣснопѣніи. Архидамій, Царь Евбейскій, умирая, завѣщалъ, чтобы въ день смерти его ежегодно совершались погребальныя игры. Дѣти исполнили завѣщаніе родителя и Гезіодъ былъ побѣдителемъ въ пѣснопѣніи. — Плутархъ, въ сочиненіи своемъ, *Пиръ Семи Мудрецовъ*, заставляетъ расказывать Періандра о состязаніи Омира съ Гезіодомъ. Послѣдній остался побѣдителемъ, и въ знакъ благодарности Музамъ, посвятилъ имъ треножникъ, полученный въ награду. — Жрица Дельфійская предвѣщала Гезіоду кончину его; предвѣщаніе сбылось. Молодые люди, полагая, что Гезіодъ соблазнилъ сестру ихъ, убили его на берегахъ Евбеи, посвященныхъ Юпитеру Немейскому.

Кажется, не нужно говорить объ Омирѣ. Кто не знаетъ, что первый въ мірѣ Поэтъ былъ слѣпъ и нищій?

Намъ Музы дорого таланты продаютъ!

Конецъ втораго и послѣдняго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ
къ
СОЧИНЕНІЯМЪ
БАТЮШКОВА
ТОМЪ II.

—

СТИХОТВОРЕНІЯ.

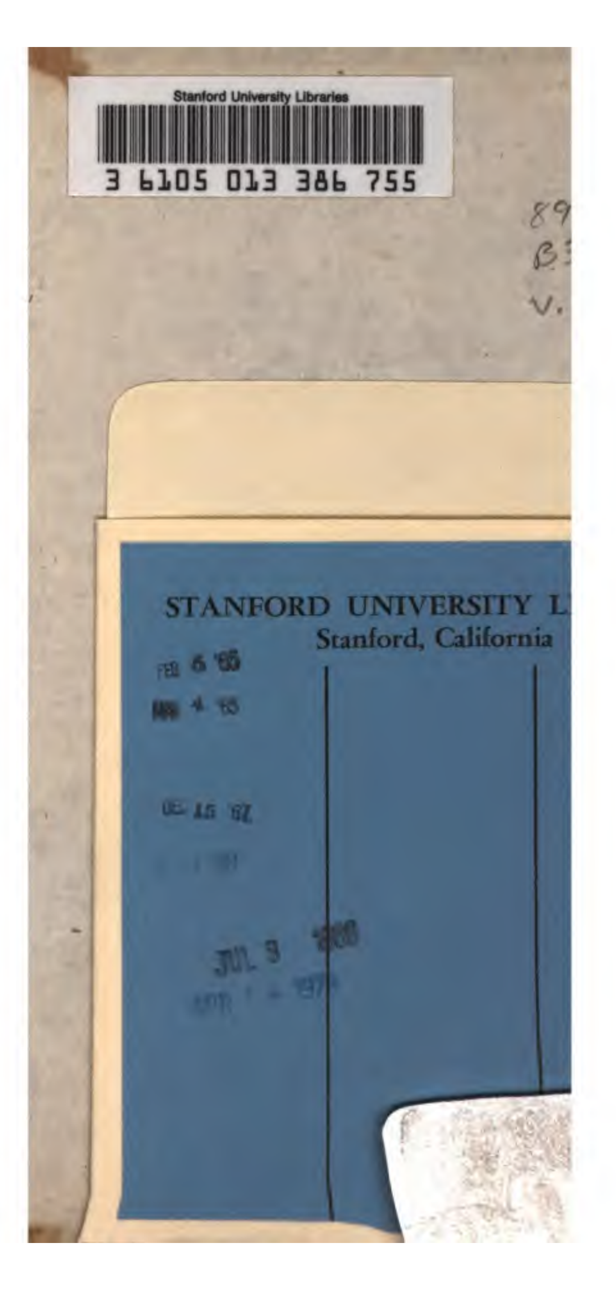
—

ЭЛЕГІИ.

Стр.

СМѢСЬ.

—


Stanford University Libraries
3 6105 013 386 755
STANFORD UNIVERSITY L
Stanford, California